

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский государственный индустриальный университет»

Кафедра социально - гуманитарных дисциплин

ФИЛОСОФИЯ

Часть 2

Методические указания к практическим занятиям и
самостоятельной работе

Новокузнецк
2017

ББК 87я7
Ф 561

Составитель:
Ковыршина Светлана Викторовна

Рецензент:
кандидат педагогических наук, доцент.
доцент кафедры прикладной математики и информатики СибГИУ
Н.В. Балицкая

Ф561 Философия. Ч.2 [Электронный ресурс] : метод. указ. / Сиб. гос. индустр. ун-т ; сост. С.В. Ковыршина. – Электрон. дан. (1 файл). – Новокузнецк : Изд. центр СибГИУ, 2017. – Систем. требования: Adobe Acrobat 7.0. – Загл. с экрана.

Приведены различные типы заданий: анализ философского текста, составление комментария к источнику, работа с философскими понятиями, составление и прочтение структурно-логических схем, сравнительный анализ философских концепций, точек зрения по изучаемым проблемам. Отражает содержание основных разделов дисциплины «Философия».

Предназначена для организации самостоятельной работы обучающихся по программам бакалавриата, специалитета всех направлений подготовки всех форм обучения.

Печатается по решению комиссии по совершенствованию учебно-методической работы в Институте фундаментального образования (протокол № 1 от 20 декабря 2017 г.).

Издано в полном соответствии с авторским оригиналом.

© Сибирский государственный
индустриальный университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	Предисловие	4
2	Тема 1 Философия, ее предмет и место в культуре	5
3	Тема 2 Исторические типы философии. Философские традиции и современные дискуссии	41
4	Тема 3 Философская онтология	44
5	Тема 4 Философская антропология	68
6	Тема 5 Познание, его возможности и границы	103
7	Тема 6 Философия науки и техники	106
8	Тема 7 Социальная философия и философия истории	109
9	Тема 8 Осмысление глобальных проблем человечества как основа философии будущего	120
	Рекомендуемый список литературы	142

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самостоятельная работа студентов по освоению любой вузовской дисциплины является неотъемлемой частью учебного процесса. Однако, отсутствие учебно-методических материалов, помогающих эффективной организации самостоятельной работы, серьезно затрудняет ее осуществление.

Данное издание по дисциплине «Философия» ч.2 предлагает обучающимся всех направлений подготовки всех форм обучения учебно-информационные, дидактические и контрольно-измерительные материалы, ориентированные на достижение целей программы самостоятельной работы по философии.

Методические указания структурированы тематически в соответствии с основными разделами рабочей программы по философии. Она рассчитана на систематическую, последовательную работу студентов по освоению философии в течение одного семестра.

Главным принципом составления тематических заданий стала их дифференциация по степени сложности. Дифференциация заданий рабочей тетради осуществлялась на основе таксономии целей обучения в когнитивной сфере.

Таким образом, дифференцированный характер заданий позволяет с одной стороны, методически последовательно и дидактически корректно организовать процесс самостоятельной работы студентов, с другой – может стать основой рейтинговой системы контроля качества знаний со стороны преподавателя.

Учебно – тематический план семинаров по философии

Неделя	Тема	Часы
1	Философия , ее предмет и место в культуре	2
2	Исторические типы философии. Философские традиции и современные дискуссии	2
3	Философская онтология	2
4	Философская антропология	2
5	Познание, его возможности и границы	2
6	Философия науки и техники	2
7	Социальная философия и философия истории	2
8	Осмысление глобальных проблем человечества как основа философии будущего	2
9	Презентация проекта «Философские проблемы самоопределения»	2

Тема 1 Философия, её предмет и место в культуре

Цель:

- уяснение обучающимися основных требований к изучению философии;
- знакомство с основными методами и приемами изучения философии, с источниковой и учебно – методической базой;
- достижение участниками семинара понимания сущности и границ философии как основы мировоззрения
- уяснение обучающимися истории возникновения философии, особенностей структуры философии.

План семинарского занятия:

1. Феномен мировоззрения в обществе. Структура мировоззрения и его исторические типы.
2. Проблема единого определения философии и границ философского знания.
3. Многообразие концепций по проблемам возникновения и происхождения философии.

4. Структура философского знания и особенности разделов философии. Категориальный язык философии.

Ключевые понятия: мировоззрение, мироощущение, миропонимание, жизненные цели и идеалы, убеждения, синкретизм, сциентизм, тоталитаризм, технократизм, миф, вера, знание, субъективная реальность, объективная реальность, ценности, идеология, философствование, рефлексия, генезис, парафилософия, профилософия, протофилософия, греческое чудо, осевое время, категория, метафизика, диалектика, язык философии, онтология, гносеология, антропология, аксиология, социальная философия.

Вопросы для устного обсуждения:

1. Как проявляется философско - мировоззренческая ориентация исследователя?
2. В чем находят свое воплощение обыденные и обывательские взгляды на философию?

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

1.1 Проанализировав таблицу «Мировоззрение», выполните задания:

- а) Приведите конкретные примеры взаимосвязи основных элементов мировоззрения.
- б) Опишите динамику его формирования.
- в) Назовите особенности каждого из исторических типов мировоззрения.
- г) Сопоставьте философское мировоззрение с мифологическим, религиозным, научным и обыденным, найдите черты сходства и различия.

Мировоззрение

1.2 Нет ни одного философа в истории философии, который бы не попытался определить акт философствования через свое личное видение. Проанализируйте каждое из этих суждений и дополните их тремя новыми, отражающими специфику акта философствования.

Ж. Лакруа: «Философствовать – значит универсализировать духовный опыт, переводя его термины, доступные для всех».

М.Хайдеггер: «Философия есть философствование... Она требует, чтобы смотрели не в сторону от неё, но добывали её из неё самой».

Х. Ортега – и – Гассет: «Философствовать – искать целостность мира, завершать её в Универсуме и строить для части целостность, где она могла бы вместиться и успокоиться».

Аристотель: «Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой–нибудь пользы».

1.3 Заполните таблицу и сформулируйте свой вывод о границах философского знания:

	Философия	Наука	Искусство	Религия
Предмет				
Сущность				
Время возникновения				
Функции				
Роль в обществе				

1.4. Прочитайте предложенную ниже статью Л.А Ляховецкого и попытайтесь выявить основания авторской позиции по вопросу о концепциях происхождения философии.

Из чего исходит философия? – это один из ряда вопросов, традиционно составляющих проблематику происхождения философии.

Сопоставление предложенных в наше время различных ответов на него Я. Мартинкой и А.Н. Чанышевым обнажило, казалось бы, альтернативность («...из мифа» и «...не из мифа, а из знаний») взглядов на духовные источники философии.

Обозначение одной из этих точек зрения «концепцией мифического происхождения», как бы подтвержденное словами «концепция по поводу зарождения...» убедило меня в целесообразности обращения к термину «концепция происхождения философии (КПФ)».

Два его определяющих уточнения – «мифогенная концепция происхождения философии» и «гносеогенная концепция происхождения философии» – впоследствии в научном обращении закрепились.

Таковы две основные концепции, но в литературе отмечаются и концепции неосновные.

Так что, подходя к ответу на заглавный вопрос формально, можно утверждать; не концепция, а концепции происхождения философии в литературе зафиксированы. Более того, они становятся трафаретами, и приток – не проанализированными. Пристальное же вглядывание в ситуацию вызвало целый ряд замечаний:

а) Историческое. Появление гносеогенной концепции совсем не связано с именем А. А. Богданова (кстати, он был приверженцем (– концепции), а появление мифогенной не совсем связано с именем Гегеля. Эту концепцию (в выражении – из, религии, притом – из религии эзотерической) в 20-е годы XIX в. предложил Фаддей-Ансельм Рикснер (1766–1838), старший современник Гегеля.

б) Теоретическое. Рассуждая о концепциях, следует (предварительно) отличить концепцию в широком смысле слова (КПФш) от концепции в узком смысле слова (КПФу). Первую образует совокупность ответов на все (возможные) вопросы проблематики происхождения философии (ППФ). Эта самая совокупность, к большому сожалению, и сегодня (ибо работы самых последних лет изменения в ситуацию не внесли) предстает перед нами далеко не упорядоченной. Так что, подходя к ответу на заглавный вопрос неформально, можно говорить: концепция происхождения философии в историко-философской науке отсутствует (и добавить: путь к адекватной КПФш в науке и не короткий, и не скорый).

в) Уточняющее. Ответ на вопрос «из чего?» следует полагать именно концепцией в узком смысле. Поскольку в литературе обозначены и неосновные КПФу, которых оказалось не одна и не две, а «целых» шесть, то «в объятиях» основных все восемь выглядят так:

1. Философия исходит из мифа

1.а. Философия не исходит из мифа, она отделяется от мифа

1.б. Концепция «двусмысленности философии»

1.2.а. Концепция «историологии философии»

1.2.б. Философия исходит и из мифа, и из знаний

1.2.в. Концепция «диалектическая»

2.а. Концепция «одной, нерасчлененной науки»

2.б. Философия исходит из знаний

Итак, три мифогенные, три компромиссные, две гносеогенные концепции происхождения философии.

Кроме фиксации «вверху» таблицы – самой старой (старшей) из концепций (1), хронологию появления той или иной концепции соблюсти не удастся. Важно, однако, что таблица наша оказалась не только хорошо обозримой, но и открытой для предложений (дополнений и уточнений) коллег.

г) Проблемно-психологическое. Казалось бы, альтернативные подходы к ответам на вопрос «из чего?», усложняясь, уточняются... Но – так ли это? Вот в этом вопросе, конкретизирующем изложенный (в данном материале) вопрос заглавный, и заключен основной поиск автора в данном фрагменте. Перед развертыванием ответа на вопрос: «так ли это?» желательны учесть один преимущественно психологический штрих: семь концепций, кроме (старой) старшей, не разработаны, а декларированы. Да и таблица эта составлена на основании только деклараций коллег по проблематике.

д) Дополнительное. Перед развертыванием ответа на вопрос «так ли это?» не забыть бы еще одну «завалющую» альтернативу.

Дело в том, что никто не может никого «обязать» соглашаться с тем, что мифология предшествует философии. Вот и появляются несогласные с этим утверждением историки философии.

А. «Борьба материализма и идеализма ... нашла свое отражение в мифах»; Б. «Материалистический образ мышления присущ в той или иной мере всем народам на всех этапах их развития». Таковы антиконцепции происхождения философии. Вглядимся пристальнее.

Во втором постулате вовсе снимается проблематика происхождения материализма хотя и ставится вопрос о его «той или иной мере». В первом постулате вовсе снимается вопрос о существовании проблематики происхождения философии: последняя исконна.

Нет, материализм произошел... Нет, философия произошла... Нет, мифология предшествует философии... Альтернатива резка!

Что же касается «той или иной меры» (философии ли, материализма ли, абстракции ли и т. п.), то о ней поговаривали и поговаривают многие историки, не делая, однако, попытки раскрыть смысл своей «меры», поразмышлять над способом ее «измерения»...

И вот самый общий (естественно, для данного фрагмента исследований) вывод: сегодняшняя проблематика происхождения философии ничего «равно»ценного противопоставить концепции мифогенной не может, как не могла она этого сделать и 80–90 лет назад.

Первые шаги планомерной теоретизации проблематики происхождения философии (как и не-первые шаги в ней) вариативны.

Да и «места отталкиваний» первых шагов – тоже вариативны!

Вот одно из подобных «мест отталкивания»: решить проблему происхождения философии – это «ответить на вопросы: из чего, как, где, когда и почему возникает философия...» (А еще раньше было констатировано, что «основных вопросов проблемы возникновения философии... пять...»).

Один из вариантов первых шагов в планомерной теоретизации проблематики происхождения философии мною видится таким:

1. Целесообразно усомниться в правомерности вопроса «почему?» – в пользу вопроса «зачем?», то есть во имя какой новой потребности появляется новая форма общественного сознания, новый модус культуры, новый тип мировоззрения и т. п.?

2. Перечисленные в «месте отталкивания» вопросы – отнюдь не рядоположны, а непременно последовательны: сначала – теоретическое определение первофилософии, затем — ее эмпирическое выявление, затем – вопрос «для чего (она)?», затем – вопрос «из чего (она)?», т. е. вопрос о предфилософии.

2а. Да-да, я не оговорился: вопрос «из чего?», которому в основном и посвящено это письмо, обсуждается в любом варианте планомерной теоретизации проблематики происхождения философии не первым, а последним!

Первым же обсуждается (думается, тоже – в любом варианте теоретизации проблематики) вопрос «как?» (точнее – «в каком обличьи?», еще точнее – «что?»). Итак, «что, собственно, появляется?» или «происхождение чего именно исследователь собирается описывать, трактуя о происхождении философии?»

Можно, к примеру, рассмотреть происхождение философской формы общественного сознания (так поступаю я лично). Можно (и нужно: ведь теоретизация вариативна!) рассмотреть происхождение иных «ипостасей» (аспектов, функций и т. п.) философии.

Не надо при этом стремиться сразу выработать концепцию, ибо из этого ничего не получится. Надо кропотливо работать над несколькими вариантами контуров концепции. Это, думается, будет продуктивнее...

Возможно, в подобных вариантах прояснятся и плюсы существующей вот уже 160–170 лет мифогенной концепции происхождения фи-

лософии. Пока же плюсов этих (почти) не видно.

Вот и ответ на заглавный вопрос письма. Ответ – пространный; краткий же ответ: и есть она, и нет ее; скорее – нет, чем да.

Ляховецкий Л.А. Существует ли концепция происхождения философии? / Л.А. Ляховецкий // Вопросы философии, 1994. №12. – С. 171 – 172.

1.5. Прочитайте фрагмент работы В. И. Плотникова и ответьте на вопрос: в чем суть софиогенной концепции происхождения философии, предложенной им?

Вопрос о происхождении философии с необходимостью вводит нас в предельно глубокую и всегда актуальную проблему – как в принципе стал возможным феномен самосознания всего человеческого рода в его отношении к тому Миру, внутри которого нам приходится жить. Такая постановка проблемы позволяет с самого начала очертить «узкие» границы ее самодостаточной полноты и избежать обсуждения множества других, сопредельных вопросов, обычно обозначаемых в качестве «широкой» стороны исследуемой темы. Поскольку экстенсивный анализ темы тяготеет к дурной бесконечности и потому эвристически непродуктивен, нашей последующей задачей является поиск глубинных оснований философии.

Многообразие форм бытия современной философии предполагает наличие в далеком прошлом не одного, а некоторого множества ее корней. Но как узнать, имеют ли эти корни непосредственное отношение к тому, что именно возникло на их основе в процессе последующих преобразований? Мало того, возникает настоятельная необходимость соотнесения предполагаемых начал философской формы сознания с теми признаками философии, которые, складываясь на протяжении целых эпох в развитии человечества, сохранялись в ее основании в качестве наиболее важных, придающих философии не только единый (родовой) смысл, но и актуальное (видовое) содержание.

Современная философия является органической частью исторически сложившейся и отличающейся богатым разнообразием духовной культуры. От всех иных форм духовной культуры она отличается, пожалуй, всего лишь одной «странностью», которую чаще всего называют «предельностью». Зримый аналог этой поражающей человеческое воображение странности можно найти в храме Реандзи в Япо-

нии. С какой бы статичной позиции не обозревать знаменитый «сад камней» этого храма, один из пятнадцати камней, причудливо разбросанных по его замкнутому пространству, всегда остается невидимым. И только пристальное внимание, время и последовательное перемещение от одной точки обзора к другой обнаруживают вдруг, вместе с «последним» (всего лишь сосчитанным!) камнем, глубокую мудрость неуловимой целостности наличного бытия. Даже самую малую часть целостной бытийной сферы, в которую люди погружены, они могут постичь только в опыте, опираясь на собственное живое созерцание, и только с помощью мысли, свободной от наличных ограничений. Из этой кажущейся такой простой и такой понятной человеческому уму мудрости и вырастает вся философия.

Никакая метафора не может, конечно, заменить основанного на фактах и теоретическом размышлении точного знания. Нашей целью является поэтому поиск конкретных начал, на основе которых складываются постепенно единый смысл и тяготеющие к нему иные рациональные предпосылки, формирующие тот вид духовного самосознания людей, который мы называем ныне «философией». По словам Н.А.Бердяева, «философское познание есть функция жизни, есть символика духовного опыта и духовного пути.. .Философствует и познает конкретный человек, а не гносеологический субъект, не отвлеченный универсальный дух» [1. С. 105]. Слова эти справедливы не только для нашего времени, они должны быть осмыслены и для той далекой эпохи, с которой связано возникновение философии.

1. СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФИИ

Первой задачей на пути к обозначенной цели является гносеологический анализ сложившихся к настоящему времени концептуальных моделей, объясняющих происхождение философии. Если не считать промежуточных и вариативных моделей, то в качестве основных моделей могут быть названы только три – мифогенная, гносеогенная и социогенная.

Сильной стороной мифогенной концепции (а ее сторонниками были такие глубокие мыслители, как Гегель, А.Ф.Лосев, Дж. Томсон и др.) является указание на тот непреложный и многократно подтвержденный современными исследованиями факт, что мифология была единственной универсальной формой духовной жизни людей первобытной эпохи. Все другие представления, входящие в состав духовной жизни этого времени, – зарождающиеся религиозные представ-

ления, первобытное искусство, обыденное знание и нравственные нормы – в той или иной степени и мере были пронизаны мифологическим мировосприятием, зависели от него и определялись доверительным отношением всех без исключения людей к мифу как таковому. Если принимать во внимание один лишь этот, исторически «узкий» смысл проблемы – «из чего исходит» философия как особая, основанная на универсалиях форма духовной культуры становящегося человеческого рода, то вроде бы никакого сомнения в истинности мифогенной концепции и быть не может.

Сомнения возникают с того момента, когда в центре внимания оказывается вопрос о способе, благодаря которому происходит рождение философии и ее высвобождение из цепких объятий мифологического мироотношения. Современная философия немыслима вне рациональной формы. А потому кажется единственно логичным начинать ее путь с того времени, когда происходит перевод мифологических образов и религиозно-мифологических верований на язык понятий и категорий. Гносеогенная концепция с необходимостью вырастает на этом, тоже «исходном», но уже ином, интеллектуально психологическом основании, критическом по отношению к мифу и религии и позитивном по отношению к науке. Наиболее резко эта сциентистская позиция представлена Карлом Поппером. Критическое отношение к широко известной формуле «от Мифа к Логосу» высказывают и другие авторы.

Исторический подход к проблеме происхождения философии сближает мифогенную и гносеогенную позиции, но в концептуальном отношении оказывается двусмысленным. Как правило, явные и неявные сторонники гносеогенной концепции, например, А.Н.Чанышев, Ф.Х.Кессиди, А.В.Семушкин, Г.Франкфорт и другие, не отвергают и мифологическое основание. Актуальное отношение мифогенного и гносеогенного оснований соединяется в этом случае с помощью исторических представлений о «предфилософии», о «дофилософской духовной культуре», об «освобождении мысли от мифа» и т.д. В этой интенции на поиск переходных форм в становлении Логоса, а также способов органической связи психики людей с вырастающими на ее основе видами обыденного, научного и религиозного сознания кроется подлинная сила гносеогенной концепции происхождения философии. При этом одни исследователи (например, М.Вартофски) делают акцент на обыденном знании, другие (например, И.Н.Лосева) – на решающей роли теоретического знания, а тре-

тьи (например, Ф.Корнфорд) настаивают на приоритете религии.

Но слабости есть и у гносеогенной концепции. Главная из них заключается в концептуальном непонимании тех объективных сдвигов в социальной жизни людей, которыми определялись изменения в их психологии. Специфика первобытного мифомышления заключается в неотчлененности чувственного и рационального, веры и знания, индивидуального и общинного. Этот синкретизм был обусловлен исторически: родовая жизнь людей еще не освободилась от многих, чисто природных зависимостей. Механизм родового сознания зависел поэтому не столько от становящихся социальных норм (табу), сколько от внутренних бессознательных побуждений и импульсов. Не был закончен и переход от изначальной, инкорпорированной стадии становления языка к его конечной, номинативной стадии, что, кстати говоря, и объясняет феномен мифологического «оборотничества», то есть мысленной способности превращать что угодно во что угодно. Именно отсюда проистекало характерное для мифологии доверчивое отношение к любым рассказам о происхождении природных явлений (например, Солнца или Луны), предметов культуры и самого человека.

Психологическое основание, в пределах которого представляются возможными все и всяческие трансформации как внутри мифомышления, так и вне его, оставалось устойчивым до тех пор, пока воедино сливались индивидуальное и коллективное отношение к миру. А потому кризис этого ядра мифологического синкретизма в конечном счете приводит к расчленению и других его сторон – чувственности и рассудка, религиозного и научного сознания и т.д. и т.п. Естественно возникает вопрос, на каком еще более глубоком «исходном основании» происходят все эти многочисленные трансформации в психологии людей? Вопрос такого рода требует выхода за пределы гносеологии в сферу онтологии и обращения к такой реальности, которая позволяла бы понять органическое отношение объективного и субъективного. Серьезным и весьма продуктивным подступом к решению этой проблемы и стала социогенная концепция.

Ж.-П.Вернан, один из авторов этой концепции, связывает возникновение таких высших психических функций, как произвольное запоминание, активное внимание и отвлеченное мышление, с судьбами древнегреческих социальных структур, в первую очередь – с возникновением полиса (города-государства) и его бурной политической жизнью. Становление демократии с ее установкой на индивидуаль-

ную состязательность, борьбу мнений и свободу критики позволяет понять, каким образом единое может возникать из множественного, а множественное из единого. Закономерным следствием этих радикальных перемен становится, по мнению Ж.-П. Вернана, становление греческой теоретической мысли, а на ее основе не только философии, но еще и математики, астрономии и других форм и типов рациональности.

Такова та ступень, на которой современное научное знание остановилось в объяснении исторических корней и концептуальных моделей происхождения философии.

В какой-то степени эта приостановка понятна. Внимательный анализ той последовательности, которая связывает все три сложившиеся к настоящему времени концептуальные модели, свидетельствует не только о нарастающем историзме в самом подходе к проблеме происхождения философии, но и о кажущейся логической убедительности переходов от одних уровней обоснования к другим, более глубоким и емким. Но, с другой стороны, столь же закономерно нарастает впечатление о принципиальной незавершенности и логики обоснования, и самого историзма. Даже самый «узкий» аспект этой проблемы – «из чего (из мифа или из знания) исходит философия?» – до сих пор требует, по мнению Л.А.Ляховецкого, дополнительного прояснения, поскольку «ничего равноценного мифогенной концепции» до сих пор не выработано и не противопоставлено. Совсем недавно, поставив перед философской общественностью вопрос: «Существует ли концепция происхождения философии?», он отвечает: «И есть она, и нет ее; скорее – нет, чем да» [17. С. 172]. И он, безусловно, прав. Никакая логика не в состоянии объяснить механизм превращения мифологического образа, основанного на доверии и потому абсолютно нечувствительного к его внутренним противоречиям, в познавательный образ, с его изначальной ориентацией на различие веры и знания. Соглашаясь с Л.А.Ляховецким, выделим те четыре наиважнейших вопроса, входящих в состав этой сложной проблемы, которые до сих пор остаются не только без ответа, но и без какого-либо должного концептуального внимания и понимания.

Во-первых, все обозначенные выше модели происхождения философии разработаны на материале западноевропейской или в лучшем случае еще и ближневосточной духовной традиции. Но, как известно, философия, кроме античной Греции, возникает еще в двух существенно обособленных друг от друга регионах – Древнем Китае и

Древней Индии. Какие же всеобщие закономерности вызвали к жизни феномен существенно усложнившейся духовной культуры человечества, внутри которой одни формы (мифология, в частности) уходят на периферию, другие (например, искусство и религия) обретают независимость, а третьи (в том числе наука и философия) складываются заново?

Во-вторых, во всех трех регионах философия возникает практически одновременно – в VI–V веках до нашей эры*. Возникает вопрос, какие сходные исторические условия в одних и притом крайне отдаленных друг от друга регионах приводят к возникновению философии, а в других (например, в Месопотамии) не приводят, несмотря на наличие в них предфилософской традиции и географическую близость к центрам возникновения философии (в частности, к античной Греции)? На теоретическом языке первый и второй вопросы требуют ясного понимания той изначальной формы и того всеобщего основания, внутри которых по истечении некоторого времени происходит зарождение и становление философии.

В-третьих, как свидетельствуют факты, на вариативность возникающей философии Древней Индии, Китая и Греции непосредственный отпечаток наложило не только своеобразие путей социально-исторического развития этих стран. Не менее значимыми были и особенности становления духовной жизни людей, включая этнические стереотипы мышления, способы преодоления мифологии, отношение к науке и религии и, что особенно важно, язык. Но в таком случае становится неизбежным вопрос: каким было то непосредственное основание, на котором философия зарождается независимо от места ее возникновения?

И, наконец, в-четвертых, в процессе исторического развития философия не только воспроизводила свою самодостаточную целостность, расширяла степень своего воздействия на реальную жизнь людей и умножала формы и способы актуального философствования. В критические периоды своего существования она еще и обновлялась, возвращаясь к своему достаточному (всеобщему) основанию и начиная заново свой восходящий путь к предзаданной ей когда-то конечной цели. Возникает вопрос: каково это всеобщее основание, создающее эффект ее самодостаточности?

Таковы те вопросы, без которых немислимо современное понимание происхождения философии...

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФИИ. ФЕНОМЕН МУДРОСТИ И

РЕФЛЕКСИЯ НАД НЕЙ

Не разобравшись в предпосылках и условиях происхождения философии, нельзя понять, как ее появление стало возможным в принципе. Но никакие предпосылки и условия не в состоянии объяснить сам способ, каким философия непосредственно возникает. Главным вопросом становится поэтому вопрос о способе превращения некоторого множества исторически сложившихся субъективных и духовных инноваций в ту наличную и целостную форму мышления, которая впоследствии была названа философией.

Наше особое внимание необходимо перенести теперь на тот феномен, который непосредственно предшествует появлению философии, походит на нее до такой степени, что многие нынешние исследователи называют этот феномен «предфилософией», но назвать философией все-таки не решаются. Чтобы разобраться в том, тождественны ли эти два феномена и насколько существенны различия между ними, следует, по крайней мере, на время, отказаться от самого термина «предфилософия», который запутывает суть дела и создает лишь видимость некоторого решения. Для обозначения того феномена, который предшествует философии, предпочтительнее термин «мудрость». И сам этот термин, и люди, которых называли мудрецами, и те идеи, которые действительно заслуживают такой оценки, возникли, появились и сложились задолго до появления философии как таковой.

Непосредственной социально-исторической причиной, породившей целую волну последствий, включая и возникновение мудрости, стало нарастающее имущественное неравенство внутри каждого сословия.

В условиях развитой цивилизации в единой сфере человеческого бытия впервые появляется возможность реализовать в материальном достатке свое естественное право на частную собственность. К тому же в непосредственный быт людей вторгается феномен разнообразия предметной культуры, в том числе чужеземной и потому особенно привлекательной. В этих условиях индивид начинает испытывать множество безотчетных влечений. Сам чувственный мир индивидов, их желания и страсти, цели и программы действий, мотивы и склонности становятся разнообразными. Но стартовые условия для реализации человеческих вожеланий были (и остаются поныне) весьма неодинаковыми даже для свободных тружеников, не говоря уже о родовой знати или о власти имущих. На этой основе существенно возрастает разрыв между бедностью и богатством внутри сословий свободных земледельцев и ремесленников. Возникает долговое рабство,

а вместе с ним – чувство глубочайшего унижения и осознание несправедливости таких трагических перемен. Разрыв возникает и внутри относительно единого прежде сословия родовой знати: нежелание делить крупные земельные угодья или власть приводит к тому, что младшим братьям в родовых кланах или в семействах правителей приходится самим пробивать себе жизненные пути. У одних представителей этой части родовой знати внутренние переживания и зависть порождают склонность к авантюризму, у других, обладающих достаточными знаниями и некоторым достатком, возникает стремление поправить свое положение в иной сфере бытия – в политической карьере, торговле, занятиях наукой, а то и просто в свободных размышлениях над судьбами людей.

В совместную жизнь людей все более основательно входят новые реалии, как субъективные, так и объективные. Более того, именно субъективные перемены выходят теперь на первый план, становясь непосредственной движущей силой социальных волнений. Личностные страдания и переживания, порождаемые амбивалентностью внутренних чувств, влечений и страстей, становятся побудителями социального поведения индивидов. Социальные волнения и массовые смуты, вызванные недовольством людей, в свою очередь, вынуждают временных (выборных) или постоянных (наследственных) правителей искать более или менее оптимальный выход из сложившихся трудностей. В то же время сами объективные условия, в том числе регионально детерминированные, существенно ограничивали основные направления мысленного поиска желанных перемен. Критическое отношение к устаревшим обычаям и традициям и желание либо восстановить былые, естественные права, либо перестроить жизнь на иных, обновленных началах и принципах все более сплетались с сознанием безуспешности индивидуальных действий и необходимостью сохранения уже достигнутого уровня культуры. Ни интуиция, взятая сама по себе, ни вера, запечатленная в священных текстах, ни эмпирическое знание уже не могли помочь в осмыслении всех этих сложных сплетений и взаимозависимостей. Феномен мудрости в этих условиях стал социально востребованной необходимостью.

Общая атмосфера брожения умов и появления мудрецов на исторической сцене Древней Индии, Греции и Китая накануне VI—V веков хорошо описана в современной литературе и не нуждается в подробных описаниях. Нам остается выявить лишь исходные региональные

особенности этого процесса, поскольку именно этот стартовый момент в достаточной степени не осознан и поныне. Только с учетом этой специфики возможны и конечные обобщающие выводы как о феномене мудрости, так и о философии.

В Индии исходное недовольство вызывал институт варн, духовное засилье жреческого сословия (брахманов) и явное несоответствие содержания и забытого смысла древних ведийских ритуалов реалиям новой эпохи. Феномен мудрости был вызван к жизни этим нарастающим недовольством и в своем развитии прошел через три стадии. Первые мудрецы были выходцами из брахманов, и все их усилия воплотились в создании системы, в соответствии с которой жизненный онтогенез каждого члена трех высших варн должен был делиться на четыре социально-возрастных периода (ашрамы): в первом он был учеником, во втором – домохозяином, в третьем – лесным отшельником, в четвертом – бродячим аскетом. Все поведение индивида должно было строго соответствовать периодически сменяющим друг друга стереотипам (идеальным образцам, стандартам), принятым для каждой стадии. Такая система, с одной стороны, сделала веды ядром всей духовной жизни (знание вед было долгом ученика и конечной целью ученичества), но с другой – непрерывно сталкивала жизненный опыт людей старшего возраста, живущих в двух последних ашрамах, с теми смыслами ведийских гимнов и ритуалов, которыми они овладевали на стадии ученичества в доме своих учителей (гуру).

Следующее поколение мудрецов было выходцами, главным образом, из варны кшатриев. К этому времени относится создание так называемых араньяков, специальных ведийских текстов, предназначенных для лесных отшельников. В этих текстах одной из центральных тем становится тема человека и впервые формируется понятие Атмана, в образе которого выражена символическая эволюция вселенной – от стихий через растительный и животный мир к человеку.

И, наконец, непосредственно в VII—VI веках возникают тексты так называемых упанишад (в буквальном переводе – «у ног учителя»). Значительное число упанишад уже являются авторскими, и имена целого ряда их создателей-мудрецов дошли до нашего времени. Упанишады создаются для тех лесных отшельников, которые готовятся перейти на стадию аскезы, а потому центральной идеей этого периода жизни становится состояние «мокши», то есть освобождения от бесконечного цикла перерождений. Продолжая традицию осмысления ведийского «знания» и ритуала, наиболее видные из авторов упани-

шад (например, Уддалака) ставят вопросы безусловно философского характера, относящиеся к сущности человека, к бытию природы в целом, исключая участие богов и сверхъестественных сил в организации мироздания.

От всех этих стихийно становящихся разновидностей индийского типа мудрости начинает существенно отличаться учительская деятельность так называемых шраманов (буквально бродяг). Шраманы были выходцами из аскетов, то есть тех людей, которые сумели освободиться (абстрагироваться) не только от любви к своему домашнему кругу и к тому месту, где они вели жизнь лесных отшельников, но и от всех земных желаний и привязанностей. Скитания по стране и размышления над предельными для них самих, а в принципе и для всех других людей, вопросами бытия и небытия приводили шраманов к отказу от авторитета вед и к критике норм традиционного варнового уклада жизни. От всех прежних мудрецов, включая и мудрецов упанишад, шраманы отличались тем, что к представлениям о космическом миропорядке они шли, отталкиваясь от опыта индивидуальной жизни людей, а не наоборот. Именно этим обстоятельством объясняется, с одной стороны, повышенное внимание шраманов к вопросам этики, логики и предсказаний, а с другой – обостренный интерес к их учениям со стороны всех недовольных мирской жизнью и даже правителей, заинтересованных в преодолении племенной раздробленности. Вокруг множества шраманов, среди которых выделяются такие выдающиеся философы, как Госала (основатель учения адживиков), складываются общины их постоянных учеников; между зарождающимися школами начинается соперничество за влияние на духовную жизнь страны, и возникают новые философские школы, в частности джайнов и буддистов. Начатая шраманами тенденция получает теперь более четкие очертания. Буддизм, например, хотя и признает целый ряд традиционных представлений (закон кармы, доктрину перерождения и др.), на первое место ставит нравственные заслуги каждого индивидуума, а сам общечеловеческий путь спасения («благородные истины») связывает с возможностью преодоления страданий и самопознанием.

В Китае история появления и развития мудрости была существенно иной, нежели в Индии. Ее истоки, как уже отмечалось ранее, скрываются в институте царской власти. Но в VIII веке чжоуские правители утратили реальную власть над средними царствами, а вместе с этим и свой престиж мудрецов. В условиях смены этнического со-

перничества новым, социально-политическим типом соперничества между многочисленными царствами в духовной культуре Древнего Китая возникает стремление понять те перемены в жизни и судьбах людей, которые зависят не от мелких и ничтожных прихотей множества отдельных правителей, а от мощных и неизменных по своей природе космических сил. В постижении гармонии наличного бытия людей и природных сил были в первую очередь заинтересованы земледельцы, на мировоззренческие традиции которых и опирается новое поколение так называемых совершенномудрых.

Концентрированным и притом весьма необычным воплощением мудрости, сложившейся в Китае накануне эпохи Чжаньго, является текст знаменитой «Книги перемен» – «Ицзин». Складываясь поначалу в качестве гадательной книги, «Ицзин» становится в дальнейшем своеобразной моделью всей совокупности изменений, происходящих в Мире и в самих людях. Центральным понятием книги является понятие «И», в котором совместились сразу три по видимости исключаящие друг друга идеи: идея изменчивости, идея неизменности и идея их единства. В первых восьми триграммах представлены три мировые силы: Земля – Человек – Небо, во всех последующих триграммах и гексаграммах прослеживается полный цикл превращений природных вещей, духовных образов и речевых знаков. Весь этот духовно-телесный космос состоит из чередования ситуаций, порождаемых взаимодействием двух начал – инь (темного, земного) и ян (светлого, небесного), что и создает возможность для предсказаний.

«Книгу перемен» до настоящего времени называют величайшей тайной, средоточием всей восточной мудрости, «Библией Востока», системой предфилософских взглядов, а иногда и началом древнекитайской философии. Ю.К. Шуцкий, один из самых талантливых переводчиков и исследователей «Ицзина», выделяет четыре наиболее загадочных характеристики этого текста: время возникновения (исследователи называют даты от неолита до начала новой эры); неизвестность, «с чего все началось»; кругообразность символов неба и соотнесенность «принципов пространственного расположения» гексаграмм по окружности и через центр; а также тот факт, что целостный комплекс 64 гексаграмм предстает полной матрицей символов календарного цикла. «Остается без ответа древний вопрос, – пишет он, – что это – игра ума с любопытными результатами математического жонглирования или прикосновение к великой тайне мироздания?» [33, с. 531]. На наш взгляд, все эти загадки становятся принципиально

объяснимыми при условии понимания специфики восприятия пространства оседлым земледельцем и особенностей его интеллекта, основанного на интуиции. Находясь как бы в центре пространства и воспринимая его как серию концентрических кругов, затухающих к периферии, оседлый земледелец по мере развития земледелия и присвоения результатов коллективного опыта интуитивно раздвигает границы своего Мира и в конечном счете доходит до таких мыслимых пределов, о практической значимости которых приходилось только гадать. Мудрец доводит эту исходную интуицию до ее мыслимого (в опыте) предела. Становятся понятными и «странности» датировки «Ицзина». Ранние даты связаны с возникновением в Китае цивилизации земледельческого типа и началом гадательной практики, VIII—VII века – с возникновением цивилизации второй волны и зачатками иероглифического письма, а VI—V века – с пробуждением интереса к этому древнему тексту со стороны уже сложившейся философии и началом создания комментирующей части «Ицзина».

Возникновение и усиление имущественного неравенства в эпоху Чжаньго привело, с одной стороны, к отмене общинных переделов земли, к захвату плодородных земель и к волнениям земледельцев, а с другой – к резкому падению нравов и внутренним междоусобицам, порожденным алчностью и корыстолюбием представителей наследственной аристократии. Чтобы противостоять коварству и лицемерию знати и успокоить народ, правители стали привлекать на службу, в том числе в качестве первых советников, многочисленных потомков обедневших ветвей аристократических семейств, составляющих особый социальный слой, – ши. Внутри этого слоя и появляются люди, обладавшие «профессиональным» знанием не только искусства управления, но и ритуалов, музыки, искусства гадания и других видов духовной культуры. Одни из них были странствующими учеными, которых время от времени привлекали на государственную службу, другие открывали частные школы, где они обучали необходимому знанию своих многочисленных учеников. Одним из многих частных учителей был и Конфуций. В его школе учили не столько ритуалам и искусству управления, сколько самой способности различать поведение цзюнь-цзы («благородного мужа», «совершенномудрого») от поведения сяо жэнь («людишек»), то есть тех индивидов, которые в своих поступках руководствуются низменной выгодой. Эпоху Чжаньго называют «Золотым веком» китайской философии, временем соперничества «ста школ», среди которых были и конфуцианство, и

моизм, и даосизм, и легизм. Все эти основные философские школы вышли из слоя частных (свободных) учителей, все испытывали острую боль за политическую смуту той поры и все искали праведный путь (Дао—Путь), соединяющий жизненную правду каждого индивида и всеобщий порядок мироздания. Именно эта рефлексия над самой мудростью как идеальным образцом поведения индивида в любой сфере его жизнедеятельности и отличает философию от спонтанно и интуитивно складывающейся мудрости.

Феномен античной мудрости заметно отличался от китайской и индийской своей рационалистичностью и зависимостью от складывавшихся форм общественного сознания. Накануне VI—V веков в Греции начинает складываться целый ряд особенных форм, среди которых наиболее отчетливо выделяются политическое сознание и античная наука. В зависимости от них осознаются нравственность и религиозное сознание, формируется художественное и обыденное сознание. Специфика формирования этих видов сознания по сравнению с аналогичными процессами в Индии и Китае заключается в раннем появлении некоторого множества особенных, но претендующих на универсальность образцов (эталонов), на которые начинают ориентироваться разные по своим наклонностям индивиды. Обыденному сознанию с его ориентацией на здравый смысл начинает противостоять политическое сознание с его эталоном власти как таковой, способной существовать и в форме тирании, и в формах олигархии или демократии. Складываются наука с ее эталоном — преклонением перед точным и истинным знанием, религия с ее ориентацией на веру, нравственность и ее эталон всеобщего блага и т.д. Свобода выбора некоторого эталона каждым из индивидов была, конечно, исторически ограниченной, но все же несопоставимой с тем, что имело место в Индии и Китае.

На исторически своеобразной духовной почве Эллады формируется античный тип мудрости, ориентированный либо на предельную любознательность, либо на деятельное преодоление крайностей как внутри каждой формы общественного сознания, так и между ними. Блестящий пример житейской мудрости представляет гомеровский Одиссей, сочетающий в своем поведении жажду новизны, предприимчивость, умение найти выход из любого трудного положения и внутреннее мужество. В сфере социальной жизнедеятельности людей подлинным образцом становится политическая мудрость Солона. Выходец из знатного рода, поэт и купец, человек высокой культуры

Солон был наделен властными полномочиями в самый критический момент истории Афин. В своих реформах он сумел найти такой путь гражданского компромисса между требованиями демоса и знати, который обеспечил расцвет афинского полиса. Кроме Солона, в знаменитом каноне семи мудрецов называются и другие политики, и каждый раз ореол мудрости связывается народной молвой с утверждением принципа «золотой середины», реализуемой либо в добровольном отказе от абсолютной власти, либо в законотворчестве, утверждающем благо для всех граждан. Религиозная мудрость находит свое выражение в веротерпимости, и на этом фоне особо выделяются теокосмогонические фантазии поэтов Орфея и Мусея, а также выраженные в прозе мифопоэтические попытки Ферекида отыскать единые основания для универсальной религии.

От всех этих специфических разновидностей мудрости античную философию отличает рационалистическая рефлексия над самим мышлением, создающим эффект мудрости как таковой.

Как известно, древнегреческая философия началась не в самой Греции, а в Ионии. И этот факт далеко не случаен. Здесь на заселенном греками побережье Малой Азии за крепостными стенами, отделяющими поселенцев от этнически чуждого им окружения, раньше всего начинается интенсивная городская жизнь и налаживается морская торговля. Еще в первой половине VII века бурно развивающиеся город Ионии Милет и Эфес стали пионерами чеканки монет из золота и серебра и притом большого достоинства, будучи предназначены, очевидно, для крупных обменных операций. Не мудрено, что именно здесь, в ностальгическом отдалении от метрополии впервые пробуждается дух общегреческого единства. Фалес, Анаксимандр и Анаксимен были гражданами Милета. Гераклит был родом из Эфеса. Выходцами из Ионии были Пифагор и Ксенофан. Из италийской школы пифагорейцев вышел и Парменид. Но главное было в том, что всех этих философов объединяла фактически одна и та же поисковая цель – найти непреходящую основу бытия; понять, из чего все возникает и куда вновь возвращается; осмыслить, на что все обменивается в своих бесконечных превращениях. «Вода» Фалеса и «воздух» Анаксимена, «огонь» и «логос» Гераклита, «числа» Пифагора и «бытие» Парменида – были первыми мысленными аналогами и символами, метафорами и понятиями, с помощью которых философия начинает ставить и решать свои собственные проблемы. Мысль Гераклита о том, что «все обменивается на огонь и огонь на все подобно тому, как все ве-

щи обмениваются на золото и золото на все вещи» [25, с. 22], и идея Парменида о том, что только бытие может быть мыслимо, – предельно близки друг другу и столь же предельно далеки от первобытной мифологии.

Размышления над мудростью как таковой доводит до теоретически осмысленных пределов Сократ. Предметом его бесконечных разговоров с учениками и простыми гражданами являются знание, искусство, добродетель, вера, справедливость, мужество – практически все, чем живут люди свободного города-государства. И примеры свои Сократ черпает из опыта демиургов, перенося творческий смысл их повседневной работы на все остальные виды человеческой жизнедеятельности. Но Сократ не только вопрошает, он все время добивается ясности в понимании очередного предмета обсуждения и размышления. Он извлекает конечный смысл из стремления понять знание как таковое, и таковым является истина. В нравственности его привлекает добро как внутренний смысл блага. В религии он учит; ценить не культ, а божественное начало в собственной душе; в искусстве – прекрасное как таковое и т.д. Тот же самый путь Сократ избирает и в понимании мудрости. Его отношение к ней предельно четко выражает формула: философ – это не мудрец, это – всего лишь искатель мудрости.

Итак, во всех трех регионах – в Древней Индии, Китае и Греции основным способом становления философии становится рефлексия над мудростью как таковой, а, говоря проще, умение соотнести между собой самые важные для жизни людей ориентиры и на этом пути сформулировать ответ на предельные вопросы человеческого бытия. Такое умение характерно и для стихийно складывающейся мудрости, но последняя всегда сплавлена с частной жизнедеятельностью людей, погружена в их повседневное бытие и отличается от сознания всех других индивидов только более высокой культурой мышления. Философия же доводит культуру мышления, свойственную мудрости, до ее исторически обусловленного необходимого индивидам уровня, основными признаками которого становятся сознание свободы, возведение мысли в форму всеобщности и предельная рефлексивность.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий итог поиска тех предпосылок, условий и оснований, которые имеют прямое отношение к исследуемой теме, может быть сведен к предельно краткой формуле: от интуиции к рефлексии над мудростью – таков путь происхождения философии как особой формы

духовной культуры человечества. В отличие от прежней формулы («от Мифа к Логосу») новая формула ориентирована на понимание конкретного механизма и внутренней логики исторического становления и обновления философии. Такая ориентация обязывает назвать изложенную концепцию происхождения философии софиогенной и хотя бы кратко обозначить тот минимум признаков, совокупность которых придает философии ее неповторимую форму и предметную самодостаточность.

Первым формообразующим признаком философии является универсальность ее отношения к Миру. На универсальность претендуют и другие формы духовной культуры, в частности, мифология, религия и естествознание, но те средства и способы, с помощью которых они конструируют свои Миры, а именно: фантазия, вера и научные понятия, не в состоянии выразить или обосновать целостность Универсума в его отношении к индивиду. Эти способы были выработаны философией, на долю которой всегда доставалась роль особой силы, призванной интегрировать разнонаправленные тенденции в историческом развитии форм общественного сознания. Эту основную функцию философия стремится осуществить и в настоящее время с помощью своих категорий, принципов и концептуально организованных универсалий. Вторым основным формообразующим признаком философии является ее историчность, последовательно проведенная через взаимосвязанное отношение бытия и мышления.

Существо третьего формообразующего признака философии прекрасно выразил В.Зеньковский: «Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» [18, с. 382]. Реализовать этот поиск может, конечно, не каждый человек, поскольку для этого приходится овладевать некоторым минимумом теоретически оформленного знания. Но этого недостаточно, поскольку предметно областью философии является не знание как таковое, а сама реальная жизнь, жизнь всего множества людей, внутренний мир которых включает не только знание, но и веру, и подсознательные влечения, и богатую чувственность. Духовная жизнь людей питается всеми этими истоками, и чтобы понять ее единство, философская мысль ищет и находит точки совпадения интересов всех людей.

И, наконец, четвертым формообразующим признаком философии является учет человеческой индивидуальности, вне отношения к которой немислима ни исходная позиция философствования, ни какие бы то ни было другие его границы. Реальную жизнь людей изучает,

конечно, и наука, но сферой компетенции любой науки является «особенное» или, говоря иначе, отношение общего и единичного. В отличие от любой науки, границы предметной сферы философского постижения действительности определяются отношением уникального к универсальному и обратно. Применительно к реальной жизни людей в роли «универсального» выступает исторически развивающийся Мир человеческого бытия, а в роли «уникального», то есть «единственного» своем роде», – принципиально неповторимая жизнь человеческой личности и осознание ею смысла своей жизни.

Плотников В.И. Происхождение философии / В.И. Плотников // 20 лекций по философии : учебное пособие. – Екатеринбург. 2002. – с. 14 - 51.

1.6. Прочитайте фрагмент текста из работы «Философия Древнего мира» А.Н.Чанышева, выделите ключевые понятия, объясните концепции происхождения философии, систематизированные А.Н.Чанышевым и определите суть концепции автора. В чем её специфика? Какую из предложенных концепций вы считаете наиболее вероятной?

Парафилософия и ее структура. Философия существовала и существует не в духовном вакууме, а в контексте всех форм духовности и на основе всех форм материальности. Назовем этот контекст парафилософией. В парафилософии различимы две части: мировоззренческая и научная. Одна часть окружающей философию духовности создана в основном воображением (анатомически этому соответствует правое полушарие головного мозга). Мы подчеркиваем, что в основном, потому что и в искусстве в той или иной мере присутствуют моменты рациональности.

А другая часть – в основном рассудком (анатомически этому соответствует левое полушарие головного мозга).

Поэтому в нашей схеме справа от философии расположатся искусство, мифология и религия, или, если взять эти формы духовности в их мировоззренческой сути, художественно-мифолого-религиозный мировоззренческий комплекс, а слева – науки. Между философией и названными формами духовности есть как бы пограничная зона, в которой справа, со стороны философии находятся философия искусства, философия мифологии и философия религии, то есть понимание и истолкование искусства, мифологии и религии с позиций философии, а со стороны религии – теоретическая теология, то есть система защиты религии от философского свободомыслия якобы средствами самой

философии: рассуждениями и обоснованиями, однако при сохранении и ради сохранения религиозной догматики, которую следует принимать на веру.

Слева же в пограничной зоне расположатся со стороны философии философия науки, а со стороны наук – самодеятельные философствования ученых-специалистов. В числе же наук мы найдем там искусствоведение, мифологоведение, религиоведение, науковедение и даже философование. Философия и философование не одно и то же. Философами, как и поэтами, рождаются, а философоведами становятся.

Эти две части парафилософии антагонистичны друг другу.

Науки поддерживают философию как мировоззрение второго уровня. И как только философия утрачивает связь с науками, она скатывается на первый уровень, фактически переставая быть философией, т. е. системно-рационализированным мировоззрением.

Однако роль науки, ее влияние на философию не только благоприятны. Полная победа науки над мировоззренческой парафилософией лишает философию ее мировоззренческого характера. Философия сводится к методологии науки, становится своего рода служанкой науки.

Мировоззренческая парафилософия поддерживает в философии ее мировоззренческий статус, питает философию соками жизни, прежде всего социальной. Но она же влечет философию со второго уровня на первый, лишает ее системности и рационализированности, превращает в лучшем случае в философский иррационализм, а в худшем вообще растворяет в искусстве, мифологии, религии.

В обоих случаях философия становится однобокой, искривленной в ту или иную сторону.

В объективной истории философии немало примеров такой односторонней, хотя по-своему весьма интересной и впечатляющей философии. Но объективная история философии дает нам примеры цельной и гармоничной философии – такой философии, в которой системно-рационализированная форма и мировоззренческое содержание находятся в состоянии равновесия и соразмерности.

Теперь уместно поставить вопрос, что из духовного окружения философии существовало до философии и какую роль оно сыграло при ее возникновении.

Из чего возникла философия

На этот счет существуют две крайние концепции и три средние.

Согласно первой крайней концепции, философия ни из чего не возникла. Она настолько качественно отлична от предшествующих ей форм духовной культуры, что применительно к ней сам вопрос «из чего?» бессмыслен. Философия, таким образом, возникла как бы из ничего. Вторая, противоположная, концепция говорит, что философия была всегда, когда был «человек разумный».

Обе эти крайние концепции, на наш взгляд, неверны. Не случайно у философов преобладают средние концепции. Философия была не всегда. Она возникла. Было время, когда философии не было, но было нечто аналогичное ей, так что она возникла не из ничего, а из «нечто».

Но это «нечто» разные философоведы понимают по-разному. И здесь тоже есть свои уже умеренные крайности. Одни утверждают, что философия возникла из мифологии и только из мифологии или даже религии, другие же думают, что философия возникла из знания и только из знания, из начатков наук. Между этими двумя умеренными крайностями помещаются те концепции генезиса философии, которые говорят о двух началах философии: мифологическом и научном.

Но и здесь есть свое разномыслие. Одни принципиально разделяют философию на философский идеализм и философский материализм настолько, что у них и сам генезис философии раздваивается: философия возникла не как таковая, а отдельно как материализм и идеализм. Философский идеализм был продолжением линии веры. Философский материализм был продолжением линии знания. Первую концепцию из числа умеренных мы называем мифогенной. Вторую из числа умеренных – гносеогенной. Третью – дуалистической гносеогенно-мифогенной концепцией генезиса философии.

Наше понимание. Всем этим концепциям генезиса философии мы противопоставляем свою монистическую гносеогенно-мифогенную концепцию генезиса философии.

В основном почти все согласны с тем, что философии предшествовали искусство, мифология, религия. Также существовала и совокупность норм поведения как разумных, так и неразумных, то есть стихийная нравственность. Но поскольку сама по себе нравственность замкнута на отношениях между людьми, то есть не является мировоззрением, то выше мы исключили ее из рассмотрения видов мировоззрения, поскольку мировоззрения нет там, где нет основного вопроса мировоззрения – вопроса о взаимоотношении человека (людей) и мироздания. Однако нравственность может выводиться из того или ино-

го решения основного вопроса мировоззрения. Тогда она приобретает мировоззренческий аспект.

Проблема профилофской науки. Что касается науки, то многие отрицают возможность существования науки до философии, профилофской науки. Согласно мнению одних, наука возникла вместе с философией, согласно другим – после философии, но все же в древности, согласно мнению третьих – уже только в Новое время, так что у них получается, что Архимед и Евклид не ученые, не представители античной науки.

Те же, кто допускает существование науки в древности, иногда сводят науку к философии, ограничиваясь анализом мнений философов о науке, игнорируя саму эту науку.

Мы не будем вдаваться в сложный вопрос о том, что следует понимать под наукой. Не будем спорить о словах. Чтобы не увязнуть в спорах, ограничимся тем, что поставим вопрос – существовал и действовал ли до философии рассудок, ум, интеллект, индийский манас, греческий логос? Тем, кто в этом сомневается, мы предложим элементарную задачку из древнеегипетского математического папируса II тысячелетия до н.э. на разделение семи хлебов на восемь равных частей при минимальном числе разрезов. И мы утверждаем, что никакие мифы не помогут решить эту и аналогичные ей простейшие математические задачи. Ибо для этого требуется сообразительность.

И все жизнеобеспечение – плод сообразительности. Вся техническая мудрость, все то искусственное, все то, что создано человеком, все «технэмос» – результат деятельности соображения.

Рождение человека. Оставив в стороне проблему анатомического формирования человека, остановимся лишь на проблеме выделения человека из природы, из животного мира. И здесь необходимо одно уточнение. На наш взгляд, сугубо человеческое – не столько изменение человеком среды его обитания, сколько достраивание им самого себя ради этого изменения. Бобры подгрызают деревья своими естественными зубами. Человек же вооружается созданными им же искусственными орудиями труда и войны.

Дуализм первобытного сознания. Часто говорят о синкретизме, то есть о нерасчлененности первобытного сознания вообще. Это глубокая ошибка. Если и была нерасчлененность, то внутри художественно-мифолого-религиозного мировоззренческого комплекса (ХМРМК). Но в целом же нерасчлененность первобытного сознания кажущаяся. Мы утверждаем, что первобытное сознание дуалистично: в нем из-

давна существовал глубокий раскол между реальными знаниями – плодом деятельности практического рассудка (соображения) и ХМРМК – плодом мировоззренческого воображения.

Происхождение мировоззрения. Генезису философии предшествовал генезис мифологического мировоззрения. Причина этого генезиса для нас понятна; начав достраивать себя и через эту достройку изменять окружающую среду, человек начал выделяться из природы, что и было, если изъясняться теологическим языком, подлинным «первородным грехом» человека, его самоизгнанием из «безвещного» рая животного самодостаточного существования в ад «вещизма» и «лишней недействительности» (животные лишнего не делают, отчего они скорее «sapiens», чем человек), в ад изничтожения природы и самопротезирования вплоть до своей роботизации. Так или иначе, когда человек стал достраивать себя и выделяться из животного мира, в мироздании зародилось новое отношение – практический раскол между ОНО (мирозданием) и МЫ (людьми). Этот практический раскол имел свой духовный аспект в виде стихийно зародившегося основного вопроса мировоззрения, вопроса о взаимоотношении ОНО и МЫ. На этот вопрос человек мог ответить тогда только в меру своих слабых возможностей.

Выделяясь из природы, человек компенсировал это выделение, этот уход из животного рая тем, что в своем воображении очеловечивал природу, т. е. антропоморфизировал и социоморфизировал ее. Антропоморфизм – наделение явлений природы и общественных явлений качествами и даже внешним обликом человека (чему предшествует зооморфизм). Антропоморфизм может быть полным и явным и неполным, неявным. Но такое качество человека, как сознательная целенаправленность, непременно.

«Происхождение» сверхъестественного мира. Поскольку безразличному к нам мирозданию глубоко чуждо все человеческое, перенос (метафора) на нее черт человека и родового общества неизбежно породил в сознании человека сверхприродный, сверхъестественный мир мифологического псевдобытия. В мифологиях всех народов существовали разнообразные мировоззренческие мифы о происхождении мироздания и человека, т. е. космогонические и антропогонические мифы.

Реальное знание. Никакие мифы не могут заменить реального знания, без которого никакое племя, никакой народ не выжил бы. Реальные знания часто существовали в оболочке мифов, магических дейст-

вий и заклинаний. Например, посевная всегда сопровождалась магическими действиями. Конечно, эти действия не подменяли реальные.

Знания, конечно, могут обслуживать религию. Хронология вычисляет даты религиозных праздников. Математика помогает строить храмы, перестраивать алтари (например, в Индии изменение геометрической формы алтаря было возможно лишь при условии сохранения его площади). Оттого, что одна из довольно сложных математических задач называлась в Древнем Египте задачей бога Ра, она не превращалась в частицу мифологии. Некоторые числа отождествлялись со сверхъестественными существами. Хорошо известно апокалиптическое число 666.

Магия и религия. Мы говорили, что мифологическая часть религии, по существу, ничем не отличается от чистой мифологии. Разница функциональная: мифологическое мировоззрение религиозно, когда оно обслуживает религиозный культ. Однако этот культ может приобрести самостоятельную силу, независимую от воли богов. Тогда религиозный ритуал превращается в магический.

Ведь в религии результат религиозного действия (обычно это жертвоприношение) и просьба (молитва) опосредован свободной волей того или иного бога, который может как принять, так и не принять жертву, тогда как в магии заклинание и деяние принудительны.

Магия и наука. На первый взгляд магия подобна науке. В самом деле, магия предполагает наличие в мире необходимых связей, причинно-следственных отношений. Магия имеет свою технику. Шаман пользуется специальными приспособлениями. Однако подобие магии науке мнимо. Магия исходит из представления, что имитация процесса и сам искомый процесс связаны, так что, имитируя процесс, можно вызвать сам этот процесс (например, разбрызгивание воды может вызвать дождь), что, далее, воздействие на отторженную часть предмета может воздействовать на предмет (сжигая отрезанные волосы, причинить вред бывшему их хозяину), воздействуя на изображение человека, причинить вред самому человеку (поэтому не следует фотографироваться, дарить свои фотографии, а тем более допускать печатание своих фотографий в газетах и журналах). Мы говорим здесь о черной (вредоносной) магии. Но есть и белая (благотворная) магия, в том числе лечебная, которой сейчас пытаются дополнить, а то и заменить научную медицину.

Профилософия. Итак, художественно-мифолого-религиозный мировоззренческий комплекс, с одной стороны, и реальные знания и

умения, с другой, и составили профилософию. В самом широком смысле слова профилософия – совокупность развитой мифологии (плод воображения) и зачатков, необходимых для жизнеобеспечения знаний (плод деятельности рассудка).

Такая профилософия – в своей сущности дофилософская парафилософия – парафилософия без философии. Конечно, о парафилософии можно говорить лишь тогда, когда образовалась философия. Тогда философия – ядро. А парафилософия – скорлупа. Тогда философия – Солнце. А парафилософия – солнечная корона.

Но если ядра нет, то парафилософия – лишь туманность, в которой еще предстоит зародиться звезде.

В более узком смысле слова профилософия – то, что и в мифологии, и в начатках наук непосредственно послужило генезису философии. В мифологии это стихийная постановка мировоззренческих, больших вопросов. По меньшей мере, установка на большие вопросы. В начатках наук – это не столько сами знания, сколько развитие мышления, самого научного духа и научного метода, интеллект.

Далее в комплексе профилософии начинается взаимодействие ее мировоззренческой и протонаучной частей. Плод этого взаимодействия – переходные формы между мифологией и философией. Так что в еще более узком смысле слова профилософия – именно эти переходные формы между мифологическим и философским мировоззрением.

В самом же узком смысле слова профилософия – противоречие между основанным на эмоциональном и нерациональном воображении мировоззрением и начатками научного трезвого мышления, между фантазирующим мифотворчеством и зарождающимся научным методом и критическим мышлением. Таковы духовные предпосылки философии.

Чанышев А.Н. Философия Древнего мира : Учеб. для вузов / А.Н. Чанышев. – М.: Высш. шк., 2001. – С. 3 – 33.

Размышляя над проблемой генезиса философии А.Н. Чанышев отмечает, что «философия существовала и существует не в духовном вакууме, а в контексте всех форм духовности и на основе всех форм материальности». Этот контекст он называет «парафилософией». (Чанышев А.Н. Философия Древнего мира: Учеб. для вузов / А.Н. Чанышев. – М.: Высш. шк., 2001. – с. 13-14). Другие авторы - И.Н. Романов и А.Н. Костяев считают парафилософией такие явления как астрология, алхимия, хиромантия, физиогно-

мистика, нумерология, френология. (Романов И.Н., Костяев А.Н. *Философия*. М.: 2003 с. 45)

Вопросы:

а) Можно ли духовное окружение философии свести только к указанным И.Н. Романовым и А.Н. Костяевым явлениям?

б) В силу каких причин парафилософия чувствует себя комфортно в современном мире?

б) Из чего, по А.Н. Чанышеву, складывается контекст всех форм духовности?

в) Что из духовного окружения философии существовало до философии, и какую роль сыграло при ее возникновении?

1.7. Прочитайте предложенный фрагмент и ответьте на вопрос: могла ли быть философия в первобытном обществе?

«Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Явления культуры у различных человеческих обществ, поскольку могут быть исследованы лежащие в их основе общие начала, представляют предмет, удобный для изучения законов человеческой мысли и деятельности. С одной стороны, однообразие, так широко проявляющееся в цивилизации, в значительной мере может быть приписано однообразному действию однообразных причин. С другой стороны, различные ступени культуры могут считаться стадиями постепенного развития, из которых каждая является продуктом прошлого и в свою очередь играет известную роль в формировании будущего».

Тайлор Э. Первобытная культура // Антология культуроведческой мысли / Авт.-сост. Мамонтов С.П., Мамонтов А. С. М., 1996. С. 122.

1.8. Дайте подробное объяснение таким характеристикам протофилософии как ассоциативность, гилозоизм, антропоморфизм, аниматизм, социоморфизм. Проиллюстрируйте примерами из современной жизни проявления данных явлений.

1.9. На основе вышеизложенного материала, определите свою

позицию относительно концепции происхождения философии.

1.10. Прочитайте «Миф о пещере» Платона и выявите онтологические, гносеологические, аксиологические и праксиологические проблемы, обсуждаемые Сократом и Главконом.

Сократ обращается к Главкону:

– Представь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю её длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю,- сказал Главкон.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

– Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно.

– Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

– Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную проходящую перед ним вещь и заставят отвечать на вопрос, что это такое? Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

– Конечно, он так подумает.

– А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не отвернется он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

– Да, это так.

– Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

– Да, так сразу он этого бы не смог.

– Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем - на отражения в воде людей и различных предметов, а уж по-

том - на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

– Несомненно.

– И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других ему чуждых средах.

– Конечно, ему это станет доступно.

– И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведает всем в видимом пространстве, и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

– Ясно, что он придет к такому выводу после тех наблюдений.

– Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

– И даже очень.

– А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испытывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал бы

...как поденищик, работая в поле,

Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный

и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

– Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть все что угодно, чем жить так.

– Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

– Конечно.

– А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут - а на это потребовалось бы немалое время, разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

– Непременно убили бы.

– Так вот, дорогой мой Главкон, это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине,- это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль - коль скоро ты стремишься ее узнать,- а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага - это предел, и она с трудом различима, но стоит только се там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она - причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама - владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

– Я согласен с тобой, насколько мне это доступно.

– Тогда будь со мной заодно еще вот в чем: не удивляйся, что пришедшие ко всему этому не хотят заниматься человеческими делами; их души всегда стремятся ввысь. Да это и естественно, поскольку соответствует нарисованной выше картине.

– Да, естественно.

– Что же? А удивительно разве, по-твоему, если кто-нибудь, перейдя от божественных созерцаний к человеческому убожеству, выглядит неважно и кажется крайне смешным? Зрение еще не привыкло, а между тем, прежде чем он привыкнет к окружающему мраку, его заставляют выступать на суде или еще где-нибудь и сражаться по поводу теней справедливости или изображений, отбрасывающих эти тени, так что приходится спорить о них в том духе, как это воспринимают люди, никогда не выдавшие самое справедливое.

– Да, в этом нет ничего удивительного.

– Всякий, кто соображает, вспомнил бы, что есть два рода нарушения зрения, то есть [оно нарушается] по двум причинам: либо когда переходят из света в темноту, либо из темноты - на свет. То же самое происходит и с душой; это можно понять, видя, как иногда душа находится в замешательстве и не способна что-либо разглядеть. Вместо того чтобы бессмысленно смеяться, лучше понаблюдать, пришла ли эта душа из более светлой жизни и потому с непривычки омрачилась, или же, наоборот, перейдя от полного невежества к светлой жизни, она ослеплена ярким сиянием: такое ее состояние и такую жизнь можно счесть блаженством, той же, первой, посочувствовать. Если же при взгляде на нее кого-то все-таки разбирает смех, пусть он меньше смеется над ней, чем над той, что явилась сверху, из света.

– Ты очень правильно говоришь.

– Раз это верно, вот как должны мы думать об этих душах: просвещенность - это совсем не то, что утверждают о ней некоторые лица, заявляющие, будто в душе у человека нет знания и они его туда вкладывают, вроде того как вложили бы в слепые глаза зрение.

– Верно, они так утверждают.

– А это наше рассуждение показывает, что у каждого в душе есть такая способность; есть у души и орудие, помогающее каждому обучиться. Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе чем вместе со всем телом, так же нужно отворотиться всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо. Не правда ли?

– Да.

– Как раз здесь и могло бы проявиться искусство обращения: каким образом всего легче и действеннее можно обратить человека. Это вовсе не значит вложить в него способность видеть - она у него уже имеется, но неверно направлена, и он смотрит не туда, куда надо. Вот здесь-то и надо приложить силы.

– Видимо, так.

– Некоторые положительные свойства, относимые к душе, очень близки, пожалуй, к таким же свойствам тела; в самом деле, у человека сперва их может и не быть, они развиваются позднее путем упражнения и входят в привычку. Но способность понимания, как видно, гораздо более божественного происхождения; она никогда не теряет своей силы, но в зависимости от направленности бывает то полезной и пригодной, то непригодной и даже вредной. Разве ты не замечал у

тех, кого называют хотя и дурными людьми, но умными, как пронительна их душенка и как они насквозь видят то, что им надо? Значит, зрение у них неплохое, но оно вынуждено служить их порочности, и, чем острее они видят, тем больше совершают зла.

– Конечно, я это замечал.

– Однако если сразу же, еще в детстве, пресечь природные склонности такой натуры, которые, словно свинцовые грузила, влекут ее к обжорству и различным другим наслаждениям и направляют взор души вниз, то, освободившись от всего этого, душа обратилась бы к истине, и те же самые люди стали бы различать там все так же остро, как теперь в том, на что направлен их взор.

Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4 т. т. Том 3. – М., 1994. – С. 295-300.

1.11. Из предложенных ниже цитат, выберите одну и напишите сочинение в жанре философского эссе:

«Случай – основа Вселенной» (А. Эйнштейн)

«Ученый – не тот, кто много читает, а тот, кто читает с пользой» (Аристипп Киренейский)

«Не лучше было бы людям, если бы исполнилось все, чего они желают» (Гераклит)

«Врач – философ; ведь нет большой разницы между мудростью и медициной» (Гиппократ)

«Хорошее начало – половина дела» (Платон)

«У солнца есть один недостаток – оно не может видеть самого себя» (Сократ)

«Человеческий род жаден до всяких рассказней» (Тит Лукреций Кар)

«Вера вопрошает, разум обнаруживает» (Августин)

«Не всегда хорошо то, что красиво» (Л. да Винчи)

«Чудеса там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они случаются» (Д. Дидро)

«Гений – вечен, все остальное востребовано смертью» (Г. Спенсер)

Тема 2 Исторические типы философии. Философские традиции и современные дискуссии

Цель:

2) уяснение обучающимися истории возникновения и основных

этапов развития философии; её исторических типов; содержания и особенностей западной, восточной и отечественной философской мысли;

3) знакомство обучающихся с основными научными школами, направлениями, концепциями, а также современным состоянием философии.

План семинарского занятия:

1. Разнообразие и множественность (плюрализм) философских учений и систем как выражение интеллектуальной многоукладности философии. Исторические типы философствования.

2. История философии и два основных подхода к ее интерпретации: а) онтологический «История философии есть движение и развитие знания (Маркс) или мирового духа (Гегель); б) личностный: «История философии есть царство индивидуальностей, неповторяющихся обособленных единиц...» (В.С. Соловьев, В. Виндельбанд, Н.А. Бердяев)

3. Классификация философских учений, существующие и возможные варианты: а) Общие представления о специфике античной, средневековой, новоевропейской и современной философии; б) Материализм и идеализм в истории философии; в) классические и неклассические эпохи в истории философии; г) Восточная, Западная и Отечественная традиции философствования.

4. Причины интереса философии к собственной истории. История философии как опыт переоценки высших ценностей, философия как диалог культур.

Ключевые понятия: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, материализм, идеализм, субъективный идеализм, объективный идеализм.

Вопросы для обсуждения:

- 1) Существует ли мировая философия?
- 2) Каково место и роль античной философии в мировой философии и культуре?
- 3) Идеи каких мыслителей и в каких областях жизнедеятельности сохранили свою актуальность?
- 4) Каким я вижу будущее отечественной философии.

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

2.1. Познакомьтесь со статьей «О философии континентальной и аналитической и об интеллектуальной многоукладности философии» в журнале «Вопросы философии», 2002, №11 и ответьте на вопросы:

- а) Что такое «интеллектуальная многоукладность философии»?
- б) В чем проявляется плюрализм философских учений и систем, кто из философов признавал плюрализм?
- в) Приведите примеры монистических, дуалистических и плюралистических учений в истории философии.

2.2. Прочитайте статью В.Ф. Овчинникова «О понятии исторического типа философии» в журнале «Вопросы философии», 1996, № 10 и ответьте на следующие вопросы:

- а) Какие критерии предложены в качестве основания выделения исторического типа философии?
- б) Приведите примеры исторических типов философии.
- в) Дайте собственное определение историческому типу философии.

2.3. Какой из двух подходов к интерпретации истории философии: онтологический (К. Маркс: «История философии есть движение и развитие знания») или личностный (В.С. Соловьев: «История философии есть царство индивидуальностей, неповторяющихся обособленных единиц...»), на Ваш взгляд является наиболее приемлемым. Для аргументированного ответа воспользуйтесь хрестоматией «Мир философии», ч.1, с. 141 – 150, 166 – 176.

2.4. «Кто утверждает, что мир есть великая машина, движущаяся без помощи часовщика, тот вводит в мир, материализм и фатализм и изгоняет из него провидение и волю всемогущего... Кто предполагает, что королевство может хорошо идти без надзора короля, того можно подозревать, что он считает короля совершенно лишним; следовательно, кто утверждает, что бог не беспрестанно управляет миром, тот стремится к безбожию» (С. Кларк. Цит. по П.С. Кудрявцеву. История физики. М., 1956. Т.1. С. 277).

Дайте оценку этого взгляда и проанализируйте его гносеологические корни.

2.5. Прочитайте и ответьте на вопросы:

У К.Ласвица есть фантастический рассказ, в котором изобретатель, открыв способ безболезненного уменьшения человека в пространстве и во времени, переносится на поверхность мыльного пузыря, только что выдутого его сыном. Оказалось, что там были разумные обитатели, которые горячо спорили о происхождении своей "планеты" и при этом разделились на две партии. Одни утверждали, что мир состоит из жира и щёлочи и существует извечно. Другие полагали, что мир выдут устами исполина, имя коего Рудипуди.

Вопросы:

а) Можно ли считать, что первые были материалистами, а вторые идеалистами?

б) Можно ли считать идеалистическим предположение, что жизнь на какой – либо планете возникла в результате эксперимента, поставленного разумным существом из космоса? Почему?

2.6. Используя работы Ж.- П. Сартра, А.Камю, Э. Фромма (по своему выбору) покажите дискуссионность и неоднозначность проблемы свободы в экзистенциализме. Опровергните или подтвердите взгляды мыслителей с позиции современности.

2.7. Что объединяет Г.Г. Гадамера, Ю. Хабермаса, Ж. Деррида? Проанализируйте истоки и современное состояние проблемы интерпретации.

2.8. Познакомьтесь со статьей Э. Гуссерля «Философия как строгая наука» (Режим электронного доступа:http://modernlib.ru/books/gusserl_e/filosofiya_kak_strogaya_nauka/read/) и проследите аргументацию автора, направленную против натурализма в философии.

2.9. Раскройте особенности герменевтики как способа понимания Другого. Приведите 2 – 3 конкретных примера.

Тема 3 Философская онтология

Цель:

- формирование мировоззренческой культуры будущих бакалавров;
- уяснение обучающимися доминирующих подходов к проблеме сущности и строения мироздания, основных форм и диалектики бытия;
- раскрытие содержания основных философских проблем бытия;
- знакомство обучающихся с научными, философскими, религиозными картинами мира;
- достижение обучающимися понимания основных проблем синергетики как теории саморазвивающихся открытых систем;
- раскрытие структуры сознания, природы идеального.

План семинарского занятия:

1. Возникновение и развитие онтологической проблематики. Основные формы бытия, их специфика и взаимосвязь.
2. Понятие материи в философии и естествознании. Философские проблемы пространства и времени.
3. Сознание как предмет философского и специально-научного исследования.
4. Сознание и самосознание. Бессознательное.

Ключевые понятия: бытие, небытие, материя, субстанция, атрибут, монизм, дуализм, онтологический плюрализм, синергетика, релятивизм, сознание, бессознательное, самосознание, самопознание, отражение, рефлексия.

Вопросы для устного обсуждения:

1. Что значит мыслить? Культура мыслительной деятельности.
2. Решен ли вопрос о первоначале современной наукой?
3. Допустимо ли отождествление бытия с физической природой?

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

3.1. Воспользовавшись учебными пособиями и хрестоматиями по философии, выпишите 10 определений категорий бытия. Сравните их с определением понятия бытия М.Хайдеггера. Какое из них, на ваш взгляд, является наиболее полным и содержательным? Почему?

3.2. Первоначало представляет собой, по мысли древних философов, некое вещество, находящееся в вечном движении и перевоплощении. Не меняя своей сути, первоначало – источник многообразных комбинаций своих проявлений, что объясняет многообразие окружающего мира.

Задание:

Объясните, почему, по мысли древних, первоначалом могут быть: вода, огонь, воздух.

3.3. Признание существования материального и идеального является изначальным в истории философии. Обратившись к данным таблицы и, используя дополнительный учебный материал по истории философии, приведите примеры – цитаты из работ различных мыслителей, подтверждающих варианты истолкования. Почему вопрос о соотношении материального и идеального является основным и актуальным до сегодняшнего дня? Может ли идеальное иметь материальную основу, а материальное – идеальную? Ответ поясните.

3.4. Августин Блаженный пытается преодолеть антиномию времени утверждением, что нет ни прошлого, ни будущего и неправильно (а лучше сказать, неточно) говорить о существовании трех времен - прошлого, настоящего и будущего. Правильнее было бы говорить так: «Есть три времени - настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». Эти три времени, по мысли Августина, существуют только в человеческой душе и нигде в другом месте. Настоящее прошедшего - это память настоящего настоящего - непосредственное восприятие, настоящее будущего - ожидание.

Задания:

а) Основываясь на высказывании средневекового философа Августина Блаженного, попытайтесь сформулировать суть антиномии времени.

б) Прокомментируйте мысли философа. Обоснуйте свое согласие или несогласие с его позицией.

3.5. Познакомьтесь со стихотворением Л. Когана и ответьте на вопросы:

Они вошли нежданно-негаданно,
Усталые, в изношенной одежде,
И молча встали около меня.
Я их спросил: откуда вы и кто?
И мне ответил младший из пришельцев:
Минуты мы, что ты, шутя, истратил,
Осколки времени, разбитого тобою,
Которые забвеньем проросли.
А мы часы - ответили другие.
Ты нас не замечал, когда мы шли.
И мы сбивались, недоумевая,
Кто в бестолочи этой виноват.
Мы - годы, услышал я напоследок.
Ты обошелся с нами не по-людски
И забывал, как только мы старели,
Выбрасывал из календарных дат.
Я попросил прощенья у пришельцев.
Я обещал минутам постоянство,
Часам - признание, отчий кров - годам.
Но было поздно. Что исправить мог
Мой внутренний с собою диалог?
И наступила тишина такая,
Какую я слышал не раз на фронте -
Томленье барабанных перепонок
В предчувствии последних барабанов
И укорины вечного огня.

Вопросы:

- а) Сформулируйте проблему, о которой идет речь у Л. Когана.
- б) Откуда вытекает необратимость времени? Можно ли ее вывести из механических процессов?
- в) Что такое часы и чем они отличаются от времени?
- г) Что такое субъективное время? Какой смысл вкладывают в это понятие? В чем отличие объективного времени от субъективного?

3.6. Опираясь на свои знания и опыт, ответьте на следующие вопросы:

- а) Что значит обладать сознанием?
- б) Как человек пользуется сознанием?

Познакомьтесь с приведенными ниже фрагментами монографии А.Н. Книгина «Философские проблемы сознания» и ответьте на вопросы:

«О сознании написаны тысячи сочинений, сформированы многообразные представления. С чего начать, от чего оттолкнуться в дальнейшем исследовании?»

В данной работе выбор отправной точки обусловлен принятой методологией, т.е. исходным представлением будет то, которое характерно для “естественного человека”. Оно не предвзято, не обременено ни мировоззренческими, ни идеологическими мотивами, укоренено исключительно в непосредственном опыте жизни. Вопрос, однако, в том, как выявить эти представления. Ясно ведь, что их нельзя отождествить с мнением того или другого отдельного человека. Выход — единственный, и он очевиден: нужно проанализировать обыденный, повседневный язык, установить, как, в каких ситуациях и смыслах используются слово “сознание” и производные от него (“сознательно”, “бессознательно” и т. п.) “естественным” человеком. Существенны также обороты, хотя и не содержащие этих слов, но явно выражающие соответствующие идеи, как, например, “я не помнил себя, когда это делал”.

Слово “сознание” широко употребляется в обыденной речевой практике в различных контекстах, которые позволяют уловить, как обыденное сознание понимает само себя. Мы говорим: “потерял сознание”, “пришёл в сознание”, “не укладывается в сознание”, “сделал сознательно”, “прошло мимо сознания” и т. п. Проникновение в обыденную жизнь результатов науки и философии порождает новые контексты обыденного словоупотребления: “человек — существо сознательное”, “у животных нет сознания”, “у ребёнка сознание формируется постепенно” и т. п.

Что же имеет в виду “естественный” (т.е. философски не рефлексирующий) человек, употребляя это слово (сознание)?

Смысл, который в него вкладывается, прежде всего синкретичен, несколько неопределён, плюралистичен: под сознанием понимается актуализированная (т.е. проявляющаяся здесь и сейчас) или не актуализированная способность человека созерцать (видеть, слышать и

т. д.), переживать (чувствовать радость, горе и т. п.), мыслить (рассуждать, решать задачи, ставить вопросы и т. п.); при этом всегда имеется в виду также своё собственное фиксируемое присутствие в мире и наличие мира вокруг себя. Что значит “потерять сознание” для естественного человека? Значит на время утратить все эти способности, в том числе как бы потерять и себя самого (“прийти в сознание” = “прийти в себя”), т.е. сознание мыслится как нечто целое, интегральное. Но в других ситуациях просматривается как бы другое понимание. Например, в утверждении “постепенно приходит в сознание” или “у ребёнка сознание формируется постепенно”. Тут как бы признаётся возможность сознанию быть частями. Приходя в сознание постепенно, человек сначала, например, видит, потом слышит, потом понимает, потом осознаёт себя. Слепой человек не видит, глухой не слышит, но сознание у них есть. У животных есть способность видеть и слышать, но, согласно обычному мнению, сознания у них нет. Не рефлектирующий человек не замечает, что в этих различных ситуациях слово “сознание” обозначает не одно и то же. Поэтому его понимание сознания не строго, синкретично.

Сознание полагается любым человеком как несомненно присущее ему. Я знаю, что у меня есть сознание, оно открывается мне в том, что мне открыт мир и я сам в этом мире — как существо телесное и духовное. Сознание представляется как нечто естественно принадлежащее человеку. Обыденный человек полагает, что сознанием люди отличаются от животных, благодаря сознанию они могут строить планы, целенаправленно и целесообразно действовать (правда, это уже лёгкая рефлексия).

Если спросить простого человека, как относятся друг к другу сознание, ум, психика, душа, память, то ответы будут разные в зависимости от образованности или начитанности. Во всём этом — размытость границ смысла слова “сознание” у обыденного человека.

Вместе с тем к сознанию он относится как к несомненной ценности. Ущербность сознания рассматривается как беда, болезнь (“не дай нам бог сойти с ума, уж лучше посох и сума”), человеку трудно признаться даже себе, что он не умён, а родители стыдятся дефектов психики у ребёнка (глухоты, слепоты).

Тем не менее, обыденный человек различает сознание и процесс жизни. Сознание связывается с душой, но есть и тело. Потерять сознание ещё не означает умереть. Во сне сознания тоже нет, но жизнь продолжается. Сознание рассматривается как орудие успеха (ум, па-

мать), но в то же время и как нечто уводящее от реальной жизни (бесплодные фантазии, мечты).

Очевидная черта обыденных представлений о сознании — беспроblemность и тем самым некоторая мифологичность. Между тем самая лёгкая рефлексия раскрывает глубокую проблематичность этой области, что обнаруживается в массе вопросов, на которые обыденный человек не в состоянии дать обоснованных ответов. Как обосновать, что у другого человека тоже есть сознание? Только ли сознанием детерминируется человеческая жизнь и принимаются решения? Как можно доказать, что у животных нет сознания? Существует ли душа, и если да, то как и где, и как связана с сознанием? Подобных вопросов, вполне обыденных по характеру, можно задать множество. Углубление рефлексии ведёт к вопросам, сформулированным уже в специальных терминах, например: всегда ли сознание рефлексивно? Каким образом можно аутентично понять другого человека? Каковы механизмы интериоризации бытия в сознание? И т. д. Такие и подобные им вопросы образуют область философских проблем сознания, и они в большинстве своём не имеют общепризнанных ответов...

...Античные философы отгалкиваются, конечно, от обыденных представлений, поскольку другой опоры у них просто нет. Категории “сознание” у них ещё нет, исследуется деятельность души, психика. Душа является ключевым понятием, изучение её свойств — первый философский подход к тому, что позднее составило круг проблем сознания. Скажем, **Платона** интересуют глобально-мировоззренческие вопросы: бессмертие души, переселение души (метемпсихоз), содержание опыта души и познания как воспоминание и т. п. Выдающаяся заслуга Платона в том, что он сформировал понятие идеального в противоположность материальному и выдвинул идею примата идеального. Душа есть высшая бессмертная сущность. Платон даёт определённую классификацию психических (душевных) явлений как способностей души. Он выделяет интеллект, делящийся на рассудок и ум, и чувства, делящиеся на ощущение и восприятие. Ум по Платону — высшая способность души интуитивно схватывать сущность. Из этих Платоновых начал выросла затем вся классическая европейская традиция осмысления сознания как психики.

Аристотелю принадлежит фундаментальная попытка анализа психики: трактат “О душе” (5), касается он этой темы и в других работах. Прежде всего, Аристотель констатирует факт, ускользающий от обыденного понимания, но фатально преследующий всех исследователей

сознания (как философов, так и конкретных учёных): “Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего” (5, с. 371). Так же решительно Аристотель формулирует и главный — по его мнению — вопрос: “...есть ли она (т.е. душа. — А. К.) определённое нечто, т.е. сущность или же качество, или какой-нибудь из ... родов сущего (категория), относится ли она к тому, что существует в возможности, или, скорее, она некоторая энтелехия” (там же, с. 372). Этот вопрос не утратил своей актуальности и сегодня, спустя более двух тысяч лет, что подтверждает и его глубинность и тезис о трудности постижения души. Смысл аристотелевского вопроса может быть пояснён так: обладает ли душа независимым бытием или она принадлежит другому бытию как его свойство? Как свойство она всегда лишь возможность, а как сущность может быть энтелехией, т.е. реализованной в совершенной форме действительностью и целым. Мнение самого Аристотеля таково: душа — это энтелехия тела, могущего быть живым, как его сущность, назначение и смысл. Это представление весьма интересно и глубоко, во многих отношениях оно опередило на много веков конкретно-научные знания.

Во-первых, душа связывается с телом, но не со всяким, а “способным быть живым”. Кажется, что тут она выступает как “свойство” тела (характерная позиция позднейшего материализма), но это, по Аристотелю, не так. Душа не свойство, а цель, форма, определяющая бытие телесного. Она выступает как активная сторона в единстве телесного и душевного, поднимая бытие на некоторый уровень организации и сложности. Квалифицировать эту позицию как материализм или идеализм неверно и непродуктивно. Это, скорее, “кибернетическая” точка зрения на систему с объективной целью.

Во-вторых. Аристотель естественно постулирует типологию душ: растительная душа, животная душа и разумная душа. Здесь угадывается проблема исторического развития психики.

Отметим и ещё одну перспективную идею Аристотеля, содержащуюся в его характеристике чувств. Он пишет: “Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что *способно воспринимать формы ощущаемого без его материи* (курсив мой. — А. К.), подобно тому, как воск воспринимает отпечаток перстня без железа или золота ... ощущение, доставляемое каждым органом чувства, испытывает что-то от предмета ... поскольку он имеет определённое качество, т.е. воспринимается как форма...” (там же, с. 421). Тут мы видим и начало теории отражения, и трактовку сознания как

идеального, и информационный аспект анализа. Только не следует считать, что Аристотель развивает именно теорию отражения. Учение о душе как энтелехии это исключает. Однако отражение выступает как момент отношения души и мира.

Трём типам души соответствуют и три способности: питательная, чувствительная и ноэтическая (интеллект). Лишь человеческая душа обладает всеми тремя способностями, и лишь только активная часть ноэтической псюхе бессмертна.

Гений Аристотеля проявился и в том, что он фактически ввёл идею самосознания (хотя терминологически не всё ещё отстоялось). Так, в “Никомаховой этике” он писал: “... видящий воспринимает, что он видит, и слышащий, что слышит ... есть нечто воспринимающее, что мы действуем, так что, когда мы чувствуем, <оно воспринимает>, что мы чувствуем, и когда мы мыслим, что мы мыслим; <воспринимать же> что мы чувствуем или мыслим, значит <воспринимать>, что мы существуем...” [цит. по (28, с. 39)]. Последняя фраза показывает Аристотеля как предтечу декартовского *cogito*. Способностью подобного восприятия обладает так называемое “общее чувство”. Таким образом, Аристотель вплотную приблизился к анализу не только души, но и собственно сознания.

Выдающимся является вклад в проблематику сознания **Плотина** (III в. н. э.). К нему мы ещё обратимся не раз. Сейчас же отметим лишь следующее. Плотин систематически использует идеи осознанности и неосознанности. “Не всё в душе осознанно, — говорит он, — но воспринимается нами лишь то, что прошло через сознание [цит. по (28, с. 23)]. В частности, не осознанна причастность нашей души Уму. По характеристике П. Адо, сознание и “я” у Плотина как бы между двумя теньвыми зонами: “безмолвной, не осознающей себя жизнью нашего “я” в Боге, и молчаливой, бессознательной жизнью тела” (3, с. 24). Наличие бессознательного в душе Плотин утверждает ясно и определённно.

Средневековая философия теологична и поэтому естественно связывает сознание с богом. Высшее разумное начало — Бог — это и есть подлинный разум. Человеческий же разум или сознание есть функция (способность) души — искра разума божественного. Однако душа не просто вторичная и пассивная эманация бога. Она обладает *спонтанностью* и *активностью*, она свободна. Эта идея органически связана с христианской догматикой, наделяющей индивида возможностью выбора и ответственностью. Чтобы это было логически воз-

возможным, необходимо, чтобы душа могла узреть и оценить свои собственные стремления, достоинства и пороки. Таким образом, весьма определённо формируется важнейшая идея *самосознания*.

Первоначало и источник этой философской эпохи — *Августин*. Он с особой определённой подчеркнул *рефлексивность* сознания. “Я не видел бы предмета, если бы не чувствовал, что вижу”. Это означает, что рефлексивность, обращённость сознания на себя (следовательно — самосознание) не просто некое качество или способность сознания, это — его сущностная черта, без которой оно не существует. И сверх того — самосознание обладает абсолютной самодостоверностью, истиной, которая не требует доказательств: “Я не вижу, каким образом <можно опровергнуть> того, кто говорит: я знаю, что это мне кажется белым, я знаю, что для меня это сладко, горько” и т. д. [цит. по (111, с. 242)]. Самодостоверность ощущений, мыслей, даже сомнений и ошибок — обеспечивает достоверность факта моего

существования. *Si fallor sum* — “если я обманываюсь, я существую”, ибо кто не существует, не может и обманываться. Можно сомневаться в чём угодно, только не в собственном существовании. Так формируется (начиная уже с Аристотеля) идея неразрывности человеческого бытия (понимаемого не физически) и сознания, или существования человека как самосознающего бытия.

Фома Аквинский сформулировал важную мысль о связи сознания и знания. Со-знание, “согласно собственному значению слова” означает соотнесённость знания чему-то. Она реализуется в действии, сознание — это действие. Сознание есть также и познание. Обладать сознанием — *это способность души пребывать в особом тоне*, активном состоянии, когда душа может выхватить познавательный образ. В этих положениях Фомы Аквинского отчётливо различаются понятия души и сознания. Сознание есть способность души, которая актуализируется именно в активности познавательного плана.

В *Новое время* постепенно происходит переход от термина “душа” к термину “сознание”, углубление в человеческое Я, т.е. переход к анализу самосознания, и формируются две существенно различные линии в анализе сознания.

Одна линия - сциентистская в своей основе, она как бы выносит сознание на периферию, поскольку сознание связывается с телом, с мозгом, с материей вообще, рассматривается в конечном счёте как *свойство* материальных образований. Эта тенденция просматривается в философских учениях Спинозы, Локка, французских материали-

стов XVIII века, Фейербаха, марксизма, современного так называемого “научного материализма”. Сознание трактуется как предмет вполне доступный научному исследованию, т.е. как обычный объект. Различные функции сознания (мышление, “страсти”) подробно исследуются спекулятивно, а затем и конкретно-психологическими (с XIX века) и даже физиологическими, физическими, информационными (с XX века) методами. В общем плане сознание трактуется как психика человека, “освещённая” рефлексией. Специфически философские аспекты анализа заметно подавляются конкретно-научными.

Другая линия, напротив, сугубо философская, спекулятивная, выдвигает сознание в центр философии. Начало этой линии положено Декартом, его знаменитым *Cogito ergo sum*. Эта линия прослеживается в концепциях Лейбница, немецкой классической философии, сегодня — в феноменологии и экзистенциализме. Разумеется, в начальной (XVII в.) и в конечной (XX в.) фазах обеих этих линий есть существенные различия, однако общность основного акцента остаётся.

Декарт своим знаменитым *Cogito* вывел сознание в сердцевину философии. Почему именно он? Ведь аналогичные идеи высказывали, как мы видели, Августин и даже Аристотель. Дело в том, что у последних идея свидетельства сознанием существования была мимоходной, включённой в более широкий контекст отношения телесно-душевного человека к миру, Богу, логосу и т. д. У Декарта же идея *Cogito ergo sum* — начало истинного философствования. Всё остальное, что может сказать философ, основывается на этом *единственно несомненном начале*. *Cogito* как воплощение сознания становится опорным пунктом всех философских суждений и, таким образом, сознание приобретает (как проблема) центральное значение. Декарт отчётливо и недвусмысленно связал сознание с рефлексией и чётко определил рефлексию: “Когда взрослый человек чувствует что-либо и одновременно воспринимает, что он не чувствовал того же самого прежде, это восприятие я называю рефлексией” [цит. по (38, с. 177)]. А “быть сознающим — значит мыслить и рефлексировать над своим мышлением” (там же, с. 171).

В *немецкой классической философии* мы находим уже практически весь комплекс проблем сознания, характерный и для настоящего дня. Кант осознал два необходимых аспекта в трактовке сознания: сознание как отношение субъективных реалий к действительности и сознание как отношение в действительности. Последнее — предугаданный феноменологический подход. “Феноменология духа” и “Фи-

лософия духа” Гегеля — грандиозный по масштабу и глубине анализ сознания, не до конца освоенный и сегодня. Здесь важен такой общий пункт: “дуализм” сознания, выражающийся в том, что оно может быть рассмотрено как момент для-себя-бытия (т.е. независимо от сознания действительности) и как отношение знаковое: “... дуализм <—> оно, с одной стороны, знает о некотором другом для него внешнем предмете, а с другой стороны, есть для себя, имеет этот предмет в себе идеализованным, находится не только у такового другого, а в нём находится также и у самого себя” (41, т. 5, с. 163). То есть сознание не только бытийно и отражательно, оно также и феноменально. Оно само себя знает как таковое со своей собственной бытийностью и своим содержанием. В этом смысле оно онтологически и гносеологически самодостаточно, не требует для своего понимания отнесения себя к чему-то. В XX веке это реализовалось в феноменологическом подходе Гуссерля.

Во всей истории философской рефлексии проблем сознания общая ведущая тенденция в понимании сознания была рационалистической, но этой тенденции противоречил факт отсутствия ясного, рационального и общепризнанного определения сознания. Постепенно проясняется и осознаётся трудность терминологически строгого определения сознания, возникают его метафорически-символические обозначения. Часто оно сравнивается со светом (у Гегеля, например). В этом плане заслуживает внимания характеристика сознания, данная позднее А. Бергсоном: “Сознание — это свет, присущий зоне возможных действий ... оно означает колебание или выбор ... там, где реальное действие является единственно возможным, там сознание отсутствует” (16, с. 130).

Здесь очевиден праксиологический аспект в трактовке сознания. Сознание выступает как сфера свободы и, следовательно, субъективности. Сознание детерминирует субъективность как свободу и детерминировано свободой.

В XIX веке получили распространение аксиологические мотивы в оценке сознания. Очевидные трудности в рациональном анализе как психики в целом, так и сознания породили иррационалистическую философию (Шопенгауэр, Э. Гартман, позднее — Ницше, Кьеркегор). Бытие стало рассматриваться как иррациональное и посему сознание (часто отождествлявшееся с рациональным, разумным) не оценивалось как наиболее важное определение человека, что характерно для рационализма. Скорее наоборот. Приоритет отдавался бессознатель-

ному.

Если обыденное сознание и рационализм XVII - XVIII веков оценивают сознание и особенно разум как его наиболее определённую форму в качестве одной из высших ценностей человека (если не самую высшую), то теперь иррационалистические идеи противопоставляют сознанию стихию бессознательного. Сознание начинает оцениваться негативно. Особенно резко это выражено у Достоевского: “слишком много сознания — это болезнь”, даже “всякое сознание — болезнь”. Причина такого отношения в том, что развитое сознание ставит под сомнение все основания, спрашивает обо всём и не находит ответа. Всё, что разум может доказать и утвердить, он может и опровергнуть, и разрушить (154, с. 82). Заметим, что в появлении таких оценок сказались неправомерное отождествление сознания с мышлением, разумом и недооценка других ипостасей сознания, характерная, практически, для всей философии с античности до XIX в.

Но не только это. Углублённое проникновение в человеческую личность постепенно прояснило, что “естественный человек”, начиная с античности, становясь личностью, постоянно интуитивно чувствует связь сознания со свободой и ответственностью человека, с его “заброшенностью” и одиночеством. Возникает рефлексивная “боязнь” сознания, которая у естественного человека многообразно проявляется, о чём будет разговор дальше. Эту связь блестяще показал А. В. Ахутин, анализируя античную трагедию как проявление становления сознания (“открытия” в его терминологии): “Страшно и трагично это <узнавание> человеком своей онтологической странности: живя в мире, он не вмещается в него, человек не имеет в мире “своего места”, не защищён его законным порядком... Космическая и божественная педагогика формирует человека, но наставничество прекращается (с возникновением самосознания. — А. К.) — и человек достигает настоящей зрелости, приходит в сознание. В этом месте ... всё отступает от него: воля богов и космическая махина судеб как бы ждут у порога его сознания, ждут его собственного решения, и никакой бог не подскажет ему на ухо... ” (9, с. 35). Обладая сознанием, человек сам решает, сам определяет свою судьбу. Сознание постоянно ставит человека не только перед текущими проблемами повседневности, но и перед бездной бытия и небытия.

Для сциентистской позиции в XX в. характерно прежде всего функциональное рассмотрение сознания как природного орудия человеческой деятельности. Так, американский философ К. Соёр харак-

теризует сознание как продукт эволюции живого, увеличивающий негэнтропийную гибкость человека. Российский физик Д. М. Блохинцев говорит о нём как о системе приобретения, преобразования, хранения и выдачи информации. Подобные характеристики весьма распространены. Отметим, что сознание в них предстаёт как некий эпифеномен деятельности материальных систем. Оно не рассматривается со стороны встроенности в сам фундамент бытия, со стороны его метафизического значения. Между тем основная философская традиция анализирует прежде всего это, ибо, как пишет Дж. Рей в книге “Основания для сомнения в существовании сознания” (1983 г.), сознание — свет, освещающий темноту, оно поднимает небытие на уровень бытия. (Вспомним и приведённую ранее выдержку из М. М. Бахтина).

Современные антисциентистские трактовки сознания воплотились в феноменологии и экзистенциализме. Они базируются на идее невозможности объективировать сознание как предмет исследования.

В целом европейская философия, если исключить новейшую, стремилась понять сознание рационально и даже детерминистски, исследуя его либо в связи с материей, либо в связи с богом и душой. При этом перед взором философов всё время витает образ сознания, навеянный обыденным пониманием: сознание как принадлежность человеческого индивида, как его индивидуальная душа, обладающая высшим ценностным статусом. Христианская религия и теология этот образ поддерживали и укрепляли,

Иное положение в традициях восточной (индийской) философии. Они изначально и до настоящего времени исходят из представлений о космическом статусе сознания как основы мироздания. Индивидуальное сознание как разум, ум представляется не ценностью, а помехой для единства индивида с всеобъемлющим абсолютным сознанием. Отсюда и своеобразие главной проблемы: отыскание путей отождествления человека с мировым сознанием. Философия приобретает практический характер выработки техник достижения этой цели (таковы философские школы йоги). Следует заметить, что в конце XX в. мотивы восточной философии стали весьма распространёнными в философской культуре Запада, в том числе и в России. Они оказывают влияние также и на науку (трансперсональная психология)».

Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск: Издательство Томского университета, 1998. с. 13-23

Вопросы:

а) Сравните обыденное представление и сознании со взглядами европейских мыслителей. Что общего в этих подходах?

б) Как эволюционировало представление о сознании в истории европейской философской мысли?

3.7. Прочитайте фрагмент из работы З. Фрейда и ответьте на вопросы:

«Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология — наукой о содержании сознания. Да, это тождество кажется настолько само собой разумеющимся, что возражение против него представляется нам очевидной бессмыслицей, и все же психоанализ не может не возражать, он не может признать идентичность сознательного и психического. Согласно его определению, психическое представляет собой процессы чувствования, мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и бессознательного желания. Но данное утверждение сразу же роняет его в глазах все приверженцев трезвой научности и заставляет подозревать, что психоанализ — фантастическое тайное учение, которое бродит в потемках, желая ловить рыбу в мутной воде. Вам же, уважаемые слушатели, пока еще непонятно, по какому праву столь абстрактное положение, как «психическое есть сознательное», я считаю предрассудком, вы, может быть, также не догадываетесь, что могло привести к отрицанию бессознательного, если таковое существует, и какие преимущества давало такое отрицание. Вопрос о том, тождественно ли психическое сознательному или же оно гораздо шире, может показаться пустой игрой слов, но смею вас заверить, что признание существования бессознательных психических процессов ведет к совершенно новой ориентации в мире и науке.

Вы даже не подозреваете, какая тесная связь существует между этим первым смелым утверждением психоанализа и вторым, о котором речь пойдет ниже. Это второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, утверждает, что влечения, которые можно назвать сексуальными в узком и широком смыслах слова, играют невероятно большую до сих пор непризнанную роль в воз-

никновении нервных и психических заболеваний. Более того, эти же сексуальные влечения участвуют в создании высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, и их вклад нельзя недооценивать.

По собственному опыту знаю, что неприятие этого результата психоаналитического исследования является главным источником сопротивления, с которым оно сталкивается. Хотите знать, как мы это себе объясняем? Мы считаем, что культура была создана под влиянием жизненной необходимости за счет удовлетворения влечений, и она по большей части постоянно воссоздается благодаря тому, что отдельная личность, вступая в человеческое общество, снова жертвует удовлетворением своих влечений в пользу общества. Среди этих влечений значительную роль играют сексуальные; при этом они сублимируются, т. е. отклоняются от своих сексуальных целей и направляются на цели, социально более высокие, уже не сексуальные. Эта конструкция, однако, весьма неустойчива, сексуальные влечения подавляются с трудом, и каждому, кому предстоит включиться в создание культурных ценностей, грозит опасность, что его сексуальные влечения не допустят такого их применения. Общество не знает более страшной угрозы для своей культуры, чем высвобождение сексуальных влечений и их возврат к изначальным целям. Итак, общество не любит напоминаний об этом слабом месте в его основании, оно не заинтересовано в признании силы сексуальных влечений и в выяснении значения сексуальной жизни для каждого, больше того, из воспитательных соображений оно старается отвлечь внимание от всей этой области. Поэтому оно столь нетерпимо к вышеупомянутому результату исследований психоанализа и охотнее всего стремится представить его отвратительным с эстетической точки зрения и непристойным или даже опасным с точки зрения морали. Но такими выпадами нельзя опровергнуть объективные результаты научной работы. Если уж выдвигать возражения, то они должны быть обоснованы интеллектуально. Ведь человеку свойственно считать неправильным то, что ему не нравится, и тогда легко находятся аргументы для возражений. Итак, общество выдает нежелательное за неправильное, оспаривая истинность психоанализа логическими и фактическими аргументами, подсказанными, однако, аффектами, и держится за эти возражения-предрассудки, несмотря на все попытки их опровергнуть <...>

Не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, дав прежнему обозначению лучшее, не допускаю-

щее неправильного толкования название. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека (1923) мы будем называть его в дальнейшем *Оно* (Es). Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости Я. Сверх-Я, Я и Оно — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности. <...>

Мы приближаемся к [пониманию] Оно при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела оно открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате. Благодаря влечениям оно наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В Оно нет ничего, что можно было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших психических актов. В Оно нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через Оно, а также впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в Оно, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения.

У меня все время создается впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени мы мало что дали для нашей теории. А ведь здесь, кажется, открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, и я не продвинулся здесь дальше.

Само собой разумеется, Оно не знакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами. Все эти инстинкты, требующие выхода, полагаем мы, находятся в Оно. Кажется даже, что энергия этих инстинктивных импульсов находится в другом состоянии, чем в иных душевных областях, она более подвижна и способна к разрядке, потому что иначе не могли бы происходить те смещения и сгущения, которые характерны для Оно и совершенно не зависят от качества заряженного (Besetzte) — в Я мы назвали бы это представлением. Чего бы мы только ни дали, чтобы побольше знать об этих вещах! Между прочим, вы видите, что мы в состоянии назвать еще и другие свойства Оно, кроме того, что оно бессознательно, а также признаете возможность того, что части Я и Сверх-Я являются бессознательными, не имея таких же примитивных и иррациональных черт. К характеристике собственно Я, насколько оно допускает обособление от Оно, и Сверх-Я мы, скорее всего, приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему W—Ww. Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, во время ее функционирования в ней возникает феномен осознания. Это орган чувств всего аппарата, восприимчивый, между прочим, к возбуждениям, идущим не только извне, но и из недр душевной жизни. Вряд ли нуждается в пояснении точка зрения, согласно которой Я является той частью Оно, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, которым окружен комочек живой субстанции. Отношение к внешнему миру для Я стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его перед Оно для блага Оно, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, Я должно наблюдать за внешним миром, откладывая в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалять из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению Оно Я владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием оно делает отсрочку для мыслительной работы, во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, кото-

рый неограниченно правит ходом процессов в Оно, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха.

Очень сложное для описания отношение ко времени также сообщается Я системой восприятия; едва ли можно сомневаться в том, что способ работы этой системы дает начало представлению о времени. Чем особенно отличается Я от Оно, так это стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует у Оно. Когда мы в будущем поведем разговор о влечениях в душевной жизни, нам, вероятно, удастся найти источник этой существенной характерной черты Я. Она единственная дает ту высокую степень организации, которой Я обязано лучшими своими достижениями. Развитие идет от восприятия влечений к овладению ими, но последнее достигается только тем, что психическое выражение влечений включается в более широкую систему, входит в какую-то взаимосвязь. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно — неукротимые страсти.

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей Я, теперь настало время вспомнить и об оборотной стороне. Я является лишь частью Оно, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении оно слабо, свою энергию оно заимствовало у Оно, и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у Оно. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний Оно. Я сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя Оно вместо объекта, желая направить либидо Оно на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни Я принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, Я должно проводить в жизнь намерения Оно, оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение Я к Оно можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между Я и Оно слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда

наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается.

От одной части Оно Я отделилось благодаря сопротивлениям вытеснения. Но вытеснение не продолжается в Оно. Вытесненное сливается с остальным Оно.

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному Я еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что Я часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, Сверх-Я и Оно. Если понаблюдать за усилиями Я, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это Я в персонифицированном виде как некое существо. Оно чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, оно призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой Оно, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между Оно и реальностью оно часто вынуждено одевать бессознательные (ubw) требования Оно в свои предсознательные (vbw) рационализации, затушевывать конфликты Оно с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если Оно упорствует и не сдается. С другой стороны, за ним на каждом шагу наблюдает строгое Сверх-Я, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны Оно и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так Я, движимое Оно, стесненное Сверх-Я, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь не легка! Если Я вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед Сверх-Я, невротический страх перед силой страстей в Оно <...>

Разделяя личность на Я, Сверх-Я и Оно, вы, разумеется, не имеете в виду строгие границы наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Своеобразие психического мы изобра-

зим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников. После того как мы произвели разграничение, мы должны выделенное опять слить вместе. Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся пониманию. Весьма вероятно, что образование этих отдельных областей у различных лиц весьма вариабельно, возможно, что при функционировании они сами изменяются и временно регрессируют. Это, в частности, касается филогенетически последнего и самого интимного — дифференциации Я и Сверх-Я. Несомненно, что нечто подобное вызывается психическим заболеванием. Можно хорошо представить себе также, что каким-то мистическим практикам иногда удастся опрокинуть нормальные отношения между этими отдельными областями, так что, например, восприятие может уловить соотношения Я и Оно, которые в иных случаях были ему недоступны. Можно спокойно усомниться в том, что на этом пути мы достигнем последней истины, от которой ждут всеобщего спасения, но мы все-таки признаем, что терапевтические усилия психоанализа избрали себе аналогичную точку приложения. Ведь их цель — укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле восприятия и перестроить его организацию так, чтобы оно могло освоить новые части Оно. Там, где было Оно, должно стать Я».

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 11—12, 344-349.

Вопросы:

- а) Какова структура психики по З. Фрейду? Охарактеризуйте каждый уровень психики, обозначенные З. Фрейдом.
- б) Что, согласно З.Фрейду, такое бессознательное? Как оно себя проявляет?
- в) Почему отношения между Я, Оно и Сверх –Я такие сложные?

3.8. Прочитайте фрагменты работ К.Г. Юнга и ответьте на вопросы:

«Гипотеза о существовании коллективного бессознательного принадлежит к числу тех научных идей, которые поначалу остаются чуждыми публике, но затем быстро превращаются в хорошо ей известные и даже популярные. Примерно то же самое произошло и с более

емким и широким понятием «бессознательного». После того как философская идея бессознательного, которую разрабатывали преимущественно Г. Карус и Э. фон Гартман, не оставив заметного следа пошла ко дну, захлестнутая волной вновь стала появляться на поверхности, и прежде всего в медицинской психологии с естественно-научной ориентацией. При этом на первых порах понятие «бессознательного» использовалось для обозначения только таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых содержаний. Хотя у Фрейда бессознательно выступает — по крайней мере метафорически — в качестве действующего субъекта, по сути оно остается не чем иным, как местом скопления именно вытесненных содержаний; и только поэтому за ним признается практическое значение. Ясно, что с этой точки зрения бессознательное имеет исключительно личностную природу, хотя, с другой стороны, уже Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного способа мышления.

Конечно, поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его *личностным бессознательным*. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врожденный более глубокий слой и является так называемым *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективное», поскольку речь идет о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а *всеобщую* природу. Это означает, что оно включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые *cum grano salis* являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным.

Существование чего-либо в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. В личном бессознательном это по большей части так называемые эмоционально окрашенные *комплексы*, образующие интимную душевную жизнь личности. Содержаниями коллективного бессознательного являются так называемые *архетипы*. <... >

<...>Открытие, что бессознательное — это не простой склад прошлого, но что оно полно зародышей будущих психических ситуаций и

идей, привело меня к новым подходам в психологии. Большое количество дискуссий развернулось вокруг этого положения. Но остается фактом то, что помимо воспоминаний из давнего осознанного прошлого из бессознательного также могут возникать совершенно новые мысли и творческие идеи; мысли и идеи, которые до этого никогда не осознались. Они возникают из темноты, из глубин разума, как лотос, и формируют наиболее важную часть подпороговой психики.

Подобные вещи мы обнаруживаем в каждодневной жизни, когда задачи порой решаются совершенно новыми способами; многие художники, философы и даже ученые обязаны своими лучшими идеями вдохновению, которое внезапно появилось из бессознательного. Способность достичь богатого источника такого материала и эффективно перевести его в философию, литературу, музыку или научное открытие — одно из свойств тех, кого называют гениями.

Ясные доказательства такого факта мы можем найти в истории самой науки. Например, французский математик Пуанкаре и химик Кукле обязаны своим важным научным открытием (что признают они сами) внезапным «откровениям» из бессознательного. Так называемые «мистический» опыт французского философа Декарта включил в себя подобное внезапное откровение, во вспышке которого он увидел «порядок всех наук».

Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон потратил годы в поисках истории, которая иллюстрировала бы его «сильное чувство двойственности человеческого бытия», когда вдруг во сне ему открылся сюжет «Доктора Джекиля и мистера Хайда».

Позже я детально опишу, каким образом подобный материал возникает из бессознательного, и исследую формы, в которых это бессознательное выражается. Сейчас же я просто хочу отметить, что способность человеческой психики продуцировать новый материал особенно значительна, когда имеешь дело с символами сна; в своей профессиональной практике я постоянно обнаруживал, что образы и идеи, содержащиеся в снах, не могут быть объясненными лишь в терминах памяти. Они выражают новые мысли, которые еще никогда не достигали порога сознания». <..>

К.Г. Юнг «Об архетипах коллективного бессознательного» // Архетип и символ. М., 1991. С. 97—98, 39—40.

«Бессознательное, как совокупность архетипов, является осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых темных

начал. Но не мертвым осадком, не брошенным полем развалин, а живой системой реакций и диспозиций, которая невидимым, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь. Однако это не просто какой-то гигантский исторический предрассудок, но источник инстинктов, поскольку архетипы ведь не что иное, как форма проявления инстинктов. А из жизненного источника инстинкта вытекает в свою очередь все творческое, а потому бессознательное — это не только историческая обусловленность; оно порождает также и творческий импульс — подобно природе, которая крайне консервативна, но своими актами творения уничтожает собственную же историческую обусловленность. Поэтому неудивительно, что перед людьми всех времен и народов всегда остро стоял вопрос: как лучше всего обходиться с этим невидимым условием? Если бы сознание никогда не было отделено от бессознательного — событие, символизированное и вечно повторяющееся в образах падения ангела и непослушания прародителей,— то эта проблема просто не возникла бы, так же как не возник бы и вопрос о приспособлении к внешним условиям.

Благодаря наличию индивидуального сознания осознаются трудности не только внешней, но и внутренней жизни. Первобытному же человеку влияния бессознательного представляются такой же противоборствующей силой, с которой он должен каким-то образом обходиться, как и противостоящий ему осязаемый внешний мир. Этой цели служат его бесчисленные магические обряды. На более высокой ступени цивилизации этой же цели служит религия и философия, и если такая система приспособления начинает опровергаться и ставиться под сомнение, то появляется общее беспокойство и возникают попытки найти новые, более адекватные формы обхождения с бессознательным.

Однако мы со своими современными представлениями далеки от всего этого. Когда я говорю о силах задних планов души, о бессознательном, и сравниваю их реальность с осязаемым миром, то часто встречаю недоверчивый смех. В ответ на это я должен спросить, сколько в наш образованный век существует людей, которые по-прежнему преклоняются перед теорией маны и призраков, то есть, другими словами, сколько у нас существует миллионов Christian Scientists и спиритов? Я мог бы задать еще ряд подобных вопросов. Они могут наглядно проиллюстрировать тот факт, что проблема невидимой душевной обусловленности по-прежнему столь же жизненна, как и прежде.

Коллективное бессознательное является огромным духовным насле-

дием, возрожденным в каждой индивидуальной структуре мозга. Сознание же, наоборот, является эфемерным явлением, осуществляет все сиюминутные приспособления и ориентации, отчего его работу, скорее всего, можно сравнить с ориентировкой в пространстве. Бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение, а формы или категории, которые все это регулируют, – архетипы. Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам. Особенно это касается религиозных представлений. Но центральные научные, философские и моральные понятия не являются здесь исключениями. Их можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою нынешнюю форму в результате использования сознания, ибо функция сознания заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешнего, но и в том, чтобы творчески переводить мир внутреннего во внешнее». <..>

К.Г. Юнг «Структура души». // Проблемы души нашего времени, М., 1994, С.131-133.

Вопросы:

- а) Что представляет собой коллективное бессознательное К.Г. Юнга?
- б) Чем отличается представление о бессознательном К.Г. Юнга от представлений у З. Фрейда?
- в) Приведите примеры архетипов.

Тема 4 Философская антропология

Цель:

- формирование научных взглядов на природу и сущность человека, соотношение биологического и социального в нем;
- уяснение научных представлений о человеческой деятельности и её структуре;
- понимание обучающимися природы и сущности ценностей, знакомство с основными ценностными системами.

План семинарского занятия:

1. Проблема антропогенеза: философские (монофакторные и полифакторные) и нефилософские (научные и вненаучные) версии происхождения человека.

2. Философия в поисках определения человека.

3. Проблема человеческого становления. Человек. Индивид. Личность. Э. Фромм о проблеме человеческой деструктивности. Ценностно – мировоззренческая ориентации человека: «быть» и «иметь».

4. Проблема смысла жизни, смерти и бессмертия человека.

Ключевые понятия: антропология, антропогенез, антропосоциогенез, человеческое, судьба, жизнь, смерть, бессмертие, смысл жизни, свобода, выбор, зрелый возраст, личность, социальная зрелость, характер, темперамент, аксиология, ценность, мораль, нравственность, альтруизм, благо, прекрасное, гармония, добродетель, счастье, красота, долг, справедливость, долженствовать, оценка, потребность, нормы, идеал, основание оценивания, гедонизм, эгоизм, перфекционизм.

Вопросы для устного обсуждения:

1. Почему человек является проблемой для самого себя?

2. Может ли человек быть «мерой всех вещей», как это полагал Протагор?

3. Как соотносятся биологические и социальные детерминанты в становлении личности?

4. Какие личностные качества формируются в сфере деятельности (общения)?

5. Как влияет массовая культура на становление личности?

6. Как влияют средства массовой информации на формирование нравственной ориентации человека?

7. Виртуальные миры: способы ухода от реальности или инструмент самопознания?

8. Гуманитарное образование современного инженера: необходимость или излишество?

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

4.1. Прочитайте фрагмент работы А. Сервера Эспинозы «Кто есть человек? Философская антропология» и ответьте на вопросы:

«...Все прочие философские науки, хотя и изучают человека, ограничены своим односторонним подходом. Ни одна из них не занимается и не может заниматься рефлексией о человеке в целом. Если мы обратимся к космологии, то сразу увидим, что она не имеет никакого отношения к человеку как таковому, рассматривая его лишь в качестве осколка природы.

Этика не занимается непосредственным изучением человека, ее интересует скорее его функционирование в той мере, в которой оно является чисто человеческим.

Теодицею интересуют только границы возможностей человека наравне с остальными существами.

Лишь психология была той философской дисциплиной, которая постоянно стремилась включить в сферу своего рассмотрения различные проблемы, касающиеся человека, но, получив их, она распорядилась ими так же, как и другие науки, - превратила в частные аспекты.

Вместе с тем нельзя рассматривать философскую антропологию как абсолютно независимую науку. Во-первых, потому, что при изучении такого многопланового объекта, как человек, мы не можем рассчитывать на успех, оперируя знаниями, принадлежащими какой-либо одной науке. Мы должны осуществить настоящую интеграцию различных наук, и задача антропологии - объединить их на более высоком уровне. Кроме того, антропология, на наш взгляд, будет жизнеспособной лишь в том случае, если наряду с другими философскими науками о человеке включит в себя метафизику. Только метафизика способна подняться над отдельными объектами и объединить их.

Все другие науки, рассуждая о человеке, так или иначе выделяют его телесную или духовную сторону. И тем скорее они называют себя чисто гуманитарными, чем больше обращают внимания на сторону духовную. Однако в человеке равно представлены обе стороны: он, в сущности, является и тем и другим. И как таковой ведет бесконечный диалог со всеми остальными существами, постигая их сущности, синтезируя их таким образом, что его со всем основанием можно назвать "микрокосмосом". Изучать человека - значит, в определенном смысле, изучать все сущее.

Нужно протянуть нить наших размышлений до области метафизики, только там человеческий разум может спокойно отдохнуть. Не подняв вопрос о человеке до онтологического плана, мы, не выйдем за пределы частных концепций, которые можно почерпнуть из других

наук, расположенных по всему склону горы мышления. Только с вершины перед нами откроется полная картина.

Поиски определения. Что и кто

Современное антропологическое исследование в качестве основной предпосылки выдвигает сложность человека. Он - существо, которое невозможно объяснить при помощи простой метафизической формулы. Каждая из его особенностей превращается в предмет изучения самостоятельной научной дисциплины, что позволяет анализировать ее более тщательно. Таким образом, различные антропологические науки накопили огромный материал: человек как биологическое, культурное, общественное существо и т.д. Различные определения человека отмечали ту или другую характерную форму человеческого существа. Проблему, с которой они сталкивались, можно выразить вопросом: что есть человек? Поэтому приведенные ответы образуют множество определений. Верно, что человек-живое существо, изготовляющее орудия или инструменты, но также верно, что он - живое существо, пользующееся символами, знающее о своей смерти, способное сказать "нет", являющееся общественным и т.д.

Одно определение не может опровергнуть другого, потому что каждая отдельная сторона человека изолирована и на ее основе невозможно создать представление о человеке в целом.

При изучении того, что есть человек, оставляют без ответа или в конце концов отбрасывают вопрос: кто есть человек? До тех пор, пока мы не оценим взаимосвязь этих вопросов, мы не сможем найти полное определение человека. Это определение должно освещаться представлением о человеке как о едином целом; синтез, напротив, был бы односторонним, так как опирался бы на специализированный научный интерес.

Сложная задача

Нам предстоит нелегкое дело. Человек не предмет и не вещь, которую можно рассматривать непосредственно в ее основных проявлениях, а затем определить ее сущность. Человек - это нечто большее. Это существо, находящееся в постоянном биологическом и культурном развитии, его нельзя охватить целиком в какой-либо конкретный момент его существования.

Эволюция и трансформация применительно к человеку неотделимы от тех изменений, которым подвержена природа. Хотим мы этого или нет, с нами постоянно что-нибудь происходит. Поэтому Ясперс отрицал возможность любой философской антропологии: если антропология обладает четким знанием о человеке, она должна дать о нем окончательное суждение. Но это невозможно в силу того, что сам человек отнюдь не стабилен.

На наш взгляд, Ясперс требует от антропологии чрезмерной строгости. Одно дело - знать все цели, к которым стремится человек, и совсем другое - признавать его внутреннюю свободу, способствующую их достижению. Вместе с тем, мы не стремимся игнорировать трудности, с которыми неизбежно сталкиваемся, пытаюсь познать человека.

Не только история человека и его время, но также и его местоположение должны сыграть важную роль в процессе познания его сущности. Итак, придерживаясь пространственно-временной обусловленности, мы выйдем туда, где в конце концов найдем объект нашего исследования.

Традиционное определение и его ограничения

От Аристотеля к нам пришло метафизическое определение человека как "разумного животного". Именно это определение все философские школы и направления почитали классическим. По словам Кассирера, несмотря на все усилия современного иррационализма, определение человека как разумного животного не утратило силы.

Определить - значит выделить, ограничить, отделить одну вещь от всех остальных. Согласно Аристотелевой логике, есть несколько классов определений. Но среди них наиболее важным является такое, которое включает в себя все необходимое для "постижения" вещи. То есть это определение находится в логическом плане понятий и исходит из основных оценок, которые выделяются лишь с выделением разума.

Всякое метафизическое определение должно включать в себя указание на ближайший род и специфическое отличие.

В этом смысле определение Аристотеля - превосходный и непревзойденный образец. Но если мы захотим выйти за пределы логического плана понятий и попытаемся применить это определение к со-

временному человеку, мы столкнемся со многими трудностями. Создается впечатление, что мы всегда останавливаемся на полпути.

Существительное "разумное", каким оно выступает в данном определении, почти лишено экзистенциального содержания.

Пожалуй, слишком часто мы под влиянием концептуальной предвзятости хотели наполнить метафизику логическими понятиями, населить реальность нашими концепциями, не извлекая их предварительно из самой реальности.

У нас нет права отрывать сущность человека от его существования, но не следует также думать, что мы хотим отождествить их. Различие не означает разделения. В человеке сущность и существование различаются, но они неотделимы друг от друга.

Более того, если бы мы хотели установить иерархию, мы бы признали главенство существования. Но это главенство не следует понимать в том смысле, что существование стоит над бытием, оно - в бытии и над сущностью.

Нужно помнить, что истина всегда следует за бытием вещей, что наше восприятие прежде всего дает нам знать о конкретном существовании и что рассудок обладает высшей экзистенциальной функцией.

Поэтому сущность "разумное животное" определяет минимум, необходимый для того, чтобы образовать часть человеческой сущности, не вынося предварительных суждений о том, чем является конкретное и экзистенциальное воплощение человека.

Экзистенциальное определение

Мы уже определили предмет нашей науки. Итак, мы хотим знать "человека в целом". Мы не хотим иметь дело лишь с некоторыми из его сторон или оставаться в чисто логическом плане понятий, не делая попыток опуститься к экзистенциальной реальности. Наша цель - соединить в определении все, что могло бы рассматриваться как нечто экзистенциальное, присутствующее всегда в любом человеке.

Мы понимаем под экзистенциальным все то, что в качестве внутреннего и постоянного условия, возможности и предела предшествует свободной реализации личности, независимо от того, лежит ли оно в основе структуры человека, или исторически и в силу обстоятельств дается заранее как нечто, оказывающее внутреннее воздействие на сущность человека, но не вытекающее из нее.

Таким образом, мы сказали бы, что экзистенциальное определение - это определение динамическое, которое охватывает все экзистенциальные проявления человека во всяком месте и в любое время.

Чтобы до конца решить проблему жизни, нужно выйти за пределы философии, основанной на чистом разуме. Нужно показать точку соприкосновения философии с жизнью. Но мы также не должны отбрасывать разум, так как без него экзистенциальный опыт невозможно сделать философией.

Мы намереваемся использовать разум *a posteriori*, применить его к живому экзистенциальному опыту во всем его жизненном богатстве, чтобы рационально объяснить этот опыт и сделать из него соответствующие выводы.

Если индивиды даны и существуют только в экзистенциальной плоскости, любая наука, стремящаяся остаться в этой плоскости, должна заниматься ими, но не тем или другим индивидом в отдельности, а тем универсальным, что в плане существования проявляется в каждом индивиде.

Основываясь на вышесказанном, в качестве рабочей гипотезы мы осмеливаемся предложить следующие положения, которые могут служить основой экзистенциального определения человека:

- человек есть существо, которое занимает особое место среди животных,
- как индивид становится личностью в силу своей свободы и коммуникабельности,
- и через свои пространственно-временные измерения проецирует себя в мир как образ Бога.

Разработка этих положений и составляет основу нашей работы.

"Человек есть существо, которое, занимая особое место среди животных..."

Это первая часть экзистенциального определения, выделяющая человека из множества других существ. Здесь речь идет не об особом существе, с момента своего появления отделенного от остальных, а скорее еще об одном существе, поднявшемся из неисчерпаемых глубин бытия.

Утверждение, служащее названием этой главы, является, пожалуй, одним из немногих утверждений, на котором сходятся все философы, пытающиеся определить, что представляет собой человек. Расхожде-

ния возникнут потом, когда появится необходимость уточнить различные отличительные признаки, отделяющие нас от животных.

Зоологическая шкала

Современные биологи, занимающиеся изучением человека, придерживаются мнения о том, что человек имеет, общую со всеми другими животными историю.

Здесь мы должны задержаться и выяснить, какое место отводится человеку среди животных. Наш вопрос будет таким: какое место занимает человек в большой семье антропоидов?

Человек и современные крупные приматы

Мы будем проводить сравнение, основываясь на современном научном знании о существующих в настоящее время антропоморфах, так как этот путь представляется нам наиболее простым и удобным. Затем мы перейдем к вопросу о первобытном человеке и живших в то время антропоидах. Для этого мы должны обратиться к палеоантропологии, которая снабдит наши философские рассуждения научной основой.

I. Сходство

а) Морфологическое сходство. Имеет около 1560 признаков, по которым можно сравнивать человека и антропоморфов. Из них только 396 совпадают у человека и шимпанзе, 305 — у человека и гориллы и 272 — у человека и орангутанга; однако не менее 312 характеризуют исключительно человека.

б) Физиологическое сходство. Коротко можно перечислить следующее:

- одинаковая пища;
- сходство групп крови;
- одинаковая продолжительность жизни;
- одинаковая длительность эмбрионального периода.

в) Психическое сходство. Имеется много психических феноменов, общих для человека и животных.

Древние и современные механицисты считают, что животные лишены сознания и все их действия являются лишь результатом слепого автоматизма, подчиненного физическому и химическому воздействию внешних раздражителей на сложную структуру организма.

Эта концепция не получила общего признания, ибо противоречит здравому смыслу. Животные имеют сходную с человеком природу, органы восприятия и некоторые эмоциональные проявления. Кроме того, никто не может отрицать, что животные удерживают в памяти знания, полученные через органы чувств, а также способны приобретать новые навыки.

Во всех этих случаях речь идет не о способности к размышлению, которая наблюдается у человека, а лишь об ассоциативной памяти или о способности запоминать образы и ассоциировать их. Животные могут также испытывать различные "чувства", например гнев, ярость, радость и т.д. Конечно, мы, не можем утверждать, что чувства (без кавычек) являются чисто субъективными аспектами сознательной психической жизни, но можем употребить по аналогии термин "чувство" для обозначения различных проявлений поведения животных, сходных с действиями человека.

II. Различия

Если сходство между человеком и животным явно, то не менее явны разделяющие их различия. При определении места человека в природе расхождения важнее подобий.

а) Морфологические различия. Основными из них являются: вертикальное положение человека, иное функционирование рук и ног, развитие полости черепа и мозга, форма и развитие зубов и т.д.

б) Психические различия. Наиболее очевидны различия психические.

Мы уже говорили о психических феноменах, общих для людей и антропоидов, хотя и выраженных в разной форме. Но совсем не этими феноменами исчерпывается психическое функционирование человека. Он обладает другими функциями, предполагающими наличие психики, существенно отличной от психики животных.

1. Во-первых, у животных нет идей. Идея всегда представляет собой продукт мысленной абстракции, выход за пределы пространственно - временных реальных проявлений, сообщающий идее универсальность.

Было проведено много экспериментов, с целью установить степень разумности антропоморфов. Все их действия всегда тесно связаны с пространственно - временным фактором. Решение бывает найдено лишь тогда, когда несколько необходимых в качестве инструментов предметов попадают в одно поле зрения. "Животные никогда не создают единого представления о пространстве". Решение достигается за

счет многочисленных слепых и несогласованных попыток, чередующихся со случайными успехами. Эти успехи мало-помалу отпечатываются в памяти животного и служат примером того, как достичь решения.

Гелен считает, что при сравнении человека и животного нельзя говорить о том или ином уровне одной шкалы. Он утверждает, что структуры восприятия и инстинкта у животного действуют совершенно иначе, чем у человека; уже в практической и техническойсообразительности человека, не говоря уже о его спекулятивном мышлении, мы можем отыскать существенные отличия от других антропоморфов.

2. Таким же образом Клагес утверждает, что фундаментальное отличие человека от животных наблюдается уже в "экспрессивном проявлении". Например, только человек может рисовать.

По мнению Клагеса, человек и животное живут в двух различных мирах. В то время как животное окружено телами, оказывающими ему сопротивление или привлекающими его, человек находится в мире фигур и телесных образов, в мире вещей, а не только тел.

Корни основного различия между человеком и животным лежат в непосредственной близости к полю восприятия. Поэтому нам незачем спешить обратиться к мышлению и разуму.

На наш взгляд, в человеке очень трудно различить и отделить то, что целиком относится к восприятию, от деятельности разума; согласно теории гештальтпсихологии, эти сферы пересекаются и переплетаются, чтобы дать нам восприятие вещи.

3. Есть и другая причина, отрицать только количественное отличие человека от животного - язык. У животных нет настоящего языка. Так называемый "язык животных" всегда полностью субъективен; он выражает различные состояния чувств, но не обозначает и не описывает объекты.

В то время как животное знает только систему "знаков" (реакция на свое имя или на некоторые слова, образующие значимый раздражитель) человек вместе со словом, благодаря слову входит в новый мир - мир знаков, предполагающий сложные системы абстракций и обобщений. Слово превращается в "привилегированный (истинно человеческий) раздражитель" и кладет начало второй системе сигнализации, решительно превосходящей первую систему непосредственных раздражителей, которая определяет поведение животного

Через язык происходит освобождение человека от окружающей среды, которая неумолимо сковывает животное. Животное настолько сращено со своим окружением, что не в "силах отделиться от него".

Итак, экспрессивные проявления животного исчерпываются разнообразием получаемых впечатлений. Само животное является как бы волной в потоке происходящего, в котором нет ничего продолжительного и постоянного. Но такое положение меняется тотчас же, как человек открывает слово. Человеку уже не нужно кидаться в поток событий и плыть между ними, пытаясь их распознать. Он может сверху наблюдать постижимую картину реальности.

При помощи языка достигается не только фиксирование мира вещей, но и отделение от него.

4. Пытаясь познать себя, человек может отделиться не только от вещей, но и от самого себя. Из всех окружающих нас существ только человек способен осознать свои действия.

5. Человек развивается, животное - нет. За пятнадцать миллионов лет, прошедших с появления на Земле антропоидов, они не продвинулись вперед ни на шаг, не сделали даже пустячного изобретения, не предприняли ни малейшей попытки улучшить условия жизни.

Поэтому, не прибегая к многочисленным доказательствам (что мы сделаем позднее) уже сейчас мы можем смело утверждать, что между современными крупными приматами и человеком имеется непреодолимое существенное различие.

Первобытный человек

1. Эволюционное происхождение первобытного человека

Прежде чем разбирать вопрос о том, что есть человек, следовало бы выяснить, как он стал им. Происхождение открывает нам путь к постижению того, чем мы являемся. Еще не так давно эволюционное происхождение человека было вопросом спорным.

Сегодня весьма рискованно подвергать сомнению эволюционную гипотезу, которая перестала быть просто гипотезой и превратилась в утверждение, признаваемое всеми учеными.

Правда, для полной картины нам не хватает многих деталей и обстоятельств. Например, мы не знаем, как протекала эволюция, но эта неясность не бросает тень на сам факт эволюции. Он признан, как мы уже отмечали, большинством современных исследователей. Конечно, при попытке объяснить процесс происхождения человека из живот-

ного "фила" на каждом шагу возникают многочисленные трудности; палеонтолог, стремящийся прочесть книгу человеческой эволюции, находит в ней много пустых страниц. Одного морфологического или анатомического критерия недостаточно, чтобы решить, является ли ископаемое человеком. В самом деле, чтобы опознать "истинно человеческое", прибегают к другим, культурным или психологическим, критериям, а также к психологической интерпретации артефактов и прочих продуктов, позволяющих понять, имеем ли мы дело с настоящим обучением и развитием изобретательства.

II. Отличительные особенности первобытного человека

Чтобы отвести первобытному человеку соответствующее место на зоологической шкале, следует изучить именно такие характеристики, как культурные, религиозные и т.д.

а) Первобытные артефакты. Для изучения отличительных черт первобытного человека наиболее интересны древние орудия из камня, которые, по-видимому, являются уже не простыми естественными предметами, используемыми в качестве орудий, а инструментами, которым сознательно и в соответствии с планом придавалась определенная форма. Интересно подчеркнуть, что для изготовления первых орудий и их использования необходимо было обладать разумом. Таким образом, мы утверждаем, что их мог создать только человек. И по нескольким причинам:

1. Во-первых, только человек мог использовать их сознательно, не случайно. Даже если их и использовало какое-нибудь животное, оно не хранило их в своем жилище, чтобы воспользоваться ими на следующий день.

2. Во-вторых, только человек изготавливает артефакты. Вдобавок, он делает их не механически, а вкладывает в них себя и свою артистичность.

Орудие служит не только для того, чтобы придать нашим органам большую силу (как, например, простые камни, придающие силу руке) во многих случаях оно заменяет и превосходит их - это не загрубевшая рука, а замена, действующая лучше самой руки. Итак, изготовление орудий - как бы разновидность творчества, которая предполагает элементарные зачатки разума. Так человек постепенно освобождается от пут, которыми он через тело связан с природой.

3. И, наконец, из вышесказанного следует, что только человек обладает "традицией". Человек никогда не начинает сначала, а вбирает

в себя все культурное достояние его предшественников и "воплощается" в нем, чтобы идти вперед с помощью собственного опыта.

б) *Огонь*. Изготовление орудий из камня или других материалов не является единственным историко-культурным критерием, отличающим человека от животного. С некоторого времени особое значение стали придавать употреблению огня.

в) *Магия и религия*. Как совершенно верно отмечает Маркоцци, "любые сомнения в существовании способности понимать и рассуждать должны отпасть именно тогда, когда речь идет о типично духовных проявлениях, какими являются магия и религия". Магию следует рассматривать как важный шаг на пути эволюции человеческого сознания. Вера в магию - одно из первых и наиболее значительных проявлений пробуждения уверенности человека в себе. Он еще испытывает чувство страха перед могучими силами природы, но уже становится действующим лицом в спектакле окружающих его вещей. Он уже не считает себя лишь игрушкой в руках событий, надеется получить волшебную палочку, чтобы управлять ими.

В верованиях перед нами встает самая древняя и самая почитаемая наука о человеке. Любая вера повествует не только о сущности и творениях божества, но и о человеке, особенно об его происхождении и предназначении.

Итак, мы завершаем первый этап поиска экзистенциального определения человека. В данный момент очевидно одно: на зоологической шкале человек стоит рядом с животными, точнее - с высшими приматами. Но это "рядом" означает не однородность или одинаковость, а скорее близкую связь между единствами, различными по сути. Место, занимаемое человеком, не следующее, а особое место.

Не желая вдаваться в детали, мы сказали только, что среди животных человек занимает "особое" место. Теперь мы попытаемся подробнее объяснить, в чем заключается особая форма его существования. До этих пор был правомерен вопрос: что есть человек? С настоящего момента единственно допустимым будет вопрос: кто есть человек?

"...Как индивид становится личностью в силу своей свободы и коммуникабельности..."

Если бы мы захотели обозначить и соединить в одном слове все экзистенциальные характеристики человека, то им оказалось бы слово

"личность" в своем наиболее глубоком метафизическом смысле. Личность стоит в центре нашего антропологического исследования. Но вместе с тем мы не будем примыкать к конкретной философской системе, называемой персонализмом.

Общей с персонализмом отправной точкой для нас является именно личность как "трансцендентальная реальность несопоставимой ценности, которая никогда не должна рассматриваться как вещь, то есть как средство, но всегда - как цель". Здесь мы вступаем на путь антропологии, не обремененные предрассудками школы. Мы говорим: "без предрассудков школы", но не без ориентирующих ограничений специального характера, которые необходимо налагают отпечаток на нашу жизнь и, следовательно, на наше мышление.

Мы неоднократно утверждали, что человек - существо динамическое, постоянно находящееся в развитии. Это означает, что человек находится на пути к тому, чтобы стать личностью. Поэтому утверждение "человек является личностью" - это не фактическое определение человека, а точная формулировка его основной задачи, которая состоит в том, чтобы превратиться в личность.

Экзистенциальные составляющие личности

Человек как индивид

Мы можем говорить о человеческой личности, прежде всего потому, что человек является индивидом, обладающим определенной характерной природой: подобно остальным возможностям во вселенной, он стремится к тому, чтобы его собственное существование строго соответствовало индивидуальному, особенному существованию. Итак, личность - это не чистое проявление универсального, а всегда нечто незавершенное, то, что невозможно вывести из силлогизма, в главную посылку которого входит понятие "человек". Говорить о личности, значит говорить о самоосознании, о существе - для себя, о существе не коммуникабельном. Любое действие личности несет на себе отпечаток тождественности самому себе, в которой человек себя определяет, утверждает, обнаруживая свою уникальность и незаменимость.

Индивид и личность

Прежде всего, следует обратить внимание на то различие, которое хотели ввести некоторые современные философы, - на различие меж-

ду индивидом и личностью. Все философы персоналистского толка противопоставляют человека как индивида и человека как личность. Эти авторы считают, что индивид - это человек, взятый в физическом аспекте, т.е. человек как часть материальной вселенной, замкнутый в себе и противопоставленный любому другому индивиду. Напротив, личность - это человек, обладающий душой, личность в своей свободе выходит за пределы физической вселенной, она открыта миру, как и другие личности.

Действительно, если бы, уточняя понятия "индивид" и "личность", мы попытались представить себе четкие границы этих понятий, то оказалось бы, что понятие "индивид" шире понятия "личность", оно будет как бы родом, а "личность" - его видом. С другой стороны, очевидно, что человека можно рассматривать в двух аспектах, соответствующих этим понятиям, так же, как его можно рассматривать с одной точки зрения, согласно которой он является индивидом, подобный всем остальным, и с другой, согласно которой он является личностью.

Отсюда следует, что было бы неверно превращать различие в противопоставление и особенно - отождествлять индивидуальность с телом, а личность с душой. Понятие "индивид" может отличаться от понятия "личность" только тогда, когда рассматривается индивид вообще безотносительно определенному виду. Но, когда речь идет о человеческом виде, представляющем вид разумных существ, рассуждения об индивидуальных или личных свойствах равносильны, так как в любом случае речь будет идти об особых свойствах рациональной природы.

Поэтому лучше всего было бы просто отбросить противопоставление личности индивиду и утверждать, что человек - это личность, т.е. индивид, имеющий рациональную природу.

Концепция человеческого одиночества

Говорить об индивидуальности - значит говорить об одиночестве, о дистанции, отделяющей человека от всех остальных существ, находящихся рядом с ним. Поэтому, определяя индивидуальность человека, следует обратиться к его одиночеству.

Сегодня человек одинок, как никогда. Эти слова парадоксальны, но они отражают действительное положение вещей. Население Земли сейчас велико, как никогда. Демографические показатели в некоторых странах вызывают серьезную озабоченность и беспокойство их

жителей. День ото дня умножаются новые формы обществ, пытающихся связать человека с другими людьми, как, например, группировки различного характера, профсоюзы, политические партии и т.д. Но когда человек приостанавливает свою деятельность и сталкивается с подлинной реальностью своего существования, он в самых сокровенных тайниках своей души чувствует всю глубину неразделенного одиночества. По мнению Бубера, это одиночество - результат кризиса современного человека, который наметился вслед за тем, как человек потерпел неудачу в трех разных сферах деятельности.

а) Первой такой сферой была техника. Во все времена и эпохи человек в постоянных столкновениях с природой обнаруживал свою слабость. Руководствуясь разными намерениями, человек приспособлялся и изменял окружающие его предметы, пока, наконец, не изобрел машину. Но, к несчастью, машины, изобретенные, чтобы помогать человеку в труде, заставили его обслуживать себя; они уже не являются продолжением его руки, человек сам превратился в простое продолжение машины, можно сказать, в ее специфический и вспомогательный орган. Когда мы используем технические средства, они влияют на нас, пожалуй, сильнее, чем мы на них.

Сегодня уже нельзя говорить, как это обычно делалось, о "нейтральности" техники. По словам Маркузе, техника как таковая неотделима от того использования, которое она получает. Отсюда крайне пессимистическое высказывание Маркузе: "Одиночество, которое было условием, способным защитить человека от общества и поставить его вне сферы общественного влияния, сделалось технически невозможным".

б) Второй сферой стала экономика. Чтобы снабдить человека всем необходимым, производство необычайно выросло, но не смогло достичь рациональной координации.

С увеличением численности населения Земли значительно расширились зоны голода и нищеты, а в это время хорошо обеспеченные продовольствием страны не умножают, а скорее уничтожают имеющиеся у них в изобилии излишки.

Кажется, что производство и потребление также вышли из-под контроля, и человек здесь находится на "чужой территории".

в) Третья сфера - политическая деятельность. Политическая наука, которая должна заниматься регулированием отношений между людьми, постепенно превращается в игру словами и "благими намерениями" или, что еще хуже, становится ареной, на которой защища-

ются "интересы" меньшинства. Здесь и там забывают основу любой истинной политики - конкретного человека. Лишь интересы немногих имеют значение в этой школе разговоров. Остальные должны принимать события в готовом виде, никак не вмешиваясь в их формирование.

Одиночество и самоуглубление

Самоуглубление - существенный признак, отличающий человека от животного. Животное знакомится с внешним миром, но не может стать объектом своего познания.

Как и животное, человек окружен вещами и другими существами, но не растворяется в них, подобно животному, а может отгородиться от них, углубившись в себя.

В этом и заключается отличительная особенность одиночества человека: оно очевидно для самого себя, оно себя осознает.

Сознание, влекущее за собой рефлекссию, поворот человека к себе, осознание себя перед миром, придает человеческой личности то внутреннее единство и онтологическое подобие, благодаря которым она занимает особое привилегированное место среди остальных существ во вселенной.

Свободный человек

Почему мы считаем свободу одной из трех экзистенциальных составляющих?

а) Хотя и свобода, и разумность являются отвлечёнными понятиями, мы позволим себе утверждать, что свобода подводит нас ближе к экзистенциальной реальности. Именно здесь, в метафизической сфере личности, исследованием которой мы и занимаемся, было бы правильнее говорить об экзистенциальном источнике рационального, проявляющемся через свободу.

Если определяя "человека", мы употребили бы слово- "разумный", то, определяя личность, должны говорить и о ее свободе.

б) Таким образом, мы приближаемся к тем современным философским трудам, авторы которых не стремятся приписывать человеку какую-либо одну основную черту, чтобы избежать статичности. Они хотят видеть основу динамизма человека не в главном, "a priori", а в самой его экзистенции.

в) И, наконец, в психологическом плане поведения при определении степени индивидуальности человека наиболее существенным и почти решающим фактором является степень его свободы.

Природа и свобода

Пытаясь решить вопрос о свободе как об экзистенциальной составляющей личности, мы сразу же сталкиваемся с двумя абсолютно противоположными тезисами. Первый пережил свой расцвет в эпоху, когда человек с гордостью смотрел на быстрое развитие экспериментальных наук. Второй пытаются представить основным тезисом современной философии, берущей начало от экзистенциализма.

Согласно первому тезису человек - чудо, но рожденное природой точно так же, как и остальные существа. Он совершенно схож с ними и в своем существовании, и в своих действиях. В нем так же, как и в животных, заложен принцип действия, детерминирующий его поступки. Отсюда не следует, что человек свободен. Сказать, что человек свободен, значит заявить, что человек не часть природы, т.е. впасть в противоречие.

Во втором случае позиция прямо противоположная. Свобода - основная характеристика существа человека: каждый человек в своей сущности свободен. Человек брошен в мир с ношей экзистенции. И в зависимости от того, как он ее употребит, сложится его сущность. Человек будет тем, кем он хотел бы стать. Поэтому мы не можем говорить о чем-то детерминированном, предварительном, определяющем сущность человека. Поэтому мы не можем говорить о природе в человеке.

Вот эти два тезиса. И как таковые они не глубоки, поверхностны. Нет ни свободы без природы, ни природы без свободы: есть природа и свобода.

Органы животного строжайшим образом соответствуют характерным условиям и требованиям его жизни. Органам человека, напротив, совершенно чужда специализация. Это доказывает, что даже в телосложении человека выражена его свободная сущность. Человек с самого начала предназначался быть существом духовным. Поэтому его соматическая часть не зависит от случайностей, а полностью подчинена закону, диктующему его духовную структуру.

По мнению фон Юксюлля, животному, как и человеку, мир представляется в виде потока универсальных и объективных данных, из которых оно выбирает лишь небольшую часть, имеющую отношение

к его жизни. Именно внутри этой части мира животное должно развиваться. Из мира в целом оно знает лишь окружающую среду. И дело не в том, что животное просто не обращает внимания на то, что выходит за пределы его мира или безразлично к нему, просто у животного нет адекватного органа, чтобы установить с ним контакт. Органы чувств животного являются в определенном смысле фильтрами, пропускающими лишь то, что имеет значение для его жизни. Недостаток специализации в человеке следует понимать в положительном для свободы смысле и при этом двойко: "быть свободным от" (т.е. от влечения своих инстинктов) и "быть свободным для" (т.е. для того, чтобы определить и создать себя как личность).

Так человек превращается в уникальное существо, перед которым открыт путь к действию. Человек не только может быть творцом, но и обязан быть им. Хотя природа помещает его в мир незавершенным, однако, она же дает ему творческие силы, чтобы завершить свое создание самому. Кроме того, продолжив наши размышления об отсутствии специализации у человека, мы столкнемся со следующим примечательным фактом. То, что животные с самого начала получают свою сущность в законченном виде, означает, что любой представитель вида подобен другим. Его жизнь лишь зеркало, отражающее жизнь вида. Индивидуальное, таким образом, полностью совпадает с видовым. Вне всякого сомнения, в человеке все происходит противоположным образом. То, что человек должен стремиться к полноте своей сущности, означает, что индивид не может быть только представителем вида. Точнее говоря, представлять свой вид здесь означает выйти за его пределы.

Свобода и ее границы

Освободившись от действия законов природы, человек осуществляет себя за пределами физической сферы. Его деятельность развертывается в области культуры и личной жизни. На первый взгляд кажется, что произошла лишь перемена мест, простая трансформация из сферы физической необходимости в сферу необходимости моральной. Свобода, говорят некоторые, это не более, чем условие для выполнения законов морали... следовательно, она имеет функцию не цели, а лишь средства; истинная свобода заключается в строгом следовании этим законам, иначе она превращается в распущенность, которая как раз и есть разрушение свободы...

Эти мысли представляются нам лишь частично соответствующим истине. Моральный закон в отличие от закона физического не заключает в себе необходимости и обязательности, ибо субъекты этих законов различны. Исходя из разумности и свободы своего субъекта, моральный закон пытается подсказать ему такое решение, которое считалось бы человеческим и поэтому наиболее подходящим, но при этом всегда подразумеваются возможности противоположного действия. Именно здесь и кроется сущность свободы личности.

Итак, свобода - не только лучший из даров, полученных человеком, но и часть его сущности. Отрицать свободу человека - значит превращать его в вещь, обезчеловечивать.

Конечно, свобода должна иметь свои границы, что мы скоро увидим, обсуждая временную и пространственную обусловленность, что это всегда будут ограничения сферы действия, а не самой свободы. Свобода как таковая всегда будет экзистенциальной характеристикой любой человеческой личности и, следовательно, ее неотъемлемым правом.

К о м м у н и к а б е л ь н о с т ь

Биолого - психологические корни

Сначала мы определим основные черты личности в ее индивидуальном, конкретном и некоммуникабельном проявлении. Но эта некоммуникабельность, проявляясь в существе ограниченном, конечном, по словам Ортеги, "из глубин своего одиночества с меньшим томлением стремится к общению".

Создается впечатление, что человек познал свое "я" раньше, чем приобрел способность к познанию других людей.

Согласно этому первому опыту, полученному от внешнего мира, "я" как бы противостоит личностям и предметам и должно переступить границу, устанавливая общественные контакты. Общественная сущность, таким образом, представляется в виде хотя и важного, но все же дополнения к человеческой личности.

Человек никогда не рождается одиноким, заброшенным, чем-то случайным, возникшим из ничего. Нас всегда окружают другие, не являющиеся моим "я", находящиеся вне "я" и составляющие совокупность отношений, без которых "я" не могло бы естественно развиваться как личность.

Человек в отличие от животного не может выжить в одиночестве. Он не так силен, его ноги не так быстры, его зубы не так крепки, слух не так тонок, зрение не так остро, как у некоторых животных. Очевидно, он может существовать лишь в очень благоприятных условиях, которые и были предоставлены общественной жизнью.

Более того, люди связаны друг с другом не только внешне, когда "я" находится вне других, а другие - вне "я"; все люди связаны и внутренне. Нашему образу жизни мы учимся у других.

Итак, начало и продолжение жизни для человека является чем-то социальным, чем-то таким, что должно осуществляться в связи с другими. Поэтому Адлер считает чувство, которое он называет "чувством общности", первоначальным стремлением каждого человека. Человек не только стремится узнать других, но и хочет, чтобы другие его узнали.

Мы не считаем, что страх - изначальное чувство, правильнее было бы сказать, что он вызывается одиночеством. Человек, чувствующий, что он исчез для других, стремится исчезнуть и для себя, и его истинное состояние не может быть ничем иным, кроме существования для смерти.

Общество и индивид

Каждый человек по своей природе является существом индивидуальным, конкретным и некоммуникабельным в самой своей индивидуальности; так мы утверждали сначала, приступая к исследованию личности. Но мы только что заявили, что по своей природе человек общителен. Нет ли в этом противоречия? Отнюдь: индивидуальный и социальный аспекты - это экзистенциальные составляющие, укоренившиеся в личности.

Общество нужно строить исходя из человека, а не как нечто предварительно устроенное и навязанное ему извне. Общительность рождается из самой индивидуальности, поэтому она нисколько не противостоит ей, а, напротив, дополняет и совершенствует ее в силу своих возможностей.

Таким образом, мы не сталкиваемся с явной антиномией. Беря начало в личности, любое общество несет на себе отпечаток личного: оно, так сказать, персонализировано в своей основе. Оба аспекта - социальный и индивидуальный - обуславливают и ограничивают друг друга.

Нашей умеренной концепции противостоят как индивидуализм, так и коллективизм. Ни один из них не представляет нам человеческую личность в целом. Индивидуализм видит человека только в отношениях к самому себе. Коллективизм, со своей стороны, не видит человека, он видит лишь "общество". Первый искажает лицо человека, второй скрывает его.

Основным фактом человеческой экзистенции является не индивид как таковой и не коллектив как таковой. Оба они, рассматриваемые сами по себе, не более, чем абстракции. Индивид является фактором экзистенции в той мере, в которой он связан живыми отношениями с другими индивидами; коллектив является фактом экзистенции в той мере, в которой живые отношения сочетаются с живыми единствами отношений. Основным фактом человеческой экзистенции является человек вместе с другим человеком.

"Я" и "ты"

Итак, именно здесь и заключено ядро экзистенциального определения человека: человек есть индивид, который в глубине своего существования чувствует необходимость свободных отношений с другими подобными ему существами. Посредством этих межличностных отношений человек учится познавать себя и других. Мы бы сказали, что основой человеческой экзистенции является отношение "я" и "ты". В свете этого межличностного отношения "я" к "ты" бледнеет устаревшая концепция человека как существа, изолированного в своей имманентности, или как "я", видящего в других противопоставленные ему объекты или другой чуждый субъект, познать который можно при помощи аналогии, сравнений и т.д. Таким образом, "другой" уже не выступает здесь только как "другой", а скорее является эмпирическим проявлением самого субъекта.

Из основ отношений "ты - я" категорически и четко следует, что они ограничены пространственно - временными координатами "здесь и теперь". Об этих ограничениях и пойдет речь в следующей главе.

**"...Которое через свои пространственно –
временные измерения..."**

Если в конце предыдущей главы мы заявили, что человека можно в основном рассматривать как "существование с кем-то", то в главе пойдет речь о другой экзистенциальной характеристике человеческой личности: "существование в чем-то".

Мы имеем дело не просто с игрой слов. Эти два выражения в обобщенной, но верной форме, представляют нам бытие человека. Из глубин человеческого существа слышится голос, призывающий другого; и оттуда же доносятся требования того "где", в котором эти личные отношения станут возможны.

Это "существование в чем-то" может рассматриваться как "существование в пространстве" и "существование во времени".

Итак, пространство и время будут двумя факторами, обуславливающими как существование, так и деятельность экзистенциального человека.

Существование в пространстве

Следует сказать, что здесь мы не будем заниматься чисто геометрическим аспектом пространственного нахождения человека или аспектом пространственной отнесенности, которым интересуются космологические науки. Речь, скорее, пойдет о пространстве как о месте, "где" реализуется личность.

Личность и ее пространство

Речь пойдет о пространстве, в котором живёт человек, о его пространстве. Как уже отмечалось, мы - неизолированные души, независимые в своей духовности: в своей экзистенциальной глубине мы несем отпечаток телесного. Поэтому пространство будет рассматриваться как еще одна экзистенциальная характеристика человеческой личности.

Рассуждая о жизненном пространстве, мы не стремимся утверждать, что жизнь сама по себе - это пространственное измерение, скорее мы считаем, что постичь жизнь в ее настоящем и будущем можно только в связи с ее пространством.

Мы хотим сказать, что все поведение человека несет на себе отпечаток его окружения, пространства, заключающего его в определенную форму. Это не означает, что человек как предмет заключен в некий ящик, изначальная связь с пространством определяет его существование.

Человека нужно рассматривать не как вещь среди вещей, а как рациональный субъект, который в самом себе заключает отношение к миру и который поэтому можно охарактеризовать при помощи того, что называется "интенциональностью".

Итак, нас определяет не внешнее и не мировое пространство, а пространство потенциальное, то "здесь", которое необходимо "я" как субъекту.

Быть прикованным или населять?

Все мы находимся в этом "здесь", все осознаем нашу связь с пространством, в которое заключена наша жизнь.

Мы бы сказали, что прежде всего человек получает высшую актуальность своего существования, внедрение в сущность. Эта сущность - самая сокровенная часть моего "я", лежащая в основе всего, чем я являюсь и чем могу быть; таким образом, он сам по себе не является чем-то внешним и агрессивным. То, что мы должны выйти за пределы нашего существования, не наказание, как считает Сартр. Если существовать в себе хорошо, то продолжать это существование - значит развивать запас своих внутренних возможностей. Все зависит от того, какой стороне медали мы отдадим предпочтение.

"Жилища" человека

Тело - это не только организм человека как субъекта, живущего в пространстве, но и само по себе пространство, первое истинно человеческое пространство. Тело в прямом смысле является "обиталищем" моего "я", через него я вступаю в связь с пространственным миром. Вместе с тем эту загадочную связь моего "я" и моего тела нелегко выразить при помощи понятий.

Пожалуй, наиболее отчетливо роль тела, как посредника, можно представить себе, следуя анализу Габриеля Марселя. Он спрашивает, как следует говорить: "я обладаю телом" или "я являюсь телом"? Марсель предпочитает говорить о "воплощении", "я воплощен в свое тело". Быть воплощенным не означает обладать телом или быть им, именно тело свидетельствует о духе, и в свою очередь дух воплощается в теле.

Дом представляется нам следующей формой пространства, определяющей человека. Отношение "человек – дом" может рассматриваться подобно отношению "человек – тело". Мы так же могли бы говорить об отождествлении человека с его домом. Не удивительно, что

нападение на свой дом он считает нападением на себя. Человек воплощается в свой дом.

И, наконец, третьей, собственно человеческой формой пространства можно назвать его свободное пространство в целом. Здесь мы так же наблюдаем союз, аналогичный союзу человека с телом и домом. Человек устанавливает сеть связей со всем, что его окружает в мире, и он не может не замечать своего окружения. В этом мире он должен существовать, жить в нем так же, как он живет в своем теле и в своем доме.

Пространство - друг человека, а не тюрьма. Несмотря ни на что мир - гнездо, в котором можно чувствовать себя в безопасности.

Именно здесь кроется основное различие между пространством и временем. Время всегда рассматривается как проявление недолговечности и эфемерности всего земного.

Существование во времени

Личность и ее временность

Рассуждения о личности, как мы уже неоднократно заявляли, - это рассуждения о чем-то конкретном, индивидуальном, существующем. Первое, что бросается в глаза даже до ее бытия, это начало ее бытия.

Прежде чем личность начала существовать, она была ничем, и в глубине ее телесного существа заложено начало ее будущего распада. Ей не принадлежит ни первое "до", ни последнее "после", только "сейчас", в котором она воплощена. Но человек - это не только тело, но и душа, которая знает и любит. И если любовь безгранична, то безгранично и понимание, постигающее суть вещей. Время не принимается во внимание, потому что сущности находятся по ту сторону времени и пространства, они вечны и неизменны. Но так как тело и дух не изолированы, а дух реализуется через тело, служащее ему первым "жилищем", то все, постигаемое человеком, несет на себе отпечаток временности. Поэтому, вечное и неизменное не есть нечто, находящееся вне нас и непосредственно нам открытое в силу нашей способности к познанию, это нечто, находящееся вне нас и простирающее свои корни вплоть до временных "здесь" и "сейчас". Отдельная личность может полностью осуществить все то вневременное и

бессмертное, которым она обладает; пользуясь временем, в которое живет, "ее" временем.

Историческое существо

Но время личности - это не только то время, в котором она живет сейчас, но и время, в котором она жила. "Сейчас" не аморфное и безразличное время, оно несет на себе отпечаток всех предыдущих мгновений, благодаря которым оно стало возможным: оно воплощено во множество индивидов и жизненных моментов, оставивших на нем многочисленные нестираемые следы. Поэтому, как это ни парадоксально, можно утверждать, что мое время не является только моим.

Со временем происходит то же, что и с остальными экзистенциальными характеристиками человека. Они даются как нечто, присущее человеку, образующее одно целое с его существом, но ни об одной из них мы не можем безоговорочно утверждать: она - "моя", она принадлежит только мне.

Мы - это история, только человек - история в полном смысле слова. Природа не может ни иметь ее, ни быть ею. Несомненно, в природе тоже происходят перемены, она прогрессивно или регрессивно эволюционирует, испытывая на себе ход времени. Но здесь речь идет об однообразном чередовании событий, сменяющих друг друга в ранее определенном порядке. Ни одно из этих событий не может свернуть с навязанной ему дороги. Напрасно мы стали бы вопрошать природу о смысле происходящих в ней событий, она ничего о себе не знает. Только человек способен проникнуть в ее недра, чтобы шаг за шагом раскрывать тайну ее нескончаемой эволюции. Мы бы сказали, что природа неисторична.

Человек, вне всякого сомнения, историчен не только потому, что живет в истории, но и потому, что он ее творит. Ход времени оставляет на человеке след, отличный от следов, которыми время метит другие вещи; это не смутный, а ясный отпечаток, в котором отражается понимание. Знание, возникшее из прямого контакта с собственными действиями, обогащает и обуславливает последующие решения человека. Он осознает течение времени, но не чувствует себя намеренно связанным с ним, он может направлять его в ту или иную сторону, потому что в некотором смысле будущее находится в его руках. Только человеку дана эта власть - свободно и сознательно творить собственную судьбу.

Узкая дорога жизни человека отмечена цепью времени, которая разрывается смертью. Человек с тоской глядит вслед исчезнувшему

прошлому и встречает будущее вопреки своему желанию. Вот первое доказательство его историчности, но этого недостаточно. Жизнь животных и растений также ограничена во времени, но, разумеется, их нельзя назвать историческими существами. Их жизнь состоит из непрерывной цепи событий, подчиненных одной и той же цели - безопасности. Все поступки человека, напротив, проблематичны, он сам выбирает будущее в настоящем.

И, наконец, человек может считать себя историческим существом, прежде всего потому, что в нем его история перекрещивается с историей других людей. "Находясь всегда внутри определенного исторического горизонта, - пишет Коломер, - человек при помощи своего свободного выбора способен изменять себя и одновременно исторический горизонт, в котором ему выпало жить, и, таким образом, эффективно участвовать в ходе истории".

Пространственно-временное измерение

Мы говорим о "здесь и теперь" как о составной части человеческой жизни. Как мы отмечали в предыдущей главе, "я" существует не само по себе, а в окружении других, которые с тем же правом могут говорить о своем времени и своем пространстве. Пространство и время - реальности, распределенные между людьми.

Поэтому лучше сказать, что человек не существует, а сосуществует с себе подобными в том сплетении связей, из которых выткана любая человеческая жизнь. И именно в этом его нищета и богатство. Без других мы не достигнем полного развития, однако, другие часто отклоняют течение потока, ведущего к становлению личности.

Перечисляя "жилища" человека, мы назвали тело, дом и свободное пространство. Но тогда мы имели в виду неодушевленное "где" реализации личности; существует и другое, одушевленное "где", воплощающее человеческое существование. Это "где" - общество, которое в свою очередь не является чем-то чисто пространственным, но сформировалось исторически и несет на себе динамический след всех людей, входящих и входивших в него. Этот отпечаток, к несчастью, должен чувствовать на своих плечах и современный человек в час своей общественной реализации. Пространственно-временное измерение - единственная дверь, через которую человеческая личность может выйти в мир своего существования. Для каждой жизни в отдельности оно представляется чем-то физическим, которое, хотим мы

того или нет, навязывает нам свою реальность и заставляет с ним считаться.

Оно нам так знакомо, что трудно о нем размышлять. Но для того, чтобы как-то его понять, мы можем думать, что пространственно-временное измерение как след человеческой реализации относится к сущности, которая проявляется перед отдельной личностью через "тело" и "душу", тесно соединенные в составляющую их реальность. Под "телом" мы подразумеваем общество, а под "душой" - "культуру".

"...Проецирует себя в мир как образ бога"

Пространство и время - координаты, образующие человеческое "где". Без пространства и времени невозможно развитие человеческой личности. Человек - существо динамическое. Поэтому наша цель состоит в том, чтобы уточнить форму его деятельности, т.е. выяснить, что наиболее характерно для его проецирования в мир и в чем заключается его воплощение в мир.

Незавершенное существо

В отличие от философии экзистенциализма мы должны настаивать, что человек является не только существованием, но и сущностью. И именно эта сущность воплощается в мире.

Ни одно создание не может просто существовать. Все существуют определенным образом, ограничивая существование той или иной формой. Только бесконечное и единственное существо является существованием как таковым. Те существа, которые не заключают в самих себе условия абсолютного существования, должны считаться существами незавершенными, ограниченными, несовершенными.

Именно это и происходит с человеком как с существующей личностью. Истинная и радикальная конечность человека затрагивает его существование. Человек, утверждая себя в своем существовании, обязан мириться с множеством отрицаний. Человек является тем, чем он еще не стал, и как динамическое существо должен трудиться, чтобы раскрыть скрытые в нем возможности и найти дорогу, которая приведет его к абсолютному существу, к Богу.

Его проецирование в мир

Так как человек не заключает в своей глубине всего существования, он должен искать его даже выходя за пределы самого себя. Он должен проецировать себя вовне, пытаясь расчистить путь, идущий к более полному существованию и одновременно открывающий новые возможности.

Присущая человеку конечность становится основной причиной его неприспособленности к окружающей среде. Мы всегда можем приспособиться, но никогда не приспособливаемся полностью. Вещи, с которыми мы сталкиваемся, никогда не приходятся нам "впору", они нуждаются в нашем преобразующем усилии. Мы должны воплощаться в них, чтобы владеть ими. Словом, мы должны работать.

Работа, по определению Поля Рикера, - это действие, посредством которого человек, с большим или меньшим усилием преодолевая сопротивление, добивается полезного результата, удовлетворяющего его потребности. Таким образом, работа - это наша проекция на вещи с целью приспособить их к человеческим потребностям вообще.

Работа - деятельность, присущая лишь человеку. Ни животные, ни чистый дух не работают. Работа занимает промежуточное положение между функциями чисто органическими и функциями духовными. В этом ее величие и в то же время слабость.

Удел человека на земле - воздействовать на людей и на вещи, чтобы извлечь заключенную в них истину; истину, которую человек должен искать везде, где он трудится, следуя необратимому процессу эволюции, влекущему его вперед.

В нашем исследовании мы хотели совместить философский и теологический аспекты исследования человека. Последний вызван метафизическими выводами первого: человек не заключает в себе причину своего существования, он не может ее нам раскрыть. Тогда мы должны обратиться к источнику его появления. Все другие антропологические направления обречены на провал в силу ограниченности своих взглядов. Чтобы разрешить проблему человека, необходимо так или иначе приблизиться к бесконечному, встать рядом с Богом. Незавершенные и несовершенные, все же - мы подобие Бога. Подобие не статическое, но обладающее тем же, что и у Бога, динамизмом. И так же, как Бог существует как абсолютное бытие, мы должны постоянно стремиться к более полному существованию. Путь уже прочерчен. И только выйдя за пределы мира подобие увидит свой оригинал.

Итак, мы надеемся, что в конце нашего исследования мы можем принять то экзистенциальное определение, которое в качестве рабочей гипотезы было предложено вначале. Мы спросили: кто есть человек? Ответ будет таким: человек - это существо, которое, занимая особое место среди животных, как индивид становится личностью в силу своей свободы и коммуникабельности и через свои пространственно-временные измерения проецирует себя в мир как образ Бога.

Эпиноза С. Кто есть человек? Философская антропология// Это человек: Антология. / сост. П.С. Гуревич. - М.: Высш. шк., 1995. - С. 77 – 101.

Вопросы:

а) Как связана философская антропология с другими науками, такими как этика, психология, биология?

б) Сформируйте основные положения концепции происхождения человека Эпинозы, и сравните их с другими современными версиями антропогенеза. (Выбор концепции на Ваше усмотрение)

в) Прочтите внимательно фрагменты текста Эпинозы, характеризующие проблему существования человека в пространстве и времени. Какие из аспектов проблемы имеют личностное значение конкретно для Вас?

г) Что, по сути, представляет собой экзистенциальное определение сущности человека Эпинозы и каково Ваше отношение к этому определению?

д) Дайте свое определение сущности человека.

4.2. Прочитайте работу А.Камю «Миф о Сизифе» в хрестоматийном варианте и ответьте на вопросы:

«Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить,— значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное — имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями — второстепенно. <...>

Предметом моего эссе является как раз эта связь между абсурдом и самоубийством, выяснение того, в какой мере самоубийство есть исход абсурда. В принципе для человека, который не жульничает с са-

мим собой, действия регулируются тем, что он считает истинным. В таком случае вера в абсурдность существования должна быть руководством к действию. Правомерен вопрос, поставленный ясно и без ложного пафоса: не следует ли за подобным заключением быстрейший выход из этого смутного состояния? Разумеется, речь, идет о людях, способных жить в согласии с собой.

Уклонение от смерти — третья тема моего эссе — это надежда. Надежда на жизнь иную, которую требуется «заслужить», либо уловки тех, кто живет не для самой жизни, а ради какой-нибудь великой идеи, превосходящей и возвышающей жизнь, наделяющей ее смыслом и предающей ее. <...>

Чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу. Это чувство неуловимо в своей скорбной наготе, в тусклом свете своей атмосферы. Заслуживает внимания сама эта неуловимость. <...>

Быть может, нам удастся раскрыть неуловимое чувство абсурдности в различных, но все же родственных мирах умопостижения, искусства жизни и искусства, как такового. Мы начинаем с атмосферы абсурда. Конечной же целью является постижение вселенной абсурда и той установки сознания, которая высвечивает в мире этот неумолимый лик. <...>

О смерти все уже сказано, и приличия требуют сохранять здесь патетический тон. Но что удивительно: все живут так, словно «ничего не знают». Дело в том, что у нас нет опыта смерти. Испытанным, в полном смысле слова, является лишь то, что пережито, осознано. У нас есть опыт смерти других, но это всего лишь суррогат, он поверхностен и не слишком нас убеждает. Меланхолические условности неубедительны. Ужасает математика происходящего. Время страшит нас своей доказательностью, неумолимостью своих расчетов. На все прекрасные рассуждения о душе мы получали от него убедительные доказательства противоположного. В неподвижном теле, которое не отзывается даже на пощечину, души нет. Элементарность и определенность происходящего составляют содержание абсурдного чувства. В мертвенном свете рока становится очевидной бесполезность любых усилий. Перед лицом кровавой математики, задающей условия нашего существования, никакая мораль, никакие старания не оправданы *a priori*.

Обо всем этом уже не раз говорилось. Я ограничусь самой простой классификацией и укажу лишь на темы, которые само собой разумеются. Они проходят сквозь разговоры. Нет нужды изобретать что-

либо заново. Но необходимо удостовериться в их очевидности, чтобы суметь поставить основополагающий вопрос. Повторю еще раз, меня интересуют не столько проявления абсурда, сколько следствия. Если мы удостоверились в фактах, то какими должны быть следствия, куда нам идти? Добровольно умереть или же, несмотря ни на что, надеяться? <...>

В стремлении понять реальность разум удовлетворен лишь в том случае, когда ему удастся свести ее к мышлению. Если бы человек мог признать, что и вселенная способна любить его и страдать, он бы смирился. Если бы мышление открыло в изменчивых контурах феноменов вечные отношения, к которым сводились бы сами феномены, а сами отношения резюмировались каким-то единственным принципом, то миф о блаженстве показался бы жалкой подделкой. Ностальгия по Единому, стремление к Абсолюту выражают сущность человеческой драмы. Но из фактического присутствия этой ностальгии еще не следует, что жажда будет утолена. Стоит нам перебраться через пропасть, отделяющую желание от цели, и утверждать вместе с Парменидом реальность Единого (каким бы оно ни было), как мы впадаем в нелепые противоречия. Разум утверждает всеединство, но этим утверждением доказывает существование различия и многообразия, которые пытался преодолеть. <...>

По-своему интеллект также говорит мне об абсурдности мира. Его оппонент, каковым является слепой разум, может сколько угодно претендовать на полную ясность — я жду доказательств и был бы рад получить их. Но, несмотря на вековечные претензии, несмотря на такое множество людей, красноречивых и готовых убедить меня в чем угодно, я знаю, что все доказательства ложны. Для меня нет счастья, если я о нем не знаю. Этот универсальный разум, практический или моральный, этот детерминизм, эти всеобъясняющие категории — тут есть над чем посмеяться честному человеку. Все это не имеет ничего общего с умом, отрицает его глубочайшую суть, состоящую в том, что он порабощен миром. Судьба человека отныне обретает смысл в этой непостижимой и ограниченной вселенной. Над ним возвышается, его окружает иррациональное — и так до конца его дней. Но когда к нему возвращается ясность видения, чувство абсурда высвечивается и уточняется.

Я говорил, что мир абсурден, но это сказано чересчур поспешно. Сам по себе мир просто неразумен, и это все, что о нем можно сказать. Абсурдно столкновение между иррациональностью и иступленным

желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души. Абсурд равно зависит и от человека, и от мира. Пока он — единственная связь между ними. Абсурд скрепляет их так прочно, как умеет приковывать одно живое существо к другому только ненависть. Это все, что я могу различить в той безмерной вселенной, где мне выпал жребий жить. <...>

С точки зрения интеллекта я могу сказать, что абсурд не в человеке (если подобная метафора вообще имеет смысл) и не в мире, но в их совместном присутствии. Пока это единственная связь между ними. Если держаться очевидного, то я знаю, чего хочет человек, знаю, что ему предлагает мир, а теперь еще могу сказать, что их объединяет. Нет нужды вести дальнейшие раскопки. Тому, кто ищет, достаточно одной-единственной достоверности. Дело за тем, чтобы вывести из нее все следствия.

Непосредственное следствие есть одновременно и правило метода. Появление этой своеобразной триады не представляет собой неожиданного открытия Америки. Но у нее то общее с данными опыта, что она одновременно бесконечно проста и бесконечно сложна. Первой в этом отношении характеристикой является неделимость: уничтожить один из терминов триады — значит уничтожить всю ее целиком. Помимо человеческого ума нет абсурда. Следовательно, вместе со смертью исчезает и абсурд, как и все остальное. Но абсурда нет и вне мира. На основании данного элементарного критерия я могу считать понятие абсурда существенно важным и полагать его в качестве первой истины. Так возникает первое правило вышеупомянутого метода: если я считаю нечто истинным, я должен его сохранить. Если я намерен решить какую-то проблему, то мое решение не должно уничтожать одну из ее сторон. Абсурд для меня единственная данность. Проблема в том, как выйти из него, а также в том, выводится ли с необходимостью из абсурда самоубийство. Первым, и по сути дела единственным, условием моего исследования является сохранение того, что меня уничтожает, последовательное соблюдение всего того, что я считаю сущностью абсурда. Я определил бы ее как противостояние и непрерывную борьбу. <...>

Еще раз заметим, что предпринятое в данном эссе рассуждение совершенно чуждо наиболее распространенной в наш просвещенный век установке духа: той, что опирается на принцип всеобщей разумности и нацелена на объяснение мира. Нетрудно объяснять мир, если заранее известно, что он объясним. Эта установка сама по себе законна,

но не представляет интереса для нашего рассуждения. Мы рассматриваем логику сознания, исходящего из философии, полагающей мир бессмысленным, но в конце концов обнаруживающего в мире и смысл, и основание. Пафоса больше в том случае, когда мы имеем дело с религиозным подходом: это видно хотя бы по значимости для последнего темы иррационального. Но самым парадоксальным и знаменательным является подход, который придает разумные основания миру, вначале считавшемуся лишенным руководящего

принципа. <...>

Итак, я вывожу из абсурда три следствия, каковыми являются мой бунт, моя свобода и моя страсть. Одной лишь игрой сознания я превращаю в правило жизни то, что было приглашением к смерти, и отвергаю самоубийство. Конечно, я понимаю, каким будет глухой отзвук этого решения на протяжении всех последующих дней моей жизни. Но мне остается сказать лишь одно: это неизбежно».

Камю А. «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде». // Сумерки богов. М., 1989. М. 223, 225, 226, 228, 231-233, 235-236, 242-243, 251, 267.

Вопросы:

а) Почему вопрос о самоубийстве является фундаментальным вопросом философии?

б) Почему, по мнению А. Камю, мифический герой Сизиф олицетворяет собой человеческие надежды? Нет ли в этом парадоксальности?

в) Какие три следствия выводит А. Камю из абсурда? Почему все же «жизнь стоит того, чтобы быть прожитой»?

4.3. Страх можно определить как разновидность страдания. Но если страдание - это то, что происходит с нами в тот или иной момент настоящего, то страх - это страдание «досрочное», опережающее, идущее из будущего. Чувство страха может появиться у человека в ситуации, когда реально ему ничего не угрожает или эта угроза мнимая. Но в том-то и проявляется сложность и глубина человеческой психики, а значит, сложность и глубина человеческого страха.

Вопросы:

а) Почему нас страшит смерть?

б) Используя материал хрестоматии по философии, ответьте, как философы советуют бороться со страхом смерти.

в) Выскажите свои доводы «за» и «против» эвтаназии с точки зрения трех позиций: морали, юриспруденции, религии.

4.4. Моральный выбор ставит человека в весьма затруднительную ситуацию. Какими критериями руководствуется человек, совершая моральный выбор?

Заполните следующую таблицу:

Ценностные установки. Этические системы.	Представители, сторонники	Основные положения
1. Аскетизм		
2. Альтруизм		
3. Эвдемонизм		
4. Гедонизм		
5. Перфекционизм		
6. Утилитаризм		
7. Прагматизм		
8. Индивидуализм		

Вопросы и задания:

Какая система (принцип) получила наибольшее распространение в современном обществе? Приведите 2 конкретных примера.

4.5. Немецкий философ Иммануил Кант сформулировал понятие морального закона. При этом моральный закон философ поставил в один ряд с всеобщими космическими законами мироздания. Кант писал: «Две вещи наполняют душу все новым и возрастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее размышляешь о них, - звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Вопросы:

а) Подумайте над высказыванием философа и прокомментируйте мысль И.Канта.

б) Опираясь на «золотое правило нравственности», объясните природу морального закона.

в) Воспроизведите три формулировки категорического императива

Тема 5 Познание, его возможности и границы

Цель:

- формирование познавательной и методологической культуры и активности обучающихся;
- уяснение, что познание представляет собой активный процесс отражения действительности в сознании людей на основе общей практики;
- овладение основными методами и формами познания с целью последующего их применения в учебном процессе и практической деятельности.

План семинарского занятия:

1. Сущность и происхождение гносеологической проблематики. Субъект и объект познания. Проблемы познаваемости мира.
2. Формы познания. Чувственное и рациональное познание.
3. Сущность истины и её критерии. Теории истины: корреспондентская, когерентная, прагматическая.

Ключевые понятия: гносеология, субъект, объект, солипсизм, агностицизм, скептицизм, ощущение, восприятие, представление, понятие, суждение, умозаключение, рассудок и разум, интуиция, объективная истина, субъективная истина, абсолютная истина, относительная истина, практика.

Вопросы для устного обсуждения:

1. Почему многие опровергали афоризм Аристотеля: « Говорить, что есть, и говорить, что нет, о том, что есть, - значит утверждать ложь».
2. Можно ли утверждать, что в поиске истины ученый – теоретик и здравомыслящий обыватель не отличаются друг от друга? Если – да, то, что их объединяет?

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

5.1. Какая гносеологическая позиция отражена в следующем

рассуждении Р.Декарта? Укажите его слабые и сильные стороны.

«...Мы приходим к познанию вещей двумя путями, а именно: путем опыта и дедукции... Опыт часто вводит нас в заблуждение, тогда как дедукция или чистое умозаключение об одной вещи посредством другой... никогда не может быть плохо построено, даже и у умов, весьма мало привычных к мышлению.

Из этого ясно, почему арифметика и геометрия гораздо более достоверны, чем все другие науки, а именно - предмет их столь ясен и прост, что они совсем не нуждаются ни в каких предположениях, которые опыт может подвергнуть сомнению, но всецело состоит в последовательном выведении путем рассуждения. Итак, они являются наиболее легкими и ясными из всех наук и... если не быть внимательным, то вряд ли возможно допустить в них какую-либо ошибку.

Из всего сказанного нужно, однако, заключить не то, что следует изучать только арифметику и геометрию, но лишь то, что ищущие верного пути к истине не должны заниматься исследованием таких вещей, о которых они не могут иметь знаний, по достоверности равных арифметическим и геометрическим доказательствам».

Декарт Р. Рассуждения о методе... / Р.Декарт. М., 1984. – С.6.

5.2. Согласно позитивизму, первичной реальностью выступают факты опыта, дальше которых идти нельзя, ибо за ними ничего нет, по крайней мере, в отношении возможностей познания.

Вопросы:

а) Какова с этой точки зрения роль науки? Чем она должна заниматься? Что такое научные понятия и законы?

б) Являются ли реальностью, с точки зрения позитивизма, атом, электрон, электромагнитные волны?

в) В чем отличие материалистического сенсуализма от позитивизма? Что выражают законы науки в позитивизме и материалистическом сенсуализме?

г) Как следует понимать положения Б. Рассела о том, что логика выражает сущность философии? Как Рассел связывал логические процедуры с эмпиризмом?

д) В чем смысл замечания Р. Карнапа, что философское или логическое исследование должно быть анализом языка?

е) Можно ли согласиться с признанием в качестве факторов разви-

тия науки стремление к экономии мышления, к простоте, к логической завершенности теории, чувство математической красоты, гармонии?

5.3. Ученые провели эксперимент: они заменяли яйца аистов, живущих в Западной Европе, на яйца их восточногерманских сородичей. Эти породы аистов совершают зимние перелеты различными путями. Когда родители подсаженных птенцов полетели к долине Нила через Юг Франции и Гибралтар и Северную Америку, их приемыши полетели через Грецию и Малую Азию, как летели их настоящие родители.

Вопросы:

Можно ли на основании этого эксперимента утверждать, что у подсаженных птенцов были "априорные знания"?

5.4. Согласно легенде, один из древнегреческих мыслителей ослепил себя, залил уши воском и удалился в пещеру, чтобы "глубже познать мир". **К какому направлению в теории познания он принадлежал?**

5.5. Представим себе, что несколько ученых имеют намерение изучить лунное затмение. Первый ученый расположился под открытым небом и изучает затмение визуально вместе со вторым ученым, который, правда, носит очки, третий ученый наблюдает затмение в телескоп, а четвертый следит за ним на экране телевизора, идет прямая телевизионная передача; пятый увидит затмение в фильме, который будет готов через неделю, а шестой будет изучать фотографии; седьмой получит только статьи и отчеты об этом явлении в научном журнале.

Вопросы:

а) Какой из семи ученых занимался эмпирическим познанием лунного затмения?

б) Кто из них непосредственно наблюдал это явление?

5.6. «Небо голубое», «Роза красная». Покажите, что в этих знани-

ях, фиксирующих результаты чувственного опыта, есть элементы абстрактного мышления.

Тема 6 Философия науки и техники

Цель:

- формирование познавательной и методологической культуры и активности обучающихся;
- уяснение, что научное познание представляет собой активный процесс;
- овладение основными методами и формами научного познания с целью последующего их применения в учебном процессе и практической деятельности;
- уяснение основных закономерностей развития техники и методологических принципов познания технической реальности.

План семинарского занятия:

1. Феномен науки. Наука как социальный институт. Научные сообщества и их исторические типы.
2. Методология научного познания. Прикладное и фундаментальное в науке.
3. Сциентизм и антисциентизм: история и современность.
4. Зарубежная и отечественная традиции философии науки. Особенности современного этапа развития науки. Проблема сближения идеалов естественнонаучного и социально - гуманитарного познания. Проблема идеологизированной науки. Необходимость экологической и социально – гуманитарной экспертизы научно – технических и экономических проектов.
5. Становление двух традиций в философии техники:
 - а) инженерная философия техники (Э. Капп, П. Энгельмейер, Ф. Дессауэр);
 - б) гуманитарная философия техники (Л. Мэмфорд, Х. Ортега–и–Гассет, М. Хайдеггер, Ж. Эллюль).
6. Проблема определения техники и интерпретации ее природы от Античности до XX века. Технический оптимизм и технический пессимизм.

Ключевые понятия: научная картина мира, парадигма, рациональность, метод, научная революция, биосфера, техносфера, ноо-

сфера, моделирование, техника, технетика, технология, технофобия, технократия, техноценоз.

Вопросы для устного обсуждения:

1. В чем особенность науки как когнитивной деятельности?
2. Каковы основные принципы развития содержательных и мировоззренческих оснований научного знания?
3. Каково значение «критического эксперимента» в классической науке?
4. Можно ли заменить человека техническим устройством?
5. Можно ли научиться мыслить творчески?
6. Техно – гуманитарный баланс: реальность и вымысел?

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

6.1. В своей книге «Сумма технологий» С.Лем утверждает, что стратегия науки носит случайный, вероятностный характер. Открытия науки непредсказуемы, случайны, подобно мутациям генотипа.

Вопросы и задания:

а) Сопоставьте это утверждение с приведенными ниже описаниями историй научных открытий.

б) Проанализируйте процессы открытий с точки зрения категорий необходимости и случайности.

1) В 1895 году Рентген ставил опыты с трубкой Крукса, которую он накрывал футляром из черного картона. Случайно на столе оказался лист бумаги, покрытый платиносинероидным барием. Пропустив через трубку ток, Рентген заметил, что бумага люминесцирует. Он предположил, что это явление вызывается неизвестными лучами. Так были открыты X - лучи.

2) Спустя несколько месяцев после открытия Рентгена, французский ученый А. Беккерель решил узнать, не испускают ли X-лучи обычные тела, фосфоризирующие после освещения. Освещая солнечным светом пластинки, покрытые солями урана, Беккерель затем заворачивал их в черную бумагу и оставлял рядом с фотокассетами, надеясь, что X-лучи пройдут сквозь бумагу и оставят след на фото-пластинке. И действительно, пластинка потемнела. Беккерель решил

повторить опыт. Но стояла пасмурная погода, и ему пришлось отложить опыт. Дождавшись солнечного дня, он достал соли урана для того, чтобы осветить их и обнаружил, что фотопластинки потемнели, как и прежде, хотя соли не освещались солнцем. Так было открыто радиоактивное излучение.

3) Л. Пастер, проводя один из своих опытов, за неимением свежей культуры холеры привил курице несвежую культуру. И курица неожиданно выздоровела. Так, случай помог Пастеру открыть метод вакцинации.

4) В 1928 году А. Флеминг, перебирая коллекцию культур различных микробов, случайно обнаружил, что в одной из чашек, где в питательном бульоне росли стафилококки, образовалась свободная зона. Флеминг заинтересовался этим явлением. Так были открыты антибиотики.

Кочергин А.Н., Плесский Б.В., Уемов А.И. Философский лабиринт: сборник задач и упражнений по философии. – М.: Изд – во МГУ, 1992. – С.67.

6.2. Чем объяснить, что такие области знания, как народная медицина, приметы земледельца или охотника, искусство стеклодува или тайны мастеров, изготавливающих скрипки, не считаются научными и не включаются в систему науки?

6.3. Для работы с вопросами семинара «Философия науки и техники» необходимо обратиться к дидактическому материалу «Гуманитарные аспекты философии и техники» (составители: Подгорных Л.Б., Ковыршина С.В.), где представлены необходимые для работы фрагменты текстов. (Режим электронного доступа:

<http://libr.sibsiu.ru/lib/item?id=chamo:62966&fromLocationLink=false&theme=sibsiu>).

Прочитайте текст К. Митчема и ответьте на вопросы:

а) Каковы, по К. Митчему, исторические и философские предпосылки возникновения философии техники?

б) Почему гуманитарный подход в философии техники К. Митчем называет еще и герменевтической философией техники?

в) Почему инженерную традицию в философии техники называют еще и «парадигмой Бэкона Ф.»?

г) Сторонники технического подхода в философии техники часто критикуют гуманитарную философию техники за спекулятивность. Опровергните или подтвердите данную позицию.

Тема 7 Социальная философия и философия истории

Цель:

- формирование философско – научных взглядов на общество и социальные явления, процессы и отношения;
- уяснение основных закономерностей развития общества и методологических принципов познания социальной действительности;
- формирование умений использования философских знаний об обществе в профессиональной деятельности;
- формирование современных философских и научных взглядов на исторический процесс у обучающихся;
- уяснение различных подходов к пониманию исторического процесса и его периодизации, сущности отдельных этапов в прошлом, настоящем и будущем;
- достижение понимания сущности, критериев и механизмов исторического процесса, трансформаций современного общества, в том числе российского.

План семинарского занятия:

1. Специфика социального познания. Предмет и методы социальной философии.
2. Концепции происхождения, сущности и развития общества. Социальная структура и специфика общества.
3. Философия истории, ее понятие, предмет и круг проблем.
4. Линейные и циклические концепции исторического процесса. Россия в поисках особого исторического пути развития.

Ключевые понятия: социальное, общество, фатализм, волюнтаризм, эсхатология, ноосфера, классы, нации, этносы, субъективный фактор развития общества, объективный фактор развития общества, история, прогресс, регресс, утопия, антиутопия, дистопия, традиция, цивилизация, культура, общественно – экономическая формация.

Вопросы для устного обсуждения:

1. К чему привела бы в античности и наши дни практическая

реализация проекта «идеального государства» Платона?

2. Что означает поворот к человеку, происшедший в социальной философии XX века?

3. Какими мировоззренческими установками определяется образ истории в философии?

4. Может ли история выступать как сфера воплощения нравственных императивов?

5. Каковы особенности евразийского цивилизационного космоса?

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

7.1. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «История не делает ничего, она не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не история, а именно человек, действительный, живой человек - вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения, своих целей. История - нечто иное, как деятельность преследующего свои цели человека».

Вопросы:

а) Против какой философской концепции направлено данное высказывание?

б) что является двигателем истории? Согласны ли вы с такой позицией?

7.2. Какой критерий выделения типов общества лежит в основе, предложенной американским социологом У. Ростоу, автором концепции стадий развития общества: 1) традиционное общество (докапиталистическое общество); 2) переходное общество (страны Европы для промышленного переворота); 3) период сдвига (возникновение индустриального общества); 4) зрелое общество (с развитой индустрией); 5) завершающая стадия (индустриальное общество с высоким уровнем потребления). Сегодня в этой типологии появилась еще одна стадия – постиндустриальное общество.

Какие критерии Вам известны?

7.3. Познакомьтесь с фрагментом работы Л. Карсавина и ответьте на вопросы:

«1. Философия определяется тремя основными своими задачами. — *Во-первых*, она исследует первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания, истории как науки. *Во-вторых*, она рассматривает эти первоначала в единстве бытия и знания, т.е. указывает значение и место исторического в целом мира и в отношении к абсолютному Бытию. *В-третьих*, задача ее заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса. Поскольку философия истории ограничивает себя первой задачей, она является *теорией истории*, т.е. теорией исторического бытия и теорией исторического знания. Поскольку она преследует решение второй задачи, она — философия истории в узком и специальном смысле термина «философия». Наконец, в области, определенной третьей задачей, она предстает перед нами, как *метафизика истории*, причем, конечно, в термине «метафизика» мною не мыслится отвлечение от конкретной эмпирии, но — конкретное познание исторического процесса в свете наивысших метафизических идей.

С первого же взгляда очевидна глубокая органическая, нерасторжимая связь проблем теории истории и философии истории. Невозможно определить первоначала истории иначе, как чрез отношение их к первоначалам бытия и знания вообще, а, следовательно — и без уяснения связи их с Бытием абсолютным. Всякий теоретик истории, если только он искусственно не замыкает себя в круг вопросов так называемой технической методологии, неизбежно должен выяснить: в чем заключается специфичность, каковы основные категории исторического познания, основные исторические понятия, те же ли они, что и в области познания природы, или другие, и т.д. Все это делает настоятельно необходимым рассмотрение теоретико-исторических и философско-исторических проблем во взаимной их связи и позволяет объединить обе дисциплины под общим именем одной из них — как философию истории...

3. Обычно признаком «научности» истории полагается причинное объяснение исторических «фактов»; и во всякое определение исторической науки включают, в том или ином виде, термин «причина». Дело не меняется от того, что некоторые «методологи» и даже «философы» считают нужным говорить о «психической причинности», чем

проблема лишь осложняется, или выделяют категорию «фактов», причинному объяснению не подлежащих...

Исторический процесс является или представляется непрерывным, поскольку мы рассматриваем его как социально-психический. Но ведь в нем есть и «внешние», «объективные» стороны. Всякий историк говорит о социальном строе, социальных отношениях, о размерах землевладения, высоте ренты, доходах и расходах, наконец — о границах государства и географическом ландшафте. Так и в приведенном выше примере социальная идеология крестьянства не может быть обособлена от некоторых вполне конкретных явлений: от размеров крестьянских владений, величины платимых крестьянами оброков и т.п. И неудивительно, что стремление сделать историю наукой в том смысле, какой этому термину придает естествознание, связано со стремлением свести исторические явления на «внешние» или «объективные» факты и, в конце концов, с тенденциями исторического материализма. В известном отношении исторический материализм — законнейшее дитя историографии, усматривающей свою цель в установлении причин и законов...

Итак, «внешнее» для историка является лишь знаком внутреннего, символом или, лучше сказать, аббревиатурой, которая применима только в очень ограниченной сфере и далеко не всегда требует особой точности. А возвращаясь к «внутреннему» или «субъективному», понимая, например, социальное положение в смысле некоторого социально-психического факта или, вернее, процесса, мы возвращаемся к уже установленным нами тезисам.»

Карсавин Л.П. Философия истории// Памятники религиозно – философской мысли нового времени. Спб., 1983. С. 21, 29-30.

Вопросы:

- а) Какие три задачи появляются у философии по отношению к истории?
- б) Как Л.П. Карсавин понимает термин «философия истории», что за ним стоит?
- в) Как связаны между собой теория истории и философия истории?
- г) Что такое «внутреннее» и «внешнее» для историка?

7.5. Прочитайте фрагмент из работы Ж. Кондорсе и ответьте на вопросы:

«Человек рождается со способностью получать ощущения, замечать и различать в своих восприятиях составляющие их простейшие ощущения, удерживать, распознавать, комбинировать, сохранять или воспроизводить их в своей памяти, сравнивать между собой эти сочетания, схватывать то, что есть между ними общего, и то, что их различает, определять признаки всех этих объектов, чтобы легче их понять и облегчить себе процесс новых сочетаний.

Эта способность развивается в нем под воздействием внешних вещей, т.е. благодаря наличию известных сложных ощущений, постоянство которых, выражающееся в тождестве их соединений или в законах их изменений, не зависит от него. Он упражняет также эту способность посредством общения с себе подобными индивидами, наконец, при помощи искусственных средств, которые люди, вслед за первым развитием этой самой способности, начали изобретать.

Ощущения сопровождаются удовольствием или страданием. Человеку также свойственна способность преобразовывать эти мгновенные впечатления в длительные переживания, приятные или мучительные, испытывать эти чувства, видя или вспоминая радости или страдания других существ, наделенных чувствительностью. Наконец, эта способность, соединенная со способностью образовывать и сочетать идеи, порождает между людьми отношения интереса и долга, с которыми по воле самой природы связаны самая драгоценная доля нашего счастья и самая скорбная часть наших бедствий.

Если ограничиваться наблюдением, познанием общих фактов и неизменных законов развития этих способностей, того общего, что имеется у различных представителей человеческого рода, то налицо будет наука, называемая метафизикой.

Но если рассматривать то же самое развитие с точки зрения результатов относительно массы индивидов, сосуществующих одновременно на данном пространстве, и если проследить его из поколения в поколение, то тогда оно нам представится как картина прогресса человеческого разума.

Этот прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших индивидуальных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большого числа индивидов, соединенных в общество. Но результат, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествовавшие моменты, и влияет на те, которые должны быть

достигнуты в будущем.

Эта картина, таким образом, является исторической, ибо, подверженная непрерывным изменениям, она создается путем последовательного наблюдения человеческих обществ в различные эпохи, которые они проходят.

Она должна представить порядок изменений, выявить влияние, которое оказывает каждый момент на последующий, и показать, таким образом, в видоизменениях человеческого рода, в непрерывном его обновлении в бесконечности веков путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Эти наблюдения над тем, чем человек был, над тем, чем он стал в настоящее время, помогут нам затем найти средства обеспечить и ускорить новые успехи, на которые его природа позволяет ему еще надеяться.

Такова цель предпринятой мной работы, результат которой должен заключаться в том, чтобы показать путем рассуждения и фактами, что не было намечено никакого предела в развитии человеческих способностей; что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеют своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой. Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять; по крайней мере, до тех пор, пока Земля будет занимать то же самое место в мировой системе и пока общие законы этой системы не вызовут на земном шаре ни общего потрясения, ни изменений, которые не позволили бы более человеческому роду на нем сохраняться, развернуть свои способности и находить такие же источники существования... Человеческий род на первой стадии цивилизации представлял собой общество с небольшим числом людей, существовавших охотой и рыболовством, обладавших примитивным искусством изготовлять оружие и домашнюю утварь, строить или копать себе жилища, но уже владевших языком для выражения своих потребностей или небольшим числом моральных идей, лежавших в основе общих правил их поведения; живя семьями, они руководствовались общепринятыми обычаями, заменившими им законы, и имели даже несложную форму правления.

Понятно, что неуверенность и трудность борьбы за существование, вынужденное чередование крайнего утомления и абсолютного отдыха не позволяли человеку располагать тем досугом, при котором, рабо-

тая мыслью, он мог бы обогащать свой ум новыми сочетаниями идей. Способы удовлетворения потребностей настолько зависели от случая и времени года, что не были в состоянии породить с пользой промышленность, развитие которой могло бы продолжаться; и каждый ограничивался усовершенствованием своей ловкости или личного искусства.

Таким образом, прогресс человеческого рода должен был быть тогда очень медленным; лишь изредка, благоприятствуемое необычайными обстоятельствами, человечество могло иметь поступательное движение. Между тем, средства существования, получаемые от охоты, рыболовства, плодов непосредственно от земли, заменяются пищей, доставляемой животными, которых человек приручил, умеет сохранять и размножать. К скотоводству, далее, присоединяется примитивное земледелие: человек не удовлетворяется более плодами или растениями, которые он находит, он научается из них создавать запасы, собирать их вокруг себя, сеять или разводить и содействовать их воспроизведению при помощи обработки земли.

Собственность, которая первоначально ограничивается собственностью на убитых животных, оружие, сети, домашнюю утварь, распространяется сначала на стада, а затем на землю, которую человек распахал и обрабатывает. Со смертью главы эта собственность, естественно, переходит к семье. Некоторые владеют излишками, поддающимися сохранению. Если излишки значительны, они порождают новые потребности, если они выражаются в одном предмете, в то время как испытывается недостаток в другом, тогда в силу необходимости появляется идея обмена; с этого момента моральные отношения усложняются и умножаются. Большая безопасность, более обеспеченный и постоянный досуг позволяют человеку предаваться размышлению или, по крайней мере, связному наблюдению. У некоторых входит в привычку обменивать часть своего излишка на труд, благодаря чему они сами освобождаются от труда. Таким образом, создается класс людей, время которых не целиком поглощено физическим трудом и желания которых распространяются за пределы их примитивных потребностей. Промышленность пробуждается; ремесла, уже известные, распространяются и совершенствуются; случайные факты, которые наблюдает человек, уже более опытный и более внимательный, способствуют проявлению новых ремесел; население растет, по мере того как добывание средств существования становится менее опасным и менее зависящим от случая; земледелие, которое в состоя-

нии прокормить большое число индивидов на одной и той же территории, замещает все другие источники существования; оно благоприветствует дальнейшему размножению людей, а это последнее в свою очередь ускоряет прогресс; приобретенные идеи сообщаются быстрее и вернее упрочиваются в обществе, ставшем более оседлым, более сближенным, более интимным. Заря просвещения начинает уже заниматься; человек обнаруживает свои отличия от других животных и не ограничивается, как они, исключительно индивидуальным совершенствованием.

Более развитые, более частые, более усложнившиеся отношения, которые тогда устанавливаются между людьми, вызывают потребность в средствах сообщения своих идей отсутствующим лицам, упрочения памяти о том или ином факте с большей точностью, чем позволяет устная передача, закрепления условий соглашения более верным путем, чем память свидетелей, закрепление тех признанных обычаев, которыми члены данного общества руководствуются в своем поведении.

Таким образом, появилась потребность в письменности, и последняя была изобретена. Первоначально она, по-видимому, носила характер настоящей живописи, уступившей место условной живописи, которая изображала только характерные черты предметов. Впоследствии, по образцу метафоры, аналогичной той, которая уже практиковалась в разговорном языке, изображение физического предмета выражало отвлеченные идеи. Происхождение этих знаков, как и слов, должно было с течением времени забыться. Письменность становится искусством символизировать условными знаками каждую идею, каждое слово и в силу этого каждое изменение идей и слов.

Тогда письменный и разговорный язык становятся достоянием человечества. Необходимо было изучить и установить между ними взаимную связь.

Гениальные люди, вечные благодетели человечества, имена которых и даже отечества никогда не будут преданы забвению, заметили, что все слова какого-либо языка были только сочетаниями чрезвычайно ограниченного количества первичных слогов; что количество последних, хотя и очень ограниченное, достаточно было для образования почти бесконечного числа различных сочетаний. Видимыми знаками обозначались не идеи или слова, которым они соответствовали, но простейшие элементы, из которых составлены слова.

С тех пор писаная азбука стала известной; небольшое число знаков

удовлетворяло потребность в письме, так же как небольшое количество звуков — потребности разговорного языка. Письменный язык был таким же, как и разговорный, необходимо было только знать и уметь образовать эти немногочисленные знаки. Этот последний шаг обеспечил навсегда прогресс человеческого рода.

Может быть, было бы полезно в настоящее время создать письменность, которая, служа единственно для научных целей, выражая только сочетания простых и понятных всем идей, употреблялась бы только для строго логических рассуждений, для точных, обдуманых операций ума, была бы понятна людям всех стран и переводилась бы на все местные наречия, не изменяясь, как последние, при переходе в общее пользование.

Тогда, в силу особой революции, этот самый вид письменности, сохранение которого содействовало бы продолжению невежества, стал бы в руках философии полезным инструментом быстрого распространения просвещения, совершенствования метода наук.

Эту стадию развития между первой ступенью цивилизации и той ступенью, на которой мы видим еще людей в диком состоянии, прошли все исторические народы, которые, то, достигая новых успехов, то вновь погружаясь в невежество, то, оставаясь на середине этих двух альтернатив или останавливаясь на известной границе, то исчезая с лица земли под мечом завоевателей, смешиваясь с победителями или попадая в рабство, то, наконец, просвещаясь под влиянием более культурного народа и передавая приобретенные знания другим нациям,— образуют непрерывную цепь между началом исторического периода и веком, в котором мы живем, между первыми известными нам народами и современными европейскими нациями.

Можно, таким образом, уже заметить три совершенно различные части в картине, которую я предполагаю изобразить.

В первой, где на основании рассказов путешественников говорится о состоянии человеческого рода у наименее цивилизованных народов, нам остается разгадать, через какие ступени изолированный человек или, скорее, ограниченный ассоциацией, необходимой для своего воспроизведения, мог достигнуть этих первых усовершенствований, последним пределом которых является употребление членораздельной речи. Этот наиболее заметный и едва ли не единственный признак вместе с несколькими наиболее распространенными моральными идеями и слабыми зачатками социального порядка позволял различить человека от животных, живших, как и он, упорядоченными и

прочными обществами. Таким образом, только наблюдение над развитием наших способностей может нам здесь служить путеводной нитью.

Затем, чтобы довести человека до того уровня культуры, когда он занимается ремеслами, когда он начинает озаряться светом знаний, когда торговля объединяет нации, когда, наконец, изобретается азбука, мы можем присоединить к этому первому путеводителю историю различных обществ, которые изучались почти во всех промежуточных стадиях своего развития, хотя ни одно из них нельзя было бы проследить на всем протяжении, которое отделяет эти две великие эпохи человеческого рода.

Здесь картина начинает опираться большей частью на исторические факты; но необходимо последние извлекать из истории различных народов, сопоставлять их, сочетать, чтобы на этом основании написать гипотетическую историю единого народа и создать картину его прогресса.

С того периода, когда письменность стала известной в Греции, история соединяется с нашим веком, с современным состоянием человеческого рода в наиболее просвещенных странах Европы при помощи непрерывного ряда фактов и наблюдений; и картина поступательного движения и прогресса человеческого разума становится поистине исторической. Философии не приходится более разгадывать или образовывать гипотетические комбинации. Достаточно объединить, привести в порядок факты и показать полезные истины, которые рождаются в силу сцепления и соединения этих фактов.

Наконец, остается только набросать последнюю картину, картину наших надежд, прогресса, который будет достигнут будущими поколениями и который как бы обеспечивается постоянством законов природы. Нужно будет показать, через какие ступени то, что нам теперь кажется несбыточной надеждой, должно сделаться постепенно возможным и даже доступным; почему, несмотря на преходящий успех предрассудков, поддерживаемых развращенными правительствами и народами, только одна истина должна добиться длительного торжества. Необходимо выяснить, какими узами природа неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека; каким образом эти единственные реальные блага, так часто разобщенные, что их считают даже несовместимыми, должны, напротив, сделаться нераздельными. Это будет тогда, когда просвещение достигнет определенного предела од-

новременно у значительного числа наций и когда просветится вся масса великого народа, язык которого повсеместно распространится, торговые отношения которого охватят весь земной шар.

В силу этого сближения, которым уже охвачены все просвещенные люди, между ними отныне можно будет насчитывать только друзей человечества, единодушно содействующих его усовершенствованию и счастью».

Кондорсе Ж.. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: гос. соц. – экон. изд – во, 1936, с. 3-16, 216-220.

Вопросы:

а) Как возникает история вообще? Есть ли в ней какой – то умопостижимый смысл?

б) Почему, по Ж.Кондорсе, несовершенство истории определяется её удаленностью от разума?

в) Что такое прогресс в истории? Зависит ли от него будущее человечества? Управляема ли история?

г) Какие ступени развития общества выделяет Ж. Кондорсе? Что является основанием для этой типологии?

7.6. Что представляет собой системные теории общества XIX – XX вв.? Какой категориальный аппарат социальной философии они использовали?

7.7. К средствам труда относятся не только орудия труда и источники энергии, но и земля, производственные помещения, транспорт (в том числе нефтепроводы, газопроводы), средства связи (в том числе компьютерные сети).

Вопросы:

а) Что представляют собой компьютерные сети в качестве средства труда?

б) Как они соотносятся с предметами труда? Какова их роль в процессе труда?

7.8. Прочитайте два высказывания:

1. В постиндустриальном обществе люди освобождаются от монотонного труда и перемещаются в сферу производства знания, информации, в сферу услуг. Труд приобретает все более интеллектуальный и творческий характер.

2. Труд теряет былую значимость. Все больше людей смотрят на труд как на тяжелую повседневность и были бы рады навсегда от нее избавиться.

Вопросы:

а) Труд в информационном обществе приобретает черты творчества или становится тяжелой повседневностью? Почему?

б) Каковы тенденции развития труда в информационном обществе?

7.9. Каковы положительные черты формационного и цивилизационного подходов к развитию общества? Назовите авторов этих теорий? Какие еще существуют подходы в социально-философской мысли о направленности истории? Назовите их. Подробно опишите подход К. Поппера («антиисторицизм»).

7.10. Большинство американских социологов не согласны с игнорированием понятия «класс». Профессор Кембриджского университета Э. Гидденс отмечает, что марксистская концепция класса указывает на экономическое неравенство, которое является объективным фактором общественного устройства. Представители рабочего класса имеют меньший средний вес при рождении, более высокую детскую смертность, они медленнее растут, чаще болеют и умирают в более молодом возрасте, чем представители высшего класса.

Вопросы:

а) Какие классы существуют в современной России?

б) Устарело ли понятие «класс»?

Тема 8 Осмысление глобальных проблем человечества как основа философии будущего

Цель:

- уяснение сути новейших тенденций общественного развития;
- выявление ведущих императивов современной социальной динамики;
- определение основных сценариев будущего.

План семинарского занятия:

1. Основные глобальные проблемы современности, варианты классификации:
2. Философия в решении проблем выживания человечества. Прогнозы и сценарии будущих состояний общества: а) сценарий традиционного пути; б) сценарий варварского развития общества; в) гуманитарный сценарий; г) реформаторский путь («Путь великих перемен»).
3. Процесс глобализации и децентрализации общества и его последствия.

Ключевые понятия: футурология, ситус, «Информационная парадигма», «Информационное общество», «Третья волна», «Глобальные проблемы», «Глобальная деревня», «Глобальный театр», медиократия, глобалистика.

Вопросы для устного обсуждения:

1. Понятие информационного общества на основе концепций Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Маклюэна.
2. Исторические аспекты терроризма и способы борьбы с ним в современном мире.
3. Здоровье мира: философские аспекты проблемы.
4. Демографические проблемы: статистика и не только.

Задания для индивидуального домашнего выполнения:

8.1. Прочитайте фрагмент работы А.Печчеи «Человеческие качества» и ответьте на вопросы:

«Я считаю, что создание Римского клуба, основной целью которого стало изучение и выявление нового положения, в котором оказался человек в век своей глобальной империи, явилось волнующим событием в духовной жизни человечества. Буквально с каждым часом рас-

тут наши знания о самых разных вещах; вместе с тем мы остаемся почти невежественными в том, что касается изменений в нас самих. И если что-то и можно поставить в заслугу Римскому клубу, то именно то, что он первым восстал против этого опасного, почти равносильного самоубийству неведения.

Мы знаем, что наше путешествие в качестве Homo sapiens началось приблизительно сто тысячелетий назад, и вот уже сто веков, как ведется историческая летопись человечества. Однако в последние десятилетия все чаще рождается мысль, что человечество достигло какого-то важного рубежа и оказалось на перепутье. Впервые с тех пор, как христианский мир шагнул в свое второе тысячелетие, над миром, по-видимому, действительно нависла реальная угроза неминуемого пришествия чего-то неотвратимого, неизвестного и способного полностью изменить общую судьбу огромных масс людей. Люди чувствуют, что наступает конец какой-то эпохи в их истории. Но никто, кажется, сегодня еще не задумывается над необходимостью радикально изменить не только свой собственный образ жизни, но жизнь своей семьи, своего народа. И именно в том-то, в сущности, и кроется причина многих наших бед, что мы еще не смогли приспособить к этой насущной необходимости свое мышление, мироощущение и свое поведение...

Необходимо совершенно ясно отдавать себе отчет в нелепости утверждений, что нынешнее глубоко ненормальное и неблагополучное состояние человеческой системы можно хоть как-то приравнять к каким бы то ни было циклическим кризисам или связывать с какими-то преходящими обстоятельствами. И уж если - за неимением другого подходящего слова - мы все же вынуждены называть это кризисом, то должны сознавать, что это особый, всеобъемлющий, эпохальный кризис, пронизывающий буквально все стороны жизни человечества. Римский клуб назвал его *затруднениями человечества*.

Диагноз этих затруднений пока неизвестен, и против них нельзя прописать эффективных лекарств; притом они усугубляются еще тесной взаимозависимостью, которая связывает ныне все в человеческой системе. С тех самых пор, как человеком был открыт ящик, подобный ящику Пандоры, и неведомая донныне техника выскользнула из-под его контроля, все, что бы ни произошло где-то в мире, отдается звонким эхом почти повсюду. Нет больше экономических, технических или социальных проблем, существующих отдельно независимо друг от друга, которые можно было бы обсуждать в пределах одной спе-

циальной терминологии и решать не спеша, по отдельности, одну за другой. В нашем искусственно созданном мире буквально все достигло небывалых размеров и масштабов: динамика, скорости, энергия, сложность - и наши проблемы тоже. Они теперь одновременно и психологические, и социальные, и экономические, и технические, и вдобавок еще и политические; более того, тесно переплетаясь и взаимодействуя, они пускают корни и дают ростки в смежных и отдаленных областях.

Даже при беглом взгляде на приведенный перечень проблем легко увидеть звенья, которые сцепляют их воедино; при более детальном рассмотрении эти связи прослеживаются еще нагляднее. Бесконтрольное расселение человека по планете; неравенство и неоднородность общества; социальная несправедливость, голод и недоедание; широкое распространение бедности; безработица; мания роста; инфляция; энергетический кризис; уже существующий или потенциальный недостаток природных ресурсов; распад международной торговой и финансовой системы; протекционизм; неграмотность и устаревшая система образования; бунты среди молодежи; отчуждение; упадок городов; преступность и наркомания; взрыв насилия и жесточение полицейской власти; пытки и террор; пренебрежение законом и порядком; ядерное безумие; политическая коррупция; бюрократизм; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей; утрата веры; ощущение нестабильности и, наконец, неосознанность всех этих трудностей и их взаимосвязей - вот далеко не полный список или, вернее сказать, клубок тех сложных, запутанных проблем, который Римский клуб назвал *проблематикой*.

В пределах этой проблематики трудно выделить какие-то частные проблемы и предложить для них отдельные, независимые решения - каждая проблема соотносится со всеми остальными, и всякое очевидное на первый взгляд решение одной из них может усложнить или как-то воздействовать на решение других. И ни одна из этих проблем или их сочетаний не может быть решена за счет последовательного применения основанных на линейном подходе методов прошлого. Наконец, над всеми проблемами нависла еще одна трудность, недавно появившаяся и перекрывающая все остальные. Как показал опыт, на определенном уровне развития проблемы начинают пересекать границы и распространяться по всей планете, невзирая на конкретные социально-политические условия, существующие в различных странах, - они образуют *глобальную проблему*...

Чем яснее представлял я себе все эти угрожающие человечеству опасности, тем больше убеждался в необходимости предпринять какие-то решительные меры, пока еще не стало слишком поздно. Один я не мог сделать ничего, и тогда решил создать небольшой круг единомышленников, с которыми можно было бы вместе подумать о том, как сформулировать эти (волновавшие не только меня) мировые проблемы и предложить новые подходы к их изучению...

Далее, Клуб был задуман как общество, ориентированное на конкретные действия, а не на дискуссии ради дискуссий. В соответствии с намеченной программой действий перед Клубом были поставлены две основные цели, которые он должен был постепенно осуществлять. Первая цель - *способствовать и содействовать тому, чтобы люди как можно яснее и глубже осознавали затруднения человечества*. Очевидно, что эта цель включает изучение тех ограниченных и весьма сомнительных перспектив и возможностей выбора, которые останутся человечеству, если оно срочно не скорректирует наметившиеся ныне тенденции мирового развития. И вторая цель - *использовать все доступные знания, чтобы стимулировать установление новых отношений, политических курсов и институтов, которые способствовали бы исправлению нынешней ситуации*».

Печчеи А. Пределы роста / А. Печчеи Режим электронного доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki.html

Вопросы:

а) Что послужило причиной создания Римского клуба? Каковы цели и задачи этой организации?

б) Что Римский клуб называет «затруднениями человечества»? Возможно ли их диагностировать?

в) Почему глобальные проблемы взаимосвязаны и вытекают одна из другой? Способствует ли это появлению новых проблем?

8.2. Вам представлены 4 сценария будущих состояний общества.

«Творческая природа человека позволяет ставить вопросы и рассуждать о будущем, о перспективах его развития, как ближайших, так и отдаленных. Конечно, можно ссылаться на дар предвидения фантастов, предсказателей, религиозных догматов, наконец, просто на всевоз-

можные, иррациональные способы волшебства и колдовства. Ключи к будущему — в самой рассудительности человека, а философия — лишь один из способов подобного рассуждения о будущем. С точки зрения здравого смысла завтрашний день коренится в нынешних заботах людей. С чем люди столкнутся в XXI в., как люди обеспечат свою жизнь в будущем (ресурсы, сырье, жизненный уклад и т.п.). Одним из продуктивных понятий, выработанных за последние годы в исследовательских прогнозах и сценариях будущего, является понятие устойчивого развития. Несомненно, что противоречие между стремлением к безудержному росту и ограниченными ресурсами Земли будет разрешено. Но как этого удастся достичь — никто предсказать пока не может. На сегодня подобный прогноз труден, ибо земная цивилизация еще не наметила свой принципиальный выбор. Сценарии развития нашей цивилизации, как правило, учитывают: во-первых, нынешнее состояние системы; во-вторых, движущие силы развития, которые могут быть разнонаправленными; в-третьих, возможность внешних воздействий на систему и ее внутренние конфликты.

Среди множества прогнозов будущих состояний общества мы кратко поясним четыре сценария, называя их «традиционным», «варварским», «гуманистическим» и «реформаторским» (или «путем великих перемен»).

Сценарий традиционного пути предполагает сохранение основных ценностей и социальных институтов индустриального общества. Здесь действуют силы конкуренции и частной собственности как определяющие факторы экономического роста. Несмотря на давление, исходящее от транснациональных корпораций, сохраняется роль национального государства. Поведение людей обуславливается потребительской мотивацией и индивидуализмом.

С учетом нынешних тенденций роста народонаселения Земли численность населения к 2050 г. вырастет до 10 млрд человек. Такой прирост населения, по-видимому, будет происходить главным образом за счет развивающихся стран. Совершенствование технологий будет способствовать положительной экологии промышленного производства, эффективному использованию ресурсов, устойчивому положению сельскохозяйственного рынка и т.п. Появление новых технологий приведет к возрастанию эффективности использования энергетических ресурсов, особенно воды. Если доля работающих в промышленности будет снижаться, то в сфере услуг намечается рост занятости.

Теоретики-прогнозисты обращают внимание на четыре вида опасно-

сти, способные помешать реализации традиционного сценария ожидаемого будущего. Первое: суммарная индустриально-технологическая нагрузка на биосферу, в условиях которой только и может протекать благополучное развитие общества, может превысить ее естественный потенциал. Второе: усиление промышленного давления на природные ресурсы может повлечь за собой экономические сбои и национальные конфликты. Третье: демографическое давление (рост народонаселения) на природные ресурсы, с одной стороны, грозит нарушениями климата, а с другой — усиление геополитической напряженности ставит под угрозу социально-экономическую устойчивость. Четвертое: распространение бедности и рост неравенства между государствами будет стимулировать миграцию населения и, как следствие, социальную и политическую напряженность.

Сценарий варварского развития общества предполагает снижение экономического и морального уровня развития сегодняшней цивилизации. Основанием подобного скептического прогноза могут служить, например, голод и хроническое недоедание половины населения нашей планеты, ставшие обыденными явлениями. Усиление неравенства (имущественного, экономического образовательного) повлечет за собой утрату контроля за социальными и политическими процессами. Институты управления обществом перестанут справляться с возникающими проблемами. Заметим, что жители богатых стран уже сегодня усматривают угрозу своему благосостоянию со стороны многих экономически бедных сообществ. Именно из этих стран идет массовая миграция, исходят угрозы терроризма, эпидемий и т.п. Кроме того, угрожающее действие исходит и от некоторых внутренних факторов, таких, например, как рост численности нового класса неимущих — образованных безработных. Рост анархических настроений и негативное отношение населения к институтам государственной власти сопряжены с ростом преступности и коррупции в обществе. Поэтому надежды на процветание общества в любой момент могут быть разрушены реальными процессами массового обнищания людей. Сценарии варварского пути развития цивилизации, по мнению отдельных теоретиков будущего, могут рисоваться в виде: а) модели его прогрессирующего распада вплоть до возврата к феодальным структурам и родоплеменным отношениям; б) модели существования авторитарного режима, при котором элита общества вполне конкретных регионов Земли будет процветать, а обездоленное большинство народонаселения постоянно возрастать.

Гуманитарный сценарий развития общества требует более детального пояснения. Хотя началом гуманизма как культурной ориентации является эпоха Возрождения, вопрос о человеческой природе в человеке был поставлен и по-своему эффективно решался уже в древнегреческой культуре и в философии. Аристотель и Платон, в частности, определяли человека как политическое животное. Можно предположить, что для античных мыслителей это понятие означало близкое тому, что мы подразумеваем, когда говорим о человеке как живом существе. Именно животный прообраз жизни человека послужил одной из причин образования вполне определенных государственных институтов в разных сообществах. Участвуя в жизни государства, человек становился цивилизованным и этическим существом, отличающимся от варваров. Древнегреческая и византийская разновидности гуманизма по своей сути воплощались в системе воспитания, включающей в себя не только элементы самопознания, учености, но и так называемую «заботу о себе», благодаря которой свободный мужчина, рожденный властвовать, учился управлять собой. Кроме того, гуманистическим пафосом был пронизан и античный культ человеческого тела. Достаточно напомнить те гуманитарные ограничения, правила, которые обуславливали начало и ход Олимпийских игр.

Христианство задало новый образ человека как создания Бога и интенсифицировало аскетические практики смирения плоти. При этом социальные проблемы решались весьма эффективно в пространстве храма, где люди, сострадая мукам Христа, учились прощать других людей и таким образом сохраняли единство общества. Вместе с тем христиане любили «своих», но боялись и ненавидели «чужих». Отсюда история христианства — это не только история развития морали, но и инквизиции. В эпоху Возрождения, которое принято считать освобождением человека от фанатизма готики, гуманность понимается не только как человечность, но и как ученость. Новое время исходит из примата рациональности. Ставка на разум определяет характер воспитания, которое в основном опирается на познание. Знать о самом себе как можно больше, не оставлять без внимания ни одного аффекта, контролировать и оценивать социально значимые поступки правовыми нормами — этом заключается идеал рационального человека.

Цели науки и техники как детища человеческой рациональности связывались с их назначением как средств повышения эффективности, оптимизации и облегчения жизни людей. На самом деле развитие науки и техники постепенно привело к глубоким изменениям самой

сущности человека. Мысливший себя господином, он вынужден был изменять себя вслед за изменениями техники, требующей от него сегодня таких способностей, благодаря которым он мог бы ее обслуживать. Таким образом, произошло исчезновение, растворение человеческого в «цепях циркуляции» техники, технического и научного знания. Все это потребовало переосмысления самого идеала гуманизма. М. Хайдеггер, в частности, усмотрел одну из причин кризиса современной эпохи именно в чрезмерно завышенной самооценке человека. Осторожность обращения с нормами морали и гуманитарными идеями повлекла за собой «насильственное» соблюдение «прав человека». При этом в качестве идеалов морали, гуманности и прав человека выдвигаются западные (европейские и американские) образцы. Но кто сказал, что не нужно считаться с другими культурно-историческими традициями и идеалами, которые сформировались в других регионах планеты. Под гуманностью обычно подразумеваются такие человеческие свойства, как мягкость, доброта, сердечность или душевность. Гуманность характеризует человеческие отношения между сильными и слабыми, начальниками и подчиненными, предпринимателями и рабочими, мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, педагогами и учителями, врачами и больными и т.п. Гуманизм часто сводится к жалости и сочувствию, и это намертво связывает его с насилием и несправедливостью: громче всего призывают к гуманности именно тогда, когда в обществе царит жестокость.

Было бы несправедливо не замечать, что гуманизм был и остается еще и практическим движением, имеющим добровольную поддержку со стороны сострадающих. Но в практическом воплощении идеалов гуманизма таятся свои опасности. Настораживает то, что он используется теми, против кого он когда-то бы направлен, а именно машинами государственной власти. Если раньше противоречие человека и государства было вещественным и зримым, то сегодня государство «с человеческим лицом» выдает себя за лучшего друга человека. Гуманизм сегодня — это большая политика. Тем не менее призывы соблюдать права человека сопровождаются разного рода политическими репрессиями, вплоть до военных акций умиротворения ради торжества идей гуманизма. Гуманизм, человек и человечность — это не только общечеловеческие идеалы и базовые ценности, ориентирующие движение вперед, но и конкретно-исторические реалии, которые могут сильно отличаться друг от друга в различных пространственно-временных отрезках человеческой истории и культуры. Проблема в том, что если мы

примем несоизмеримость представлений о гуманности в разных культурах, то попадем в тупики релятивизма; а если будем ориентироваться на общечеловеческий идеал, то неизбежно окажемся перед неприглядными последствиями европоцентристской модели гуманизма. Таким образом, сегодня политический и правовой гуманизм может реализовываться скорее не формально, а в дискуссиях, спорах, в стремлениях добиться согласования и взаимопонимания между разными представлениями об идеалах гуманности.

Реформаторский путь, или «путь великих перемен» в развитии цивилизации, который очень часто связывают с информационной революцией, обычно конкретизируется в проектах формирования информационного общества. В информационном обществе сети, подобные коммуникационной сети Интернет, оказываются не только глобальными сетями общения людей, но и способствуют росту социальной солидарности, интеграции мирового сообщества, обеспечению высокого уровня благосостояния. При этом численность народонаселения стабилизируется, снижается нагрузка на природные ресурсы, а информационное обеспечение «зеленых» технологий улучшает экологические перспективы развития цивилизации, очищая условия ее жизнедеятельности. Интеграция вычислительной и телекоммуникационной техники решает широчайший круг информационно-технологических задач. Интерактивный характер информационных технологий наделяет неограниченными возможностями процессы общения и обработки информации. Напомним, что с различными видами новейших информационно-коммуникационных технологий связываются:

- устройства, обеспечивающие доступ людей к информации (дисплеи, телефоны, сканеры, телевизоры и т.п.);
- техника, передающая информацию на расстояния (радио, телефон, оптико-волоконный кабель, спутники связи и т.п.);
- устройства для переработки информации (компьютеры с необходимой электронной начинкой);
- системы хранения (носители) информации (электронные, лазерные, оптические, магнитные).

Процессы глобализации и децентрализации, интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий — все это признаки будущего высокотехнологического общества. На январь 2000 г. в мире было более 300 млн пользователей сети Интернет. С перспективой превращения Интернета (и других подобных сетей) в планетарный источник информации открывается возможность создать всеобщую сре-

ду интерактивного общения людей. Мы стали жить в постоянно изменяющемся мире. Тот, кто становится носителем информационно-коммуникационных технологий, оказывается не просто в сердцевине, а в круговороте современной жизни, радикально меняя собственный образ жизни, способ поведения и образ своего мышления. Его профессиональный опыт приобретает и наделяется продуктивными свойствами в той степени, в какой он может изменить стереотипы своего мышления и поведения. Необходимо не только с достаточной оперативностью ориентироваться и действовать в пространстве современных коммуникаций, но знать, как действовать, знать социальную среду своего поведения, представлять глобальные перспективы развития информационно-коммуникационных технологий нынешнего общества. *Информационная парадигма*, пожалуй, с наибольшей степенью конкретности и достоверности приоткрывает будущее. Целесообразно назвать важнейшие черты информационной парадигмы.

- Если раньше информация считалась сырьем, с помощью которого оказывалось воздействие на технологические и технические практики индустриального общества, то сегодня созданы информационные технологии для воздействия на информацию (с учетом разнообразных целей жизни общества).

- Поскольку информация есть интегральный фактор всякой человеческой деятельности, то все процессы нашего индивидуального и коллективного существования непосредственно формируются новыми информационными технологиями.

Информационные сети хорошо приспособляются к постоянно возрастающей сложности всего разнообразия социальных взаимодействий и неопределенности развития общества. Информационные сети отличаются гибкостью, динамичностью и открыты для нововведений. Информационные процессы не только обратимы; социальные организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой информационно-технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации — решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть.

Перспектива информационной парадигмы развития общества связывается с тенденциями *конвергенции конкретных технологий в высоко интегрированную систему*, в которой старые, изолированные технологические траектории становятся буквально неразличимыми. Так, микроэлектроника, телекоммуникации, оптическая электроника и ком-

пьютеры интегрированы теперь в информационных системах. В бизнесе, например, пока существуют (и еще некоторое время будут существовать) различия между производителями чипов и программистами. Возможности микрокомпьютеров стали зависеть от мощности чипов. Проектирование микропроцессоров сопряжено с архитектурой компьютеров. Использование биологических материалов в микроэлектронике, хотя еще очень далекое от широкого применения, уже находится (с 1995 г.) на экспериментальной стадии. Хотя исследованиям предстоит долгий путь к материальной интеграции биологии и электроники, логика биологии (способность к самозарождению непрограммируемых информационных носителей) все чаще вводится в электронные машины. В частности, отдельные лаборатории уже продвинулись по пути обучения роботов».

Философия: Учебник для вузов / Под ред. Э.Ф. Караваева, Ю.М. Шилкова. – М.: Юрайт, 2004. – с. 510 - 518.

Вопросы и задания:

Проанализируйте каждый сценарий, укажите его достоинства и недостатки? Попробуйте написать и предложить свой сценарий будущего человечества. Аргументируйте свою позицию.

8.3. Познакомьтесь с фрагментом публичной лекции и современного итальянского философа У.Эко «От интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст», прочитанной на экономическом факультете МГУ 20.05.1998 и ответьте на вопросы:

«У Платона в конце диалога "Федр" есть такой пример: Гермес, предполагаемый изобретатель письменности, демонстрирует фараону Таммузу изобретение, которое позволит людям помнить то, что иначе пропадет в забвении. Фараон не рад и говорит: "Хитроумный Тот! Память - дивный дар, ее надо постоянно поддерживать. Из-за твоего изобретения у людей испортится память. Они будут вспоминать не благодаря внутреннему усилию, а благодаря внешней поддержке". Согласимся с этим фараоном. Письмо, как всякая новая техническая поддержка, ослабляет силу человека. Так, автомобиль вредит способности ходить. Письмо опасно, потому что ослабляет силу ума, предлагая людям окаменевшую душу, карикатуру на ум, минеральную память. Платон, конечно, иронизирует. Он приводит аргумент против письма, но вкладывает его в уста

Сократа, который ничего не писал. Именно поскольку он не публиковался, Сократ потерпел поражение - в академическом плане.

В наше время никто из-за письма не волнуется по двум простым причинам. Во-первых, мы знаем, что книга - это не способ присвоить чужой ум, наоборот, книги - машины для провоцирования собственных новых мыслей, и только благодаря изобретению письма есть возможность сберечь такой шедевр спонтанной памяти, как "В поисках утраченного времени" Пруста. Во-вторых, если когда-то память тренировали, чтобы держать в ней факты, то после изобретения письма ее стали тренировать, чтобы держать в ней книги. Книги закаляют память, а не убаюкивают ее. Фараон выразил исконный страх - страх, что новая техника отменит или разрушит нечто хорошее, плодоносное, самоценное и духовное. Фараон будто бы показал сначала на письмена, а затем на идеальный символ человеческой памяти и сказал: "Это (то есть письмена) убьет то (то есть память)". В "Соборе парижской богородицы" Гюго Клод Лолло показывает сначала на книгу (книги только начали печатать в то время), потом на свой собор и говорит: "Это убьет то".

Действие романа развивается в XV веке - только изобрели печать. До того рукописи предназначались для малочисленной элиты. Работа по обучению масс содержанию Библии, житиям Христа и святых, моральным принципам и даже истории своего собственного народа, а также географии, природоведению, то есть природе отдаленных стран и свойствам трав и камней, - эта работа отводилась фрескам и статуям Собора. Средневековый собор был как бы постоянной неизменной телепрограммой, которая давала народу все необходимое как для повседневной, так и для загробной жизни. Книги же отвлекали от базовых ценностей, поощряли излишнюю информированность, вольное толкование Писания и нездоровое любопытство.

Согласно книге Маршалла Маклюэна "Галактика Гуттенберга" (1962), после изобретения печати преобладал линейный способ мышления, но с конца 60-х ему на смену пришло более глобальное восприятие - гиперцепция - через образы телевидения и другие электронные средства. И если не Маклюэн, то его читатели как бы тыкали пальцем в Манхэттенскую дискотеку, потом в печатную книгу со словами: "Это убьет то". (Смех в зале). Средства массовой информации довольно скоро установили, что наша цивилизация становится *image-oriented*, ориентированной на зрительный образ, что ведет к упадку грамотности.

Добавлю, что средства массовой информации подняли на щит этот упадок словесности как раз тогда, когда на мировую сцену вышли ком-

пьютеры. Безусловно, компьютер - орудие для производства и переработки образов, и также безусловно, что инструкция нам дается в образе неизбежной иконки. Но также известно, что старые компьютеры рождались как орудие письменности. По экрану ползли слова и строки, и пользователь должен был читать. Новое поколение детей из-за компьютера научилось читать с дикой скоростью, и сейчас тинэйджер читает быстрее, чем профессор университета - вернее, профессор читает медленнее, чем тинэйджер. Тинэйджеры, если они хоть что-то на своем компьютере программируют, должны знать логические процедуры и алгоритмы и должны печатать слова и цифры, причем очень быстро. В этом смысле компьютер возвращает людей в гуттенбергову галактику, и те, кто пасутся ночами в Интернете и болтают в чатах, - они работают словами. Если телеэкран - это окно в мир, явленный в образах, то дисплей - это идеальная книга, где мир выражен в словах и разделен на страницы.

Традиционный компьютер предлагал линейную письменную коммуникацию, это была быстро бегущая книга. Сейчас появились гипертексты. Книга читается справа налево, или слева направо, или сверху вниз - это зависит от нас. Но в любом случае это работа в физическом смысле - книгу приходится листать. А гипертекст - это многомерная сеть, в которой любая точка здесь увязана с любой точкой где угодно. Итак, мы в конце "истории с убийствами" - "это убьет то" и т.д. Сейчас реален вариант, что CD-ROM вытеснит книгу. А если учесть, что CD мультимедийны, то, значит, не понадобятся видеокассеты и прочее.

Это не научная фантастика. Рассмотрим конфликт книги и гипертекста в свете дилеммы, которую я только что обрисовал: борьба визуальной и буквенной коммуникаций. Вскоре после изобретения печати кроме книг было много других носителей информации: живопись, гравюра, устное обучение, но книги оставались базой для передачи научных сведений, включая новости современной истории. Книги были оптимальным материалом. С усовершенствованием средств массовой информации, от кино до телевидения, кое-что изменилось. Недавно единственным способом учить языки, кроме путешествий, были учебники. А сейчас дети часто учат языки по пластинкам, смотрят фильмы на языке, разбирают надписи на упаковках. То же и с географией. Я в детстве узнавал об экзотических странах из Жюль Верна. Мои дети в нежном возрасте уже знали больше меня - из телевидения и кино. Можно отлично выучить древнеримскую историю по фильмам. Надо только выбирать те фильмы, которые не врут. Ошибка Голливуда не в том, что нам подсказывают фильмы вместо Тацита и Гиббона, а в том, что эти фильмы - ки-

чевые и слащавые версии Тацита и Гиббона. По хорошему научно-популярному фильму, не говоря уж о CD, генетику можно преподавать лучше, чем по учебнику. На данном этапе многие средства массовой информации участвуют в культурной работе. Культура в поисках более живых путей должна использовать все эти возможности средств массовой информации. Необходим образовательный подход, тщательно продуманный в смысле ответственности и задач. Для языков лучше кассета, чем учебник. Шопен на компакт-диске с комментариями поможет разобраться в музыке, и нечего волноваться, будут ли люди покупать пятитомные музыкальные энциклопедии. Проблему надо ставить иначе. Не надо противопоставлять визуальную и вербальную коммуникации, а надо совершенствовать и ту, и эту. В Средние века визуальная коммуникация для народа была важнее письма. Но визуальный Шартрский собор по своему культурному наполнению ничуть не хуже письменного образа мира. Собор был телевидением своего времени. Разница в том, что главный редактор тех средневековых телепрограмм любил читать хорошие книги, имел замечательную фантазию и работал для общественного блага - или хотя бы так искренне считал.

Проблема лежит в другой плоскости. Визуальные коммуникации должны сосуществовать с вербальными, в первую очередь с письменными. Этому есть причина.

Семиотики и логики потратили много сил, описывая разницу между выражениями "дитя", "некое дитя", "одно дитя", "то дитя", "дети", "детство", "детвора". Эти дизъюнкции (различия) не так уж поддаются визуальному отображению, но очень важны в языках искусства, как и вопрос о картине, изображающей незнакомую нам женщину. Что это? "Женский портрет"? "Женский образ"? "Образец женщины"? Или живописный аналог фразы "передо мной женщина, она смотрит на меня"?

Прежде всего, в контексте плаката или альбома соседство письменных сообщений помогает понять смысл и опровергнуть его. Возьмем риторическую фигуру *exemplus*. Аристотель посвятил ей интереснейшие страницы. Лучший способ убеждать - действовать путем индукции, то есть привести много случаев, чтобы создалось убеждение, что они составляют правило. Предположим, я хочу доказать, что собаки дружелюбны и любят своих хозяев. Я привожу много случаев, подтверждающих, что собаки дружелюбны и полезны, и тем самым внедряю убеждение, что собаки дружелюбны и полезны. Теперь предположим, что я хочу убедить вас, будто собаки опасны. Я сделаю это посредством *exemplus'a*: одна собака загрызла хозяина. Как вы сами понимаете, еди-

ничный случай ничего не доказывает. Но, поскольку пример устрашающий, я создаю у вас впечатление, что собаки бывают недружелюбными. А как только я вас в этом убедил, я восполню общее правило из единичного случая и заключу: поэтому псам доверять нельзя. Используя *exemplus*, я соскользнул от описания единичной собаки к описанию собак вообще.

Если ум у вас критический - а я надеюсь, что ум у вас критический, - вы уловите, что я извратил вербальное выражение "одна собака была плохая", сформулировав его иначе: "собаки - плохие".

Но если экземпляра визуальная, а не вербальная, ваш физический ум окажется в трудном положении. Если я предъявлю вам изображение пса, кусающего своего хозяина, - как вы различите частное и общее?

У образов есть "платоническая сила", они преобразуют частные идеи в общие. Вот так, посредством визуальных коммуникаций, легче проводить стратегию убеждения, сомнительную в ином случае. Читая в газете, что "такой-то" провозглашает: "X - в президенты!", я понимаю, что высказывается мнение "такого-то".

Но если в телевизоре какое-то неизвестное мне лицо агитирует: "X - в президенты!", то воля индивида воспринимается уже как сгусток общей воли. Часто мне думается, что в ближайшем будущем наше общество расщепится - или уже расщепилось - на два класса: тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, без права критического отбора получаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть тех, кто способен отбирать и обрабатывать информацию. Тем самым начинается разделение культур, существовавшее во времена Средневековья: между теми, кто способен был читать рукописи и, значит, критически осмыслять религиозные, философские и научные вопросы, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе - отобранных и обработанных их творцами. Тема для фантаста! Будущий век, в котором пролетарское большинство пользуется только зрительной коммуникацией, а планируется эта коммуникация компьютерной литературной элитой.

Оставим вопрос о пролетариях, потому что мы-то с вами принадлежим к этой самой "аристократии", и вернемся к противостоянию компьютера и книги.

Книги относятся к двум категориям: книга для чтения и книга-справочник. Книга для чтения - а это может быть что угодно: роман, философский трактат, социологическое исследование - читается по принципу "разворачивания истории": на первой странице говорится, что про-

изошло убийство, история разворачивается, пока, наконец, на последней странице не оказывается, что убийцей, как всегда, был дворецкий. Кончилась книга - кончилось ваше чтение. Автор хочет, чтобы вы начали с первой страницы, расследовали вопросы, которые он вам предлагает, и потом он подаст вам вывод. В числе ненормальных, которые читают книги не так, - университетские профессора. Допустим, исследователь разрабатывает тему Иерусалима в творческом наследии Фомы Аквинского, и, таким образом, он будет перелистывать тысячи страниц, фокусируя свое внимание только на тех местах, где было упомянуто слово "Иерусалим". Или вот еще хорошее занятие - исследовать употребление союза "и" в Библии. (смех в зале) Но для неспециалиста такие способы чтения покажутся очень скучными.

Но есть еще книги для консультации - справочники, энциклопедии. Такие книги лучше сначала прочитать один раз с начала до конца, а потом уже, зная содержание, обращаться к отдельным параграфам. Энциклопедии замышляются для спорадического и никогда - для линейного чтения. Человек, прочитавший энциклопедию с начала до конца, - готовый кадр для психбольницы. Люди открывают энциклопедии, чтобы узнать, когда жил Наполеон и какова формула синильной кислоты.

Университетские профессора читают энциклопедии особенно изощренным образом. Допустим, мне надо посмотреть, мог ли Наполеон встретиться с Кантом. Я беру тома на "Н" и на "К", смотрю, что годы жизни Наполеона - 1769-1821, а Канта - 1724-1804. В 1804 году Наполеон уже был императором, значит, не исключено, что они встречались. Наверно, я полезу смотреть об этом статью "Кант", потому что Наполеон в своей жизни перевидал столько людей, что о встрече его с Кантом в короткой статье могли и не упомянуть, а вот если Кант встречался с Наполеоном, то в статье о нем этот факт может быть упомянут. Короче говоря, мне придется лазить по полкам, совершать физический труд (именно поэтому университетские профессора выглядят такими дряхлыми). С помощью же гипертекста я выполню эту работу за несколько минут или секунд.

Несколько или даже один CD-ROM могут вместить всю "Британнику", причем им будет гораздо удобнее пользоваться. Полки, заставленные сплошняком энциклопедиями, как у меня дома, скоро начнут освобождаться, и я не вижу причин скорбеть об исчезновении всех этих томов.

Настоящее несчастье состоит не в том, что человек не может купить энциклопедию. Может, на это у него деньги есть, но у него никогда не

хватит денег снять квартиру, достаточную, чтобы эту энциклопедию поставить! Попробуйте подарить "Британнику" японцу. Куда ему ее деть?

Гипертекстуальный диск вытеснит книгу-справочник. Но вытеснит ли он книгу для чтения? Этот вопрос можно переформулировать в виде двух отдельных вопросов. Первый: может ли электронный носитель заменить книгу для чтения, и второй: может ли мультимедийный CD-ROM изменить саму природу произведения для чтения?

Ответим прежде всего на первый вопрос.

Книга не умрет, книга останется необходимой - вот я наконец это и объявляю. (Оживление в зале). Причем не только художественная литература, но все случаи, когда требуется чтение неторопливое, вдумчивое, то есть не просто получение информации, но и размышление о ней. Читать с дисплея - это совсем не то же самое, что читать со страницы. Подумайте, как вы знакомитесь сами с новой компьютерной программой. Обычно любая программа способна выводить на дисплей все необходимые инструкции, тем не менее пользователи покупают книгу-учебник или как минимум распечатывают инструкции. (Оставим сейчас в стороне вопрос, что компьютерные хэлпы пишутся, как правило, идиотами, а учебники - очень талантливыми людьми).

Компьютеры способны распространять новые формы грамотности, но неспособны удовлетворять те интеллектуальные потребности, которые они сами же и стимулируют. Когда я в хорошем настроении, я начинаю мечтать о новом поколении, которое привыкнет читать с экрана и самопроизвольно начнет искать новые, более захватывающие способы чтения.

На симпозиуме по будущему книги в Сан-Марино Режи де Брэ говорил, что древнееврейская культура опиралась на книгу, потому что древнееврейский народ кочевал. И это очень важное наблюдение. Египтяне могли высекать свою историю на обелисках. Моисей - не мог. Тот, кто хочет идти через Красное море, может взять свою историю в виде свитков, но никак не в виде обелиска. И другая кочевая цивилизация - арабская - тоже опиралась на книгу и тоже предпочитала письмена рисункам.

У книги есть еще одно преимущество перед компьютером. Даже напечатанная на современной окисляющейся бумаге, которая живет не больше 7-10 лет, все-таки книга крепче магнитной записи, она живет дольше. Потом, она не зависит от электрополей и от замыканий. Бумажная книга все еще самый дешевый, удобный способ передачи информации при низких расходах. Компьютерная информация забегаает вперед, а

книга путешествует вместе с нами, с удобной для нас скоростью. И даже если выбросить нас на необитаемый остров, где нет электрической розетки, мы сможем читать книгу, а компьютер - не сможем. Книгу можно читать, сидя на верблюде, лежа в ванне, занимаясь любовью...

В гипертекстуальном переложении даже детектив может иметь открытую структуру, и читатель сам сможет решать, будет ли убийцей дворецкий, или кто-нибудь вместо него, или вообще следователь.

Это не новая идея. До изобретения компьютера поэты и писатели мечтали о полностью открытом тексте, который читатели могли бы переписывать как им нравится, бесконечное количество раз. Такова была идея Малларме. Джойс задумал "Поминки по Финнегану", мечтая об идеальном читателе, мучимом "не-сонницей". Макс Запрота в пятидесятые годы опубликовал роман, в котором страницы можно было перемешивать, чтобы получались разные сюжеты. Джанни Баллестрини заложил в свое время в один из самых первых компьютеров серию строф, и компьютер выдавал множество стихотворений. Рэймон Кено изобрел компьютерный алгоритм, благодаря которому стало возможным получить бесконечное количество стихов с бесконечным количеством вариантов строк. Многие современные музыканты делают аналогичные опыты с музыкой.

Проблема изменения природы текста тоже распадается на две проблемы. В одном случае, это идея физической передвижки текста. Текст, способный к передвижке, дает впечатление полной свободы, но это только впечатление, иллюзия свободы. Единственная машина, способная породить действительно бесконечное количество текстов, была порождена тысячелетия назад, и это - алфавит. Конечным числом букв порождаются миллиарды текстов. Текст - стимул, который в качестве материала дает нам не буквы, не слова, а заранее заготовленные последовательности слов, либо целые страницы, но полной свободы нам не дает. Мы можем только передвигать конечное количество заготовок в рамках текста. Но я, как читатель, имею полную свободу наслаждаться традиционным детективом, используя не только печальную предназначенную концовку. Я беру роман, в котором он и она умерли, и я волен или оплакивать их кончину, или придумать себе концовку, в которой они поженились и жили долго и счастливо. Таким образом, мне, как читателю, лучше иметь заверченный текст, который я могу переиначивать в течение долгих лет, нежели текст-конструктор, с которым я могу проводить только определенные манипуляции.

Это перспектива подводит нас к другой проблеме: текст, физически конечный и предельный, может интерпретироваться бесконечными спо-

собами, или, скажем, очень многими способами, но - не любыми способами. Но об этом аспекте я уже говорил, и разбирать его мы сейчас не будем.

Вернемся к вопросу о гипертексте. Гипертекстов, по моему мнению, имеется три различных вида. Но чтобы войти в этот разговор, надо отграничить понятие "текст" от понятия "система".

"Система" - в данном случае лингвистическая система - это сумма возможностей, содержащихся в данном естественном языке. Каждая лингвистическая единица может интерпретироваться посредством другой лингвистической или другой семиотической единицы, то есть слово может быть выражено через определение, случай - через экземплу, природный вид - через изображение и так далее. Системы, наверно, конечны. Но они беспредельны. Спиралеобразное движение может совершаться *ad infinitum*, до бесконечности. В этом случае, несомненно, все возможные книги вытягиваются из хорошего словаря и из хорошей грамматики. Правильно используя словарь Уэбстера, вы можете написать как "Потерянный рай", так и "Улисса".

Безусловно, гипертекст, когда он замышляется таким образом, может сделать любого читателя автором. Если одну и ту же гипертекстуальную систему дать Шекспиру и школьнику, у них будут совершенно одинаковые шансы написать "Ромео и Джульетту". Однако тексты - это не энциклопедические и не лингвистические системы. Тексты сужают бесконечные или неопределенные возможности систем и создают закрытый универсум. Книга "Поминки по Финнегану", конечно, открыта для интерпретации, но из нее никоим образом невозможно вытянуть теорему Ферма или полную фильмографию Вуди Аллена. Это кажется трюизмом, но коренной ошибкой безответственных деконструктивистов было верить, что с текстом можно делать все, что угодно. Это вопиющая нелепость. Текстуальный гипертекст конечен и предельен, хотя он и открыт бесчисленным текстуальным интерпретациям. Гипертекст очень хорош для работы с системами, т.е. теми книгами, которые предназначены для консультаций, но он не может работать с текстами, т.е. с книгами для чтения. Системы предельны, но бесконечны. Тексты - предельны и конечны, хотя интерпретаций может быть очень много. Существует еще и третий вариант. Давайте вообразим себе гипертексты беспредельные и бесконечные. Это бывает в Интернете. Запускается сюжет и каждый пользователь дописывает кусочек, и этот бесконечный червяк тянется и тянется. Получается джазовый джем-сейшн, когда исчезает традиционное понятие авторства и открывается новое поле для свободного творче-

ства. Как автор книги "Открытое произведение", я не могу не радоваться подобной перспективе. Но есть разница в деятельности по порождению текста и существованию уже порожденного текста. В нашей современной культуре мы по-разному подходим к записи Бетховена и джемсейшну в Новом Орлеане, совершающемуся у нас на глазах.

Мы, скорее всего, движемся к обществу с более значительным уровнем свободы, и в нем свободное творчество будет сосуществовать с интерпретацией текста. Но не надо говорить, что мы заменили одно другим. Пусть будет и то, и другое.

Смотреть телевизор и ходить в кино - это разные вещи. Гипертекстуальное устройство, которое позволит нам изобретать новые тексты, не имеет ничего общего с нашей способностью интерпретировать уже существующие.

Бытует мнение, что тексты, создаваемые онлайн, разрушают авторское представление о тексте. Позвольте же мне закончить следующим.

Я хочу закончить панегириком тому конечному и предельному миру, который открывают нам книги. Вы читаете "Войну и мир" и мечтаете только об одном: чтобы Наташа отвергла этого дурака Анатоля и вышла за князя Андрея и чтобы он не умер и они жили долго и счастливо. Переписывайте эту историю за компьютером сколько вам угодно. Создавайте бесчисленное множество собственных "Войн и миров". Пусть Пьер Безухов убьет Наполеона или пусть Наполеон победит Кутузова. Но в этой книге нам делать нечего. Увы, нам придется принять закон Локка: признайте неотвратимость судьбы.

Гипертекстуальный роман дает нам свободу и творчество, и будем надеяться, что эти уроки творчества займут место в школе будущего. Но написанный роман "Война и мир" подводит нас не к бесконечным возможностям свободы, а к суровому закону неминуемости. Чтобы быть свободными, мы должны пройти урок жизни и смерти, и только одни книги способны передать нам это знание».

Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст / У. Эко // Режим электронного доступа:
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php

Вопросы:

а) Попробуйте объяснить парадоксальность положения, приведенного в качестве примера У. Эко о Сократе, который потерпел поражение, потому что не публиковался, а с другой стороны, текст обед-

нил бы его речь и заслонил бы облик философа.

б) Что такое книга и гипертекст, согласно У. Эко? В чем автор видит их противостояние?

в) Почему одним из вариантов решения глобальных проблем современности У.Эко видит в гипертексте?

г) Какие три вида гипертекста выделяет У. Эко?

д) Что такое визуальная и вербальная коммуникации? Какую роль они играют в жизни человека? Проанализируйте их на примерах из истории.

е) Согласны ли вы с позицией У.Эко, что «книга не умрет» т.к. учебники пишут талантливые люди, а компьютерные хэлпы – идиоты??

8.4. Прочитайте фрагмент работы А. Жарова «Будущее. Эволюция продолжается» и ответьте на вопросы:

«Таким образом, замедление роста народонаселения, должно быть как-то связано с возможным замедлением темпов ускоренного развития цивилизации и даже его остановку уже в ближайшее время. Но прогресс не может просто так остановиться. Это было бы не странно - четыре миллиарда лет он шёл, всё быстрее идёт сейчас, и вдруг, должен остановиться... Причём замедление темпов роста народонаселения наблюдается уже сейчас, а замедления темпов развития пока не видно. Попробуем предположить почему же это происходит.

Возможная альтернатива - появление "электронных личностей" - неких разумных программ заменяющих сотни миллионов людей в общественном производстве (примитивные программы используются нами уже сейчас и удешевляют силы личности - т. е. один современный человек с компьютером заменяет десятки и даже сотни людей со счётами - вот и возможный ответ на поставленный в конце предыдущего абзаца вопрос). Действительно, сегодня, труд многих людей тесно связан с компьютерами. Не видно причин, почему бы соответствующие "разумные" программы, если они появятся, не заменили бы этих людей совсем. Причём для "электронных личностей" практически не требуются ресурсы (энергетические и пространственные). Следовательно, если численность людей в Цивилизации остановится на отметке 10 - 15 млрд. человек, количество "электронных личностей" может продолжать экспоненциально расти до астрономических величин, тем самым, предопределяя дальнейшее развитие. Вероятно даже, что людей в новом мире должно быть гораздо меньше, чем сей-

час. Тогда им хватит и возобновляемых ресурсов - биомассы, гидро- и ветроэнергии.

Дальнейший прогресс, при остановке роста населения, будет возможен за счёт появления "электронных существ". Эти относительно маломощные существа вероятно появятся в 2050 гг., и на многих рабочих местах, смогут заменить людей. Возможно, они займут вновь появляющиеся при развитии места - возможно, связанные с освоением других планет солнечной системы, а так же места в структурах власти, управления бизнесом и др. Тем не менее, люди останутся. Они будут составлять "тело" Цивилизации, как и сейчас».

Вопросы:

а) Как решает А Жаров демографическую проблему, которая является одной из глобальных проблем современности?

б) Кто такие «электронные личности»?

в) Согласны ли вы, что «электронные существа» смогут заменить людей во всех сферах человеческой деятельности? Аргументируйте свое согласие или несогласие с позицией автора.

РЕКОМЕНДУЕМЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Борисова Е.М. Философия [Электронный ресурс] : учебно-практическое пособие / Е.М. Борисова, Н.И. Джохадзе // Электронный читальный зал - Библиотех : электронно-библиотечная система. – М., [200-]. – .М. : ЕАОИ, 2011. – 414 с.

2. Вечканов В.Э. Философия [Электронный ресурс] : курс лекций. Аудиокнига МР3 / В.Э. Вечканов. – Электронные данные. – М. : КноРус, 2010. – 1 электрон.опт.диск (CD-ROM)

3. Вечканов В. Э. История и философия науки : учебное пособие для вузов / В. Э. Вечканов. – Москва : РИОР, ИНФРА-М, 2013. – 256 с.

4. Воденко К. В. Социальная антропология : учебное пособие для образовательных учреждений высшего профессионального образования / К. В. Воденко, С. С. Черных, С. И. Самыгин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2014. – 283 с.

5. Гусева Е. А. Философия и история науки : учебник для аспирантов / Е. А. Гусева, В. Е. Леонов. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 127 с. : ил.

Лешкевич Т. Г. Философия и теория познания : учебное пособие для вузов / Т. Г. Лешкевич. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 407 с.

6. Липский Б.И. Философия : учебник для вузов / Б.И. Липский, Б.В. Марков. – М. : Юрайт, 2011. – 495 с. – (Основы наук)

Нижников С. А. Философия : учебник для вузов / С. А. Нижников. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – 459 с.

7. Никитич Л.А. История и философия науки [Электронный ресурс] : учебное пособие для вузов / Л.А. Никитич. – Электронные данные. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 1 электрон.опт.диск (CD-ROM). – (Учебная литература для высшего и среднего профессионального образования).

8. Хрестоматия по философии : учебное пособие / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова ; сост. П. В. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 574 с.

9. Хрусталеv Ю.М. Философия : учебник для вузов / Ю.М. Хрусталеv. – М. : Академия, 2011. – 320 с. – (Высшее профессиональное образование. Бакалавриат).